

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

**«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)**

На правах рукописи

Романова Екатерина Александровна

**Культурные стратегии КНР как инструмент обеспечения национальной
безопасности страны в конце XX – первой четверти XXI вв.**

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., профессор

В.С. Мирзеханов

Москва 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Доктрина национальной безопасности КНР	44
1.1. Эволюция концепта «национальная безопасность» в официальных китайских документах с 1978 г. по настоящее время.....	45
1.2. Действующая концепция национальной безопасности КНР и ее приоритеты	63
1.3. Сравнительный анализ концепций национальной безопасности КНР, США и Российской Федерации	72
Глава 2. Средства обеспечения национальной безопасности КНР: стратегическая мысль, стратегическая культура и культурная стратегия	94
2.1. Развитие стратегической мысли как средства обеспечения национальной безопасности.....	94
2.2. Понятие стратегической культуры как отражение нового этапа развития стратегической мысли	112
2.3. Культурная стратегия как средство обеспечения национальной безопасности ..	126
Глава 3. Основные инструменты реализации культурных стратегий КНР	137
3.1. Доктрина «мягкой силы» и особенности культурной дипломатии Китая	137
3.2. Институты Конфуция как инструмент китайской культурной стратегии.....	151
3.3. Экспертно-аналитические центры нового типа как инструмент распространения китайского культурного влияния	163
Заключение	179
Список источников и литературы	186

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования

Одним из ключевых участников системы международных отношений в настоящее время выступает Китай. Это определяет устойчивый интерес научного сообщества к различным аспектам деятельности Китая на международной арене, к его внешней политике, к средствам и методам обеспечения КНР собственной национальной безопасности.

Стремительно нарастив свой экономический потенциал в последние два десятилетия XX в., в первой четверти XXI в. Китай уже не ограничивается ролью главной «фабрики мира» и уверенно превращается в глобальную державу. В новых исторических условиях интересы Китая начинают распространяться далеко за пределы его национальных границ, причем речь идет не только о поиске новых рынков для сбыта его промышленной продукции, но и о выработке стратегий, позволяющих обеспечить желательный для Китая баланс сил на международной арене и гарантировать его национальную безопасность как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в других частях мира.

Осваивая статус глобальной державы, Китай объективно вынужден действовать, как и другие глобальные игроки, такие, как США, Евросоюз и Россия, которые, хотя и с разной степенью эффективности, используют все виды стратегий продвижения своих интересов на международной арене. С одной стороны, опираясь на свой колоссальный экономический потенциал, Китай наращивает военную и военно-морскую мощь и все активнее проецирует ее вовне, прежде всего в акватории западной части Тихого океана. С другой стороны, он пытается конвертировать свой потенциал в стратегию «мягкой силы» и расширить собственное культурное влияние далеко за пределами Поднебесной.

Несмотря на устойчивый интерес научного сообщества к изменяющемуся поведению Китая на международной арене, далеко не все аспекты этого поведения проанализированы в достаточной мере. В то время

как китайские стратегии «жесткой силы» уже довольно давно находятся в поле зрения специалистов в области геополитики и международных отношений, культурные стратегии (=стратегии культурного влияния) Китая вышли в центр внимания ученых лишь в самое последнее время – параллельно с тем, как усилилась их роль во внешней политике Китая и как она была артикулирована новым политическим руководством КНР.

Помимо того, что изучение культурных стратегий Китая на международной арене все еще остается для научного сообщества достаточно новым делом, свое влияние на это продолжают оказывать и укоренившиеся в российской науке западно-центричные подходы и модели мышления. Так, в изучении культурных стратегий Китая и его политики «мягкой силы» продолжают сохраняться стереотипы, характерные для анализа аналогичных стратегий западных стран, использующих в качестве инструментов культурного влияния главным образом продукцию глобальных корпораций, таких, как Netflix, Google, Microsoft и другие. Однако культурные стратегии Китая зачастую реализуются иными способами. Китай не обладает возможностями влиять на остальной мир через продукцию глобальных корпораций (едва ли не единственной среди таковых была китайская Huawei). Вместо этого он продвигает свои институты популяризации китайского языка (институты Конфуция), рассказывает о достижениях китайской цивилизации через сети экспертно-аналитических центров «нового типа» и пропагандирует концепцию «сообщества единой судьбы», составляющую ядро его новой внешнеполитической риторики.

Поведение Китая на международной арене во многих аспектах похоже на поведение других глобальных держав, но при этом обладает уникальной спецификой. Китай не может в чистом виде использовать чей-либо исторический опыт и действует, исходя из имеющихся у него возможностей. Он опирается на опыт собственной цивилизации и смотрит на остальной мир с собственной точки зрения. Понять, как это происходит и к чему ведет, является актуальной научной задачей.

Китай не может обеспечить свою национальную безопасность с помощью инструментов «мягкой силы», двигаясь тем же путем, что и другие глобальные игроки, поэтому в изучении глобальных стратегий Китая важно делать акцент именно на китайском подходе к решению этой задачи. Актуальность данного исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать этот особый китайский подход к вопросу о том, как защищать свои интересы и обеспечивать национальную безопасность в условиях, когда чужие модели поведения являются непригодными.

Историография исследования и степень изученности проблемы.

Вопросам обеспечения национальной безопасности Китая и использования Пекином стратегий культурного влияния на международной арене посвящена разнообразная литература. Представляется необходимым разделить весь ее массив на тематические блоки. Кроме того, ожидаемо необходимым является подразделение ее по языковому принципу.

Первая группа исследований включает в себя фундаментальные работы по истории Китая, в которых интересующие нас вопросы специально не артикулированы и рассматриваются в общем порядке наряду с другими вопросами, такими, как хозяйственное развитие, управление, культура, международные связи и т.д.

В отечественной литературе среди них важное место занимает 10-томная коллективная монография «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» под редакцией академика С.Л. Тихвинского¹. Ее авторам пришлось решить трудную задачу: дать исчерпывающий обзор многотысячелетней истории китайской цивилизации, затронув все наиболее важные стороны ее развития. Большое внимание было уделено политике Китая на международной арене и использованию правителями Поднебесной различных приемов распространения своего культурного влияния на другие страны. Вместе с тем проблемы культурного влияния с целью обеспечения

¹ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский; отв. ред. А.П. Деревянко; Ин-т археологии и этнографии Сибир. отд. РАН. – М.: Наука: Вост. лит. – 2013.

национальной безопасности (обороноспособности) Китая в этом масштабном исследовании представлены применительно лишь к отдельным периодам китайской истории: Сун (X–XIII вв.), Мин (XIV–XVII вв.), Цин (XVII–XIX вв.), эпоха реформ, становления рыночной экономики и «общества сяокан» (конец XX – начало XXI в.).

Вклад в изучение истории Китая внесла трехтомная монография советского и российского историка Л.С. Васильева. В первом томе² работы представлен краткий обзор предыстории Китая, анализируются древнекитайские источники и история их изучения. Второй том³ описывает события периода Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.). Здесь основное внимание уделяется структуре китайского общества, проблемам феодализма на древнекитайской земле и процессу дефеодализации в Чжоуском Китае. Важным аспектом исследования является анализ динамики изменений в системе власти и социальной структуре Китая на протяжении данного периода. Последний том⁴ посвящен эпохе Чжаньго («Сражающиеся царства»). В нем рассматриваются вопросы политической и социально-экономической истории Китая, роль различных правителей и династий в формировании и развитии государства. Кроме того, особое внимание уделяется взаимодействию Китая с соседними регионами и другими древними цивилизациями. Трехтомник «Древний Китай» является ценным источником информации о формировании и развитии древнекитайской цивилизации, который позволяет получить глубокое понимание истории и культуры Китая.

В исследованиях О.Е. Непомнина «История Китая. Эпоха Цин»⁵ и «История Китая. XX век»⁶ дано систематическое изложение хода китайской

² Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 1: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. – 1995. – 379 с.

³ Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 2: Период Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. – 2000. – 623 с.

⁴ Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 3: Период Чжаньго (V–III вв. до н.э.). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. – 2006. – 679 с.

⁵ Непомнин О.Е. История Китая. XX век / О.Е. Непомнин. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. – 736 с.

⁶ Непомнин О.Е. История Китая. XX век / О.Е. Непомнин; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН: Крафт+. – 2011. – 727 с.

истории с XVII по XX в. Показано, что она характеризуется цикличностью периодов упадка и развития, и распространением культурного влияния Поднебесной в периоды ее процветания, каковым были значительная часть эпохи Цин и период модернизации, начавшийся после 1978 г.

Монография под редакцией Д.В. Буярова и Д.В. Кузнецова «Современный Китай: страницы истории»⁷ также представляет интерес для изучения заявленной проблемы. В настоящем исследовании рассматриваются ключевые направления внутри- и внешнеполитического развития Китая в период с XX по начало XXI века. Анализируется историческая ретроспектива, сфокусированная на значимых событиях и процессах, определивших сложное и динамичное развитие Китая того времени. Представленные материалы могут быть полезны историкам, особенно специалистам в области китаеведения, международных отношений, политологии, социологии и этнологии. Важным аспектом исследования является акцентирование внимания на наиболее значимых событиях и процессах, которые сформировали современную политическую, экономическую, социальную и культурную системы Китая.

В работе В.Г. Дацышена⁸ «Изучение истории Китая в Российской империи», освещаются вопросы формирования и расширения научного исследования истории Китая в России. Автор предоставляет анализ, основанный как на исторических архивных документах, так и на исследованиях, проведенных историками и синологами. Аналитическая основа работы формировалась из опубликованных и неопубликованных трудов российских востоковедов XVIII – начала XX века, труды которых посвящены истории и китайской историографии.

Заметное место среди современных исследований такого рода занимает коллективная монография под редакцией А.Д. Воскресенского «Модель

⁷ Буяров Д.В., Кузнецов Д.В. Современный Китай: страницы истории / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – М.: Ленанд. – 2016. – 368 с.

⁸ Дацышен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи / В. Г. Дацышен. – М.: Проспект. – 2017. – 192 с.

развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы»⁹, в которой целый раздел посвящен внешней политике КНР, использованию стратегий «мягкой силы», продвижению дискурса о «сообществе единой судьбы человечества», а при оценке культурного развития Китая внимание фокусируется на конфуцианстве, которое показано как инструмент форматирования самоидентификации Китая в политическом курсе Си Цзиньпина.

Кроме того, интересной является работа Е.Н. Румянцева «Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина»¹⁰. В научно-исследовательском тексте освещаются современные вопросы внутренней и внешней политики Китая, при этом основной упор делается на событиях, произошедших после прихода пятого поколения дидеров во главе с Си Цзиньпином. Внимание уделяется проявлениям «инноваций» Коммунистической партии Китая в сфере идеологии, проводимой антикоррупционной кампании, внутренней борьбе среди руководства партии и государства, структуре силовых органов в Китае и некоторым направлениям внешнеполитической ориентации Пекина.

Оригинальный взгляд на традиционную культуру и историю Китая предлагает известный китаевед В.В. Малявин в своей книге «Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени»¹¹. В ней автор подробно исследует художественную культуру, миропонимание и быт страны в XVII веке – непростом столетии, когда искусство и способ жизни находились в расцвете, но в то же время традиционная китайская культура начинала уходить на задний план. Основной упор делается на различных видах искусства, таких как живопись, каллиграфия, архитектура, театр, скульптура. Автор анализирует и выделяет общую основу художественного канона, а также исследует

⁹ Воскресенский А.Д. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». – М.: Стратегические изыскания. – 2019. – 736 с.

¹⁰ Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина / Е.Н. Румянцев. – М.: Синосфера. – 2016. – 589 с.

¹¹ Малявин В.В. Сумерки Дао: Культура Китая на пороге Нового времени / Владимир Малявин. – М.: Издательство АСТ. – 2019. – 560 с.

взаимосвязь между культурой, природой и человеком в китайской традиции. Особое внимание уделяется символизму, который имеет важное значение в повседневной жизни и в современном китайском языке.

Еще одним интересным российским исследователем является Н.А. Спешнев и его работа «Китайцы: особенности национальной психологии»¹². В книге, которая является новаторским исследованием в отечественном востоковедении, подробно изучается психология китайцев на основе большого количества фактических данных и использования источников на китайском языке. Автор анализирует такие аспекты как менталитет, образ мышления, коммуникативные особенности, эстетические взгляды и невербальное общение китайцев.

Среди исследований отечественных авторов могут быть отмечены работы А.И. Кобзева¹³, В.С. Куликова¹⁴, М.Л. Титаренко¹⁵, К.М. Тертицкого¹⁶, А.А. Бокщанина, О.Е. Непомнина, Т.В. Степутина¹⁷, А.П. Шилова¹⁸, Ю.В. Чудодеева¹⁹, Г.Ф. Салтыкова²⁰ и др., в которых обсуждаются особенности национальной психологии китайцев, менталитета, специфика вербальной и невербальной коммуникации, и посредством этого демонстрируется характер китайского отношения к остальным народам и государствам, открывается интересная перспектива для осмысления китайских культурных стратегий в качестве инструментов обеспечения национальной безопасности.

Фундаментальные исследования по истории Китая в рамках *зарубежной литературы*, как западной, так и китайской, затрагивающей интересующие

¹² Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н.А. Спешнев. – СПб: Каро. – 2011. – 331 с.

¹³ Кобзев А.И. Категория и основные понятия китайской философии и культуры // Народы Азии и Африки. – М.: Восточная литература. – 2006. № 3. – С. 66-81.

¹⁴ Куликов В.С. Китайцы о себе. – М.: Политгиздат. – 1989. – 256 с.

¹⁵ Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. – М.: Республика. – 1999. – 256 с.

¹⁶ Тертицкий К.М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. Часть 1. – М.: ИСАА МГУ. – 1994. – 248 с.

¹⁷ Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степутина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. – М.: Восточная литература. – 2010. – 600 с.

¹⁸ Шилов А.П. Конец древности: о духовном кризисе современного китайского общества и поиске новых ценностей. – М.: Институт Дальнего Востока РАН. – 2009. – 236 с.

¹⁹ Чудодеев Ю.В. На глазах меняющийся Китай. – М.: Институт востоковедения РАН. – 2008. – 160 с.

²⁰ Салтыков Г.Ф. Традиция, механизм ее действия и некоторые ее особенности в Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая. – М.: Наука. – 1972. – 376 с.

нас вопросы, – весьма многочисленны. Среди трудов западных авторов, позволяющих получить наиболее общие представления о трансформации китайских подходов к обеспечению национальной безопасности на протяжении последних столетий, в особенности в XX в., особое место продолжает занимать работа Генри Киссинджера «О Китае»²¹. В ней помимо прочего обсуждаются конфуцианские истоки китайской внешней политики, стратегия умиротворения варваров через демонстрацию культурного превосходства, внешнеполитическая доктрина Вэй Юаня об «использовании варваров против варваров», а также история выстраивания Китаем отношений с другими глобальными державами — СССР/Россией и США.

Американский синолог Херли Крил²² исследует основные этапы формирования философской системы Китая от становления династии Шан до момента образования Китайской Народной Республики. Автор подробно описывает философские воззрения, которые сложились в древней китайской истории, представляет основные принципы учения Конфуция, философские концепции даосизма и неоконфуцианства, а также наследие Мо-цзы и Мэн-цзы. В заключительных главах своей работы, Херли Крил анализирует крупные политические изменения, произошедшие в Китае в первой половине XX века, и делает вывод о том, что фундаментальные принципы традиционной философии продолжают оставаться важным элементом в современном китайском обществе. Влияние этих принципов можно наблюдать в различных сферах жизни страны.

Патрисия Эбри²³, американский историк и китаевед, представляет развитие китайской культуры, начиная с древнейших времен до настоящих дней, исследует развитие конфуцианства, буддизма, императорские династии и влияние вторжений монголов, маньчжуров и западных стран на территорию Китая.

²¹ Kissinger H. On China // NY.: Penguin. – 2012. – 624 p.

²² Creel H.G. Chinese thought, from Confucius to Mao Zedong // University of Chicago Press. – 1953. – 292 p.

²³ Buckley E.P. The Cambridge Illustrated History of China // Cambridge: Cambridge University Press. – 2010. – 359 p.

Британский историк Дж. А. Г. Робертс²⁴ в первой части своего труда дает современную интерпретацию ранней и имперской истории Китая, тогда как во второй половине концентрируется на современном периоде и дает отчет об основных событиях – влиянии западного империализма, подъеме китайского коммунизма и истории Китайской Народной Республики с 1949 года.

Кроме того, среди западных историков, экспертов в области культуры и философии можно отметить Джошуа Дж. Марка²⁵, Джона М. Коллера²⁶, Пола А. Коэна²⁷, Жака Мартина²⁸, Джона Кинга Фэрбенка и Мерла Голдмана²⁹, Марселя Гране³⁰.

Если говорить о китайских исследователях, то научная литература составляет обширный блок работ. Еще более 2000 лет назад китайская историография начала постепенно формировать собственную уникальную традицию «большой истории», а ее основателем был Сыма Цянь³¹, которого весь мир провозгласил «Мудрецом истории». Его предложение «изучать отношения между небом и человеком» является ключом к его «большому историческому» взгляду. Конфуцианский философ Дун Чжуншу³² разрабатывал теорию неба и человека, в целях достижения единства и гармонии человеческого общества и естественного существования, а также исследовал взаимосвязи между объектом – «небом» и субъектом – «человеком». Таким образом, написание этой книги создало парадигму совместного существования «неба» и «человека», что имеет важное значение в китайской культуре и философии. Китайская историография с ее тысячелетней

²⁴ Roberts J.A.G. A Concise History of China // Harvard University Press. – 1999. – 341 p.

²⁵ Joshua J. Mark. Ancient Chinese Philosophy // World History. – 2020. URL: https://www.worldhistory.org/Chinese_Philosophy/ (дата обращения: 05.11.2022)

²⁶ John M. Koller. Asian Philosophies // Pearson Prentice Hall. – 2007. – 364 p.

²⁷ Paul A. Cohen. A path twice traveled: my journey as a historian of China // Fairbank Center for Chinese Studies at Harvard University. – 2019. – 303 p.

²⁸ Jacques M. When China rules the world: the end of the Western world and the birth of a new global order // Penguin Books. – 2009. – 576 p.

²⁹ Fairbank J.K., Goldman M. China: a new history // Harvard University Press. – 2006. 2nd ed. – 640 p.

³⁰ Granet M. Chinese civilization // Routledge. – 2013. – 488 p.

³¹ Qian Sima. Historical records / translated by R. Dawson // Oxford University Press. – 1994. – 176 p.

³² Loewe M. Dong Zhongshu. A “Confucian” heritage and the Chunqiu Fanlu // BRILL. – 2011. – 369 p.

традицией «большой истории», несомненно, внесла свой уникальный вклад в развитие российской историографии сегодня.

Схожие сюжеты рассматриваются и в книгах китайских авторов. В их числе следует отметить «Очерк национальной истории» Цянь Му³³, в которой подчеркивается, что при решении проблем обеспечения национального суверенитета и безопасности следует опираться на китайскую культурную традицию. «Очерк китайской истории» Чжан Иньлиня³⁴, автор которой приходит к аналогичным выводам, а также «Сборник всеобщей истории Китая» Фань Вэньланя³⁵, который связывает вопросы культурного влияния Китая на остальной мир с историей политических и военных успехов этой страны.

В дополнение анализа темы по истории и культуре Китая были рассмотрены труды следующих китайских авторов: Цзян Сиюань³⁶, Ли Шоучан³⁷, Чжан Сюйпэн³⁸, У Хуайци³⁹, Чжу Сицзу⁴⁰, Чэнь Дэнюань⁴¹.

Ко второй группе исследований могут быть отнесены работы, посвященные проблематике китайской внешней политики, стратегическим (оборонным) доктринам Китая, методам долгосрочного планирования китайской линии поведения на международной арене.

В этом плане в сегменте российской литературы могут быть отмечены исследования Ю.М. Галеновича, прежде всего его монография «Глобальная

³³ 钱穆。国史大纲 // 商务印书馆。— 2010。— 946 页。 [Цянь Му. Очерк национальной истории // Коммерческая пресса. — 2010. — 946 с.]

³⁴ 张荫麟。中国史纲 // 中国友谊出版公司。— 2022。— 224 页。 [Чжан Иньлинь. Очерк китайской истории // Издательство «Китайская дружба». — 2022. — 224 с.]

³⁵ 范文澜。中国通史简编 // 天津人民出版社。— 2020。— 464 页。 [Фан Вэньлань. Сборник всеобщей истории Китая // Тяньцзиньское народное издательство. — 2020. — 464 с.]

³⁶ 江西元。中国和平崛起 // 北京：中国社会科学出版社。— 2004。— 381 页。 [Цзян Сиюань. Мирный подъем Китая // Пекин: China Social Sciences Press. — 2004. — 381 с.]

³⁷ 李大钊。史学要论 // 商务印书馆。— 2010。— 190 页。 [Ли Дачжао. Основы истории // Коммерческая пресса. — 2010. — 190 с.]

³⁸ Zhang Xupeng. “In and out of the west: On the past, present, and future of Chinese historical theory.” // History and Theory. — 2015. — pp. 46-63.

³⁹ Wu Huaqi. An historical sketch of Chinese historiography // Springer. — 2018. — 503 p.

⁴⁰ 朱希祖。中国史学通论 // 江西教育出版社。— 2018。— 432 页。 [Чжу Сицзу. Общая теория китайской истории // Jiangxi Education Press. — 2018. — 432 с.]

⁴¹ 陈登原。中国文化史 // 商务印书馆。— 2017。— 972 页。 [Чэнь Дэнюань. История китайской культуры // Коммерческая пресса. — 2017. — 972 с.]

стратегия Китая»⁴², в которой отмечается, что китайская внешняя политика определяется из одного центра, она планируется на десятилетия и столетия, охватывает сферы политики, экономики и культуры, сочетает военные и мирные методы достижения цели. Автор подчеркивает, что Китай обладает собственной глобальной стратегией и преследует свои цели в масштабах всей планеты.

Кроме того, интересующие нас вопросы затрагиваются А.А. Кокошиным в книге Актуальные вопросы трактата Сунь Цзы «Искусство войны»⁴³, где идет речь о достижении «выгод» на войне и обеспечении победы посредством «предварительного расчета» и разрушении замыслов противника невоенными средствами. Автор подчеркивает, что «стратегическое искусство» Сунь Цзы широко применяется в современных китайских моделях обеспечения собственной национальной безопасности, но при этом им пользуются и в США — главном конкуренте Китая на международной арене в наше время.

Оригинальное исследование традиционной военной стратегии Китая представлено известным китаеведом В.В. Малявиным.⁴⁴ Среди переведенных им произведений особое место занимает новый перевод военного канона «Сунь-цзы»⁴⁵, снабженный основными комментариями. В книге присутствует первый русский перевод ранее неизвестного военного трактата Сунь Биня, жившего в IV веке до н. э. Такое разнообразие исследовательских материалов позволяет рассмотреть военные стратегии Китая с разных сторон и продемонстрировать их важность для изучения данной проблемы.

Интересной в этом плане представляется и работа Е.Н. Грачикова «Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей»⁴⁶, в которой анализируются разнообразные способы влияния Китая на окружающий мир, в том числе используемое Китаем искусство смены стратегий — «стратегию

⁴² Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая / Ю.М. Галенович. – М.: Русская панорама. – 2016. – 1176 с.

⁴³ Кокошин А.А. О наследии Сунь Цзы // Социологические исследования. – 2016. № 11. – С. 114-123.

⁴⁴ Малявин В.В. Китайская военная стратегия. – М.: «Издательство АСТ». – 2002. – 432 с.

⁴⁵ Сунь Цзы. Трактат о военном искусстве [пер. с китайского Е.И. Сидоренко]. – М: Воениздат Министерства обороны СССР. – 1955. – 124 с.

⁴⁶ Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей / Е.Н. Грачиков. – М.: Русайнс. – 2017. – 233 с.

заклучения союзов» (1949–1979), «стратегию не вступления в союзы» (1979–2009), новейшие стратегии в области безопасности, предлагаемые современным китайским руководством. Автор показывает, что, по крайней мере, после 2012 г. Китай все больше ориентируется на распространение своего влияния за пределы национальных границ, используя для этого как силовые, так и несиловые методы.

Сегодня различными проблемами в области внутри- и внешнеполитической стратегий КНР активно занимаются С.В. Михневич⁴⁷, Я.М. Бергер⁴⁸, А.О. Виноградов⁴⁹, Н.И. Конрад⁵⁰, А.А. Бартош⁵¹, Э.Н. Ожиганов⁵², Л.С. Переломов⁵³, В.С. Мясников⁵⁴, Т.Г. Завьялова⁵⁵, Б.В. Григорьев, В.И. Чумакова⁵⁶, М.А. Давыдов⁵⁷, Б.М. Теплов⁵⁸.

Что касается *зарубежной историографии*, то в сфере международных отношений все чаще используется концепция стратегической культуры для объяснения особенностей стратегического поведения государств. Но в академических исследованиях остается много неопределенности в разработке этой концепции. Эту проблему рассматривает А. Джонстон⁵⁹, который

⁴⁷ Михневич С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций. – 2015. Т. 10. № 1. – С. 80-117.

⁴⁸ Бергер Я.М. «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром / Российская акад. наук, Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Дальнего Востока Российской акад. наук; [отв. ред.-сост.: А. В. Ломанов, Е. В. Кобелев]. – М.: ИДВ РАН. – 2015. – С. 112-145.

⁴⁹ Виноградов А.О. Асимметричный ответ, или Стратегия Китая в глобальном мире // Философские науки. – 2015. № 1. – С. 116-134.

⁵⁰ Конрад Н.И. Избранные труды: синология. – М.: Главная редакция восточной литературы. – 1977. – 622 с.

⁵¹ Бартош А.А. Стратегическая культура. – М.: Издательство Юрайт. – 2023. – 302 с.

⁵² Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований. – М.: Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2012. – С. 91-102.

⁵³ Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: Издательство ЛКИ. – 2007. – 256 с.

⁵⁴ Мясников В.С. Квадратура китайского круга: избранные статьи: в 2 кн. / Ин-т востоковедения РАН. - М.: Вост. лит., 2006. - 624 с.

⁵⁵ Завьялова Т.Г. Формирование терминологических средств стратегематики в китайской культуре // Восток-Запад: Историко-культурный альманах: 2003-2004. К 85-летию С.Л. Тихвинского / Под ред. акад. В.С. Мясникова. – М.: Вост. лит. – 2005. – С. 255-274.

⁵⁶ Григорьев Б.В., Чумакова В.И. Intercultural Communication. Межкультурные коммуникации. – СПб: ИД «Петрополис». – 2008. – 404 с.

⁵⁷ Давыдов М.А. Китайское искусство стратегии: Теория 36 стратегем по И Цзин; Особые стратегемы терапии; Антистратегемы. – М.: Золотое сечение. – 2011. – 384 с.

⁵⁸ Теплов Б.М. Ум полководца. Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. – М., 1982. – 400 с.

⁵⁹ Johnston AI. Thinking about strategic culture International Security // The MIT Press. – 1995. Vol. 19, No. 4. – pp. 32-64.

проводит детальный анализ истории становления и развития концепции стратегической культуры Китая⁶⁰.

И. Нойманн и Х. Хейкка⁶¹ представляют модель, которая может быть использована для эмпирического исследования политики безопасности и обороны государств. В основу этой модели легла литература, посвященная стратегической культуре и большой стратегии.

Среди западных авторов специального внимания заслуживают работы Л.У. Пая (1985 г.)⁶², американского теоретика стратегии К.С. Грея (1999 г.)⁶³, исследователя в сфере геополитики К. Бута (2005 г.)⁶⁴, эксперта в области глобальных и международных исследований Дж. С. Лантиса (2005 г.)⁶⁵. Характерной их чертой является интерес к так называемой «стратегической культуре» Китая, историческому опыту Китая по выстраиванию отношений с остальным миром на основе использования ресурсов дипломатии, торговли, продвижения своих национальных интересов с опорой на военные и невоенные методы влияния.

Среди китайских исследователей, работающих в этой тематической области, могут быть отмечены публикации Ли Цицзюня⁶⁶, Сюй Гэньчу⁶⁷ и Ван Нэнсяня⁶⁸.

Изучением внешней стратегии и влияния культуры на формирование мышления и принятие стратегических решений китайской нации занимались

⁶⁰ Johnston A.I. Cultural realism: strategic culture and grand strategy in Chinese history / Alastair Iain Johnston // Princeton: Princeton University Press. – 1998. – 307 p.

⁶¹ Neumann I.B., Heikka H. Grand Strategy, Strategic Culture, Practice. The Social Roots of Nordic Defence // Cooperation and Conflict. – 2005. Vol. 40. № 1. – pp. 5-23.

⁶² Pye L.W. Asian power and politics: the cultural dimensions of authority // Harvard University Press. – 1985. – 414 p.

⁶³ Gray C.S. Strategy culture as context: the first generation of the theory strikes back // Review of International Studies. – 1999. Vol. 25. №1. – pp. 49-69.

⁶⁴ Booth K. Strategic culture: validity and validation // The Oxford Journal on Good Governance. – 2005. Vol. 2. № 1. – pp. 25-28.

⁶⁵ Lantis J.S. Strategic culture: from Clausewitz to constructivism // Strategic Insights. – 2005. Vol. 1. № 10. – pp. 5-23.

⁶⁶ 李际均。军事战略思维。 – 北京：军事科学出版社，1998。 – 371 页。 [Ли Цицзюнь. Военно-стратегическое мышление. – Пекин: Военно-научная пресса. – 1998. – 371 с.]

⁶⁷ 徐根初。中华战略文化的传承与发展 // 北京：时事出版社。 – 2008。 – 287 页。 [Сюй Гэньчу. Наследие и развитие стратегической культуры Китая // Пекин: Current Issues Press. – 2008. – 287 с.]

⁶⁸ 王能宪。文化建设论 // 人民出版社。 – 2006。 – 358 页。 [Ван Нэнсянь. Теория культурного строительства // Народное издательство. – 2006. – 358 с.]

писатель и деятель китайской культуры Фэн Мэнлун⁶⁹, выдающийся политик и стратег Юй Линь⁷⁰, специалист в области международных отношений Ван Цзошу⁷¹, китайские исследователи Ли Эрпин⁷² и Пэн Гуанцян⁷³.

Третья группа исследований включает в себя работы, характеризующие стратегию национальной безопасности КНР и фактор «мягкой силы» в китайской внешней политике.

Из работ российских авторов здесь следует специально отметить коллективную монографию под редакцией Г.И. Чуфрина «Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности»⁷⁴, в которой рассматривается вопрос о том, как Китай воспринимает свою безопасность в условиях глобализации и какие меры принимает для ее обеспечения. Кроме того, в ней анализируется, какие последствия этих действий КНР оказывают на мировую и региональную стабильность, на отношения с главными внешнеполитическими партнерами Китая, а также как эти партнеры реагируют и оценивают его практические действия на мировой арене.

Весьма значимым аспектом существования общества на протяжении всех эпох мировой цивилизации являлось обеспечение безопасности. Эта цель нашла свое воплощение на всех уровнях социальной структуры – от индивида до социальных групп, обществ и государств. Концепция «безопасности» возникла одновременно с появлением общества. Среди экспертов,

⁶⁹ 冯梦龙。智囊全集 // 郑州：中州古籍出版社。– 2000。– 1277 页。 [Фэн Мэнлун. Полное собрание сочинений аналитического центра // Чжэнчжоу: Издательство древних книг Чжунчжоу. – 2000. – 1277 с.]

⁷⁰ 俞琳。经世奇谋 // 郑州：中州古籍出版社。– 1999。– 831 页。 [Юй Линь. Чудесные стратегемы управления миром // Чжэнчжоу: Издательство древних книг Чжунчжоу. – 1999. – 831 с.]

⁷¹ 136. 王佐书。中国文化战略与安全研究 // 北京：人民出版社。– 2006。– 274 页。 [Ван Цзошу. Исследование стратегий и безопасности в сфере культуры Китая // Пекин: Народное издательство. – 2006. – 274 с.]

⁷² 李而炳。21 世纪前期中国对外战略的选择 // 北京：时事出版社。– 2004。– 449 页。 [Ли Эрбинг. Внешнестратегический выбор Китая в начале XXI века // Пекин: Current Issues Press. – 2004. – 449 с.]

⁷³ 彭光谦。中国军事战略问题研究 // 北京：解放军出版社。– 2006。– 368 页。 [Пэн Гуанцян. Исследования военно-стратегических проблем Китая // Пекин: Издательство Народно-освободительной армии. – 2006. – 368 с.]

⁷⁴ Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / Российская акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. – М.: Наука. – 2007. – 324 с.

исследовавших эту проблему, стоит отметить работы И.Б. Кардашовой⁷⁵, В.Н. Казакова⁷⁶, С.В. Выборнова⁷⁷ и других.

Важное место в ряду недавних исследований о проблематике обеспечения Китаем своей национальной безопасности имеют также исследования Г.С. Беляевой⁷⁸, Я.М. Бергер⁷⁹, М.В. Казанина⁸⁰. Следует отметить, что проблематика национальной безопасности Китая в этих исследованиях рассматривается комплексно, с учетом аспектов политической, военной, экономической, информационной, экологической безопасности.

Кроме того, ценность представляют труды Э.В. Горян⁸¹, Д.В. Гордиенко⁸², К.К. Меркулова⁸³, посвященные исследованию проблем национальной безопасности Китая в условиях глобализации. Исследованиями в области внешней политики и безопасности также занимались А.В. Болятко⁸⁴, П.Б. Каменнов⁸⁵, Л.И. Кондрашова⁸⁶, А.А. Свешников⁸⁷.

Вопросами публичной дипломатии, разработкой концепции «мягкая сила» и китайских стратегических нарративов занимались С.В. Кривохиж, Е.Д.

⁷⁵ Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности. – М.: Юрайт. – 2023. – 334 с.

⁷⁶ Казаков В.Н. Теоретико-методологические проблемы исследования феномена «государственная безопасность» / В.Н. Казаков, Ю.Н. Туганов. – М.: Граница. – 2019. – 159 с.

⁷⁷ Выборнов С.В. Исследования по безопасности / под ред. С. П. Никанорова. – М.: Концепт. – 1998. – 623 с.

⁷⁸ Беляева Г.С., Беляев В.П. Современные зарубежные концепции национальной безопасности: правовое измерение // Вопросы безопасности. – 2016. № 5. – С.11-23.

⁷⁹ Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей / Я.М. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. №1. – С.34-51.

⁸⁰ Казанин М.В. Национальная безопасность КНР: теоретическая основа и практика обеспечения. – М.: Макс Пресс. – 2014. – 167 с.

⁸¹ Горян Э.В. Концепция национальной безопасности Китая в «новую эпоху»: предварительные итоги XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая // Национальная безопасность / nota bene: сетевое изд. – 2022. № 6. – С. 49-61.

⁸² Гордиенко Д.В. Взгляды Китая на систему международных отношений в XXI веке: концепция сообщества единой судьбы человечества // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. Т. 1. № 3. – С. 135-147.

⁸³ Меркулов К.К. Эксперты КНР о некоторых актуальных вопросах формирования нового международного порядка // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. – М., 2018. – С. 253-265.

⁸⁴ Болятко А.В. Дальний Восток: В поисках стратегической стабильности. – М.: Институт Дальнего Востока РАН. – 2003. – 196 с.

⁸⁵ Каменнов П.Б. Военная дипломатия КНР // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). – М.: РАН, Институт Дальнего Востока. – 2003. – С. 97-102.

⁸⁶ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. – М.: Институт Дальнего Востока РАН. – 2006. – 320 с.

⁸⁷ Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности / А.А. Свешников // Китай в мировой политике: сб. ст. – М.: РОССПЭН. – 2001. – С. 93-143.

Соболева⁸⁸. Что касается кейсов по «дискурсивной силе», стоит обратить внимание на работы И.Е. Денисова⁸⁹, Н.Б. Помозовой⁹⁰.

Из *зарубежных исследований* особое значение имеет работа американского политолога Джозефа Найя⁹¹ – автора концепта «мягкая сила». Най рассматривает ее как действенный инструмент воздействия в международных отношениях, позволяющий осуществлять влияние и достигать цели без применения открытой агрессии. Анализ «мягкой силы», представленный Наем, дополняется исследованиями об имидже страны в качестве инструмента достижения внешнеполитических задач (М. Леонард⁹², Р. Дувалл⁹³, С. Льюкас⁹⁴, Дж. Галларотти⁹⁵, Н. Фергюсон⁹⁶, Д. Ронфельдт⁹⁷). В своей совокупности они создают серьезную теоретическую основу для дискуссий об использовании различных стратегий «мягкой силы» в обеспечении национальной безопасности разными странами.

Работы Найя и идейно близкие им работы С. Хантингтона⁹⁸, З. Бжезинского⁹⁹ и А. Вендта¹⁰⁰ в последнее время стали предметом специального изучения китайских ученых, которые пытаются адаптировать эти западные концепции и модели применительно к китайской специфике. Среди китайских авторов, изучающих фактор «мягкой силы» во внешней

⁸⁸ Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – Т. 18. – № 2. – С. 178–192.

⁸⁹ Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 42–52.

⁹⁰ Помозова Н.Б. Китайские аналитические центры: от практической рациональности к социальной институциональной рефлексии // ДИСКУРС. – 2021. – Т. 7. – № 5. – С. 71–85.

⁹¹ Nye J.S. Soft power. The means to success in world politics // N.Y.: Public affairs. – 2004. – 208 p.

⁹² Mark L., Stead C., Smewing C. Public diplomacy // London: The Foreign Policy Centre. – 2002. – 183 p.

⁹³ Barnett M., Duval R. Power in global governance // Cambridge: Cambridge University Press. – 2005. – 368 p.

⁹⁴ Lukes S. Power and the battle for hearts and minds: on the bluntness of soft power. Millennium // Journal of International Studies. – 2005. Vol. 33. №3. – pp. 477–493.

⁹⁵ Gallarotti G. Cosmopolitan power in international relations: a synthesis of realism, neoliberalism, and constructivism // Cambridge: Cambridge University Press. – 2010. – 307 p.

⁹⁶ Ferguson N. Colossus: the rise and fall of the American empire // London: Penguin books. – 2004. – 400 p.

⁹⁷ Ronfeldt D., Arquilla J. Noopolitik: A new paradigm for public diplomacy / N. Snow, P.M. Taylor // Routledge Handbook of Public Diplomacy. NY: Routledge. – 2009. – pp. 352–362.

⁹⁸ Huntington S.P. The clash of civilisations and the remaking of world order / Samuel P. Huntington // London: Touchstone books. – 1998. – 367 p.

⁹⁹ Brzezinski Z. The grand chessboard // Basic Books. – 1997. – 223 p.

¹⁰⁰ Wendt A. Social theory of international politics // Cambridge: Cambridge University Press. – 1999. – 429 p.

политике КНР, необходимо выделить Дань Шилян¹⁰¹, Чжан Гоцзо¹⁰², Гао Чжаньсян¹⁰³ и др. Эти исследователи заняты изучением китайского дискурса «мягкой силы», его использованию в плане поддержания международного мира и стабильности, и привлечения других стран к китайской культуре и ценностям. В работах китайских авторов прослеживается связь между проблематикой продвижения китайского культурного влияния на международной арене и проблемами китайского глобального лидерства.

Сегодня проблема роли «мягкой силы» в достижении национальных интересов государств является предметом широких дискуссий. Появились альтернативные точки зрения, ставящие под сомнение ее эффективность в процессе осуществления внешнеполитической деятельности государства на международной арене. Одним из экспертов, осуществившим серьезную критику этой концепции стала Дж.Б. Маттерн¹⁰⁴.

Скептиком в отношении эффективности «мягкой силы» также является И Фан¹⁰⁵. Он представил структурированный обзор концепции, выявив ее слабые стороны. К числу экспертов, придерживающихся похожей точки зрения, выступают доцент кафедры политики и международных отношений Оксфордского университета Най Т. Халл¹⁰⁶, сотрудник факультета стратегии, предпринимательства и международного бизнеса Школы менеджмента ESSCA А. Бохас¹⁰⁷, преподаватель Азиатско-Тихоокеанского центра исследований безопасности А. Вивинг¹⁰⁸ и др.

¹⁰¹ 单世联。《软实力》论述中的流行文化 // 文化研究。— 2015。 № 4。 — 第 17-25 页。 [Дань Шилян. «Мягкая сила» массовой культуры // Культурология. — 2015. №4. — С. 17-25.]

¹⁰² 张国祚、刘存玲。新时代背景下的文化软实力提升 // 湖南大学社会科学处版。— 2020。 — 第 82-90 页。 [Чжан Гоцзо и Лю Цуньлин. Совершенствование культурной «мягкой силы» в контексте новой эпохи // Издание Отделения социальных наук Университета Хунань. — 2020. — С. 82-90.] URL: <http://www.mkszyyj.net/UploadFile/Issue/vmwc5ywl.pdf> (дата обращения: 14.03.2023)

¹⁰³ 高占祥。文化力 // 北京大学出版社。— 2007。 — 318 页。 [Гао Чжаньсян. Сила культуры // Издательство Пекинского университета. — 2007. — 318 с.]

¹⁰⁴ Mattern J. B. Why “soft power” isn’t so soft: representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics // Millennium: Journal of International Studies. — 2005. Vol. 33. №. 3. — pp. 583-612.

¹⁰⁵ Fan Yi. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. — 2008. — pp. 147-158.

¹⁰⁶ Hall T. An unclear attraction: a critical examination of soft power as an analytical category // The Chinese Journal of International Politics. — 2010. № 3. — pp. 189-211.

¹⁰⁷ Bohas A. The paradox of anti-Americanism: reflection on the shallow concept of soft power // Global Society. — 2006. Vol. 20, №. 4. — pp. 395-414.

¹⁰⁸ Vuving A.L. The logic of attraction: outline of a theory of soft power // SSRN Electronic Journal. — 2020. — 50 p.

Так как первоначальная концепция «мягкой силы» была ориентирована на западную модель, в диссертационном исследовании уделяется особое внимание материалам экспертов, рассматривающих феномен в китайской интерпретации.

В рамках проведенного анализа значительное внимание уделено ученым, которые внесли вклад в формирование теоретического содержания концепции «мягкой силы» в Китае, а именно, профессору Школы международных исследований профессору Ли Минцзян¹⁰⁹, профессор Университета Блумсберга факультета политологии Дин Шэн¹¹⁰, Мэнь Хунхуа¹¹¹, Тан Фэнван¹¹² и др.

В государственной стратегии внешнеполитического развития активно обсуждалась проблема значимости китайской традиционной культуры. Данный вопрос становится актуальным в контексте социальных, политических, экономических и культурных вызовов, с которыми страна сталкивается на международной арене.

Одновременно с продвижением традиционной культуры, Пекин также открыт для влияния и принятия новых идей и культурных тенденций. Диалог и обмен опытом с другими странами и культурами является важной составляющей государственной стратегии Китая. Этот вопрос поднимали Ван

¹⁰⁹ Li Mingjiang. *Soft power: China's emerging strategy in international politics* // Lanham: Lexington Books. – 2009. – 275 p.

¹¹⁰ Ding Sheng. *The dragon's hidden wings: how China rises with its soft power* // Lanham, MD: Lexington Books. – 2008. – 199 p.

¹¹¹ 门洪华. 中国软实力评估报告 // 国际观察. – 2007. – 第 15-26 页。 [Мэнь Хунхуа. Доклад об оценке «мягкой силы» Китая // Журнал «Международные наблюдения». – 2007. № 3. – С. 15-26.]

¹¹² 汤锋旺. 华侨华人与中国软实力: 概念、方法及理论 // 东南亚研究. – 2013. 第 1 期. – 第 73-79 页。 [Тан Фэнван. Зарубежные китайцы и «мягкая сила» Китая: концепции, методы и теории // Журнал «Исследования Юго-Восточной Азии». – 2013. №1. – С. 73-79.]

Хунин¹¹³, Чжао Линьдун¹¹⁴, Шу Цзюнь¹¹⁵, Чжэн Сюэган¹¹⁶, Лин Ханг, Цю Данни, Лин Кай¹¹⁷, Чжао Цичжэн¹¹⁸ и др.

В китайском экспертном сообществе активно обсуждается культурный аспект внешнеполитического влияния. Однако китайские исследователи, включая Янь Сюэтун¹¹⁹, выражают точку зрения, что культурная компонента не является основной составляющей при формировании положительного имиджа страны за рубежом и не выступает единственным средством достижения «мягкой силы» в случае необходимости. Данная точка зрения вызывает дискуссии и споры в научном сообществе, где также существуют альтернативные мнения. Тем не менее, следует отметить, что роль культурного фактора в международных отношениях является достаточно распространенной темой для исследования и обсуждения в научных кругах Китая.

Важной темой исследований стала роль китайского языка как фактора, который способствует продвижению интересов на внешнеполитической арене.

¹¹³ 王沪宁。作为国家实力的文化：软权力 // 复旦大学学报。— 1993。— 第 91-97 页。[Ван Хунин. Культура как национальная мощь: мягкая сила // Журнал Фуданьского университета. — 1993. — С. 91-97.]

¹¹⁴ 赵林栋。传统文化与文化软实力。攀登：哲学社会科学版。— 2014。第 1 期。— 第 122-127 页。[Чжао Линьдун. Традиционная культура и «мягкая сила». Журнал «Новые высоты»: издание философии и социальных наук. — 2014. № 1. — С. 122-127.]

¹¹⁵ 舒俊。中国文化软实力研究的回顾与思考 // 文化软实力。— 2017。— 第 32-39 页。[Шу Цзюнь. Ретроспектива и размышления об изучении «мягкой силы» китайской традиционной культуры // Журнал «Мягкая сила» культуры. — 2017. С. 32-39.]

¹¹⁶ 郑学刚。中国文化软实力提升研究 // 中共中央党校。— 2018。— 192 页。[Чжэн Сюэган. Исследования по совершенствованию культурной «мягкой силы» Китая // Партийная школа ЦК Коммунистической партии Китая. — 2018. — 192 с.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFDLAST2019&filename=1019007070.nh%20&v=UEGLvpF7KnTJwBeh7w%25mmd2FzrjFhDWbXLoRq8u2BN8%25mmd2FQwQaTTVhEONJJPT1cLJD94Ya9> (дата обращения: 12.04.2022)

¹¹⁷ 林航、邱丹妮、林锴。“一带一路”视域下孔子学院对中国文化软实力的影响——基于中国文化输出的数据 // 福建师范大学协和学院文化贸易研究中心。— 2018。— 第 27-34 页。[Лин Ханг, Цю Данни, Лин Кай. Влияние институтов Конфуция на «мягкую силу» китайской культуры в контексте инициативы «Пояс и путь». Данные экспорта китайской культуры // Издательство Педагогического университета Фуцзянь. — 2018. — С. 27-34.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2018&filename=ZJSR201805007%20&v=HVvukYS5eg4nGcETtQXw%25mmd2F8mtwab7IAU16rZbQHZNOkz%25mmd2FLTwtaxRTfbbEoQitF2G> (дата обращения: 09.07.2022)

¹¹⁸ 赵集成。公共外交与跨文化交流 // 中国人民大学出版社。— 2011。— 222 页。[Чжао Цичжэн. Публичная дипломатия и межкультурная коммуникация // Издательство Китайского университета Жэньминь. — 2011. — 222 с.]

¹¹⁹ 阎学通。软实力的核心是政治实力 // 环球时报。— 2007。— 第 42-43 页。[Янь Сюэтун. Ядро мягкой силы — политическая сила // Global Times. — 2007. — С. 42-43.]

Здесь можно отметить следующие работы авторов: Чжоу Яньфэй¹²⁰, Дун Сюэфэн¹²¹, Е Инь¹²², Ху Бичэн и Цин Шаньгуань¹²³. В научно-исследовательском сообществе было определено, что Лянь Дасян¹²⁴ внес весомый вклад в понимание роли китайского языка и образования во внешнеполитическом дискурсе. Его работа подробно описывает зависимость распространения китайского культурно-экономического влияния в различных регионах и отдельно роли Института Конфуция. Автор считает, что изучение китайского языка приводит к повышению уровня принятия китайской культуры среди иностранцев. Это важно для специалистов, которые исследуют потенциал «мягкой силы» в международных образовательных обменах. Кроме того, можно отметить труды Ван Юэчуаня, Чжан Сипина, Чжан Ухуа¹²⁵.

¹²⁰ 周燕飞。基于国际中文教育视角的“文化走出去战略”探究 // 文化创新比较研究。— 2020。— 第 190-192 页。[Чжоу Яньфэй. Изучение «Глобальной стратегии развития культуры» с точки зрения международного китайского образования // Журнал «Сравнительные исследования культурных инноваций». — 2020。— С. 190-192.] URL:

<https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDAUTO&filename=WCBJ202032063&v%20=ow1mR8eKvxZPQgi6DL1eeWqvXRBRg%25mmd2F2Lh953OqVXm3eocG%25mmd2FQ1h5QWtfj2Tp4Xags> (дата обращения: 09.08.2023)

¹²¹ 董学峰。国家语言战略背景下的汉语国际推广研究 // 东北师范大学。— 2016。— 170 页。[Дун Сюэфэн. Исследование международного продвижения китайского языка в контексте национальной языковой стратегии // Издательство Северо-Восточного педагогического университета。— 2016。— 170 с.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFDLAST2017&filename=1017003005.nh%20&v=cumjo3%25mmd2BDfEEQ867VYgZVXZ4tUGBdXEwrhs3zuLNFCwirkUrhSGtoKwuygueO0914> (дата обращения: 21.01.2024)

¹²² 叶英。从外媒报道看孔子学院的海外形象 // 四川大学学报 (哲学社会科学版)。— 2015。— 第 48-57。[Е Ин. Взгляд на имидж институтов Конфуция за рубежом через призму иностранных СМИ // Журнал Сычуаньского университета (философия и социальные науки)。— 2015。— С. 48-57.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2015&filename=SCDZ201503006%20&v=FjuSHTIYXrBWIrDJ0nkwinVZYbUYa1DhldrZX%25mmd2B77BIG9s1WYT6m10DqH4nKh6o%25mmd2F9> (дата обращения: 12.01.2024)

¹²³ 胡弼成、上官晴。教育文化软实力的构成及内部效应探究 // 清华大学教育研究。— 2010。— 第 29-35 页。[Ху Бичэн, Шан Гуаньцин. Исследования сути и содержания образовательной и культурной «мягкой силы» // Журнал «Образовательные исследования» Университета Цинхуа。— 2010。— С. 29-35.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2010&filename=QHDJ201003007&v=d%20ntnuUrFK%25mmd2Ba3jHi1yqVRGqIC93QmYZUpX%25mmd2BBFi95PH5%25mmd2FrLl4RqdRxm9ImwIEe%20Kw7> (дата обращения: 12.01.2024)

¹²⁴ 连大祥。孔子学院对中国出口贸易及对外直接投资的影响 // 中国人民大学学报。— 2012。— 第 88-98 页。[Лянь Дасян. Влияние институтов Конфуция на экспортную торговлю Китая и прямые иностранные инвестиции // Журнал Университета Жэньминь Китая。— 2012。— С. 88-98.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2012&filename=ZRDX201201014&v=2%20%25mmd2Bc3gbY190%25mmd2FvZ%25mmd2F%25mmd2BVmOJz3J%25mmd2FfXpBlLhA51d9W7riyK6u22W%20Uur3wtHW9y88y36PB> (дата обращения: 03.07.2022)

¹²⁵ 王岳川、张西平、张梧华。教育：国家软实力提升的助推器 // 中华人民共和国教育部。— 2013。[Ван Юэчуань, Чжан Сипин, Чжан Ухуа. Образование: стимул для совершенствования национальной «мягкой силы» // Министерство образования Китайской Народной Республики。— 2013.] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/s7093/s7193/s7196/s7197/201303/t20130318_148753.html (дата обращения: 12.09.2023)

Многие исследователи, включая Чжан Жуй, Цзинь Лэй, Дин Пэйи¹²⁶, Ли Цзин¹²⁷ и других, делали акцент на изучение феномена «мягкой силы», который является важным для Китая. Однако, если мнения о проблематике в материковой части Китая в основном консолидированы, то тайваньские исследователи не могут достичь единства в своих взглядах. Некоторые тайваньские авторы, например, Б. Мак¹²⁸, предпочитают отмечать негативные тенденции, связанные с китайским «мягким» туризмом. Они утверждают, что в китайский выездной туризм входят механизмы «жесткого» давления, и материковый Китай может использовать их в любое время для продвижения своих интересов, что категорически недопустимо.

Среди работ, посвященных стратегии национальной безопасности Китая, можно отметить труды Тан Вэньчжана¹²⁹, Сюн Гуанкая¹³⁰, Ян И¹³¹, Чжан Инина¹³² и др.

Анализ степени разработанности темы и совокупности связанных с ней проблемных вопросов позволяет сделать вывод о том, что проблема культурных стратегий Китая как инструмента обеспечения национальной безопасности частично и косвенно обозначалась в различных исследованиях.

¹²⁶ 张睿、金磊、丁培毅。“一带一路”背景下的丝路文化软实力建设——国际旅游发展新动力 // 旅游学刊。— 2017。— 第 1-3 页。 [Чжан Жуй, Цзинь Лэй, Дин Пэйи. Международный туризм как новая движущая сила «мягкой силы» Шелкового пути на примере инициативы «Пояс и путь» // Журнал «Туристический обозреватель». — 2017. — С. 1-3.]

¹²⁷ 李静。中国旅游外交政策的历史演进 // 天中学看。— 2020。— 第 8-14 页。 [Ли Цзин. Историческая эволюция туристической внешней политики Китая // Издательство Тяньчжун. — 2020. — С. 8–14.] URL: [https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDAUTO&filename=TZXK202004002&%20uid=WEEvREcwSIJHSlSdmVqM1BLUWdMWjVWYwYwBRkFNbDIUjIjBYTZ3TFV1ST0=\\$9A4hF_YAuvQ5ob%20gVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTMzNjJDVVI3cWZidWR2RnlEZ1Y3M1BNV%20GZUWmJHNEhOSE1xNDIGWm9SOGVYMUx1eFITN0RoMVQzcVRyV00xRnI=](https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDAUTO&filename=TZXK202004002&%20uid=WEEvREcwSIJHSlSdmVqM1BLUWdMWjVWYwYwBRkFNbDIUjIjBYTZ3TFV1ST0=$9A4hF_YAuvQ5ob%20gVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTMzNjJDVVI3cWZidWR2RnlEZ1Y3M1BNV%20GZUWmJHNEhOSE1xNDIGWm9SOGVYMUx1eFITN0RoMVQzcVRyV00xRnI=) (дата обращения: 08.09.2023)

¹²⁸ Mak B. The influence of political ideology on the outbound tourism in China // Journal of China Tourism Research. — 2013. Vol. 9. — pp. 1-26. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19388160.2013.756764> (дата обращения: 19.03.2023)

¹²⁹ 唐文彰、姜红明。当代中国国家安全问题 // 北京：中国社会科学出版社。— 2010。— 383 页。 [Тан Вэньчжан, Цзян Хунмин. Проблемы национальной безопасности в современном Китае // Пекин: Академия общественных наук КНР. — 2010. — 383 с.]

¹³⁰ 徐根初。中华战略文化的传承与发展 // 北京：时事出版社。— 2008。— 287 页。 [Сюй Гэньчу. Наследие и развитие стратегической культуры Китая // Пекин: Current Issues Press. — 2008. — 287 с.]

¹³¹ 杨毅。中国国家安全战略构想 // 北京：时事出版社。— 2009。— 408 页。 [Ян И. Стратегическая концепция национальной безопасности Китая // Пекин: Current Issues Press. — 2009. — 408 с.]

¹³² 张伊宁。中国现代军事思想研究 // 北京：国防大学出版社。— 2006。— 676 页。 [Чжан Инин. Исследование современной китайской военной мысли // Пекин: Издательство Национального университета обороны. — 2006. — 676 с.]

В настоящее время существует необходимость проведения специального исследования о стратегиях культурного влияния КНР как средства достижения Китаем своих интересов в области национальной безопасности. Наиболее плодотворным в этом плане стало бы исследование о культурных стратегиях КНР как инструменте обеспечения национальной безопасности, используемых в период с 1978 г. по настоящее время.

Несмотря на значительные результаты в изучении исторических, политических и культурных аспектов стратегии Китая в обеспечении национальной безопасности, а также связанных с ней культурных контекстов, существует ряд лакун, о которых нельзя не упомянуть.

Во-первых, в российской и зарубежной историографии недостаточно отражено место и значение культурных стратегий, как одного из важных элементов в практиках обеспечения национальной безопасности.

Во-вторых, в новейшей историографии довольно слабо изучены и представлены китаеязычные источники, во многих исследованиях отсутствуют или не учитываются идеи и оценки китайских экспертов и ученых.

В-третьих, несмотря на глубокую проработанность различных аспектов «мягкой силы» в целом все еще слабо разработана проблема взаимосвязи национальной безопасности и культурных стратегий государств.

Объект исследования – национальная безопасность Китайской Народной Республики.

Предмет исследования – инструменты реализации культурных стратегий Китайской Народной Республики в практике международных отношений в контексте обеспечения национальной безопасности государства; особенности стратегической культуры этой страны.

Цель работы – исследовать стратегии культурного влияния Китая в качестве инструментов обеспечения национальной безопасности.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1. Проанализировать развитие концепта «национальная безопасность» в официальных китайских документах, начиная с 1978 г. по настоящее время и охарактеризовать принятую в 2015 г. в КНР концепцию национальной безопасности и ее приоритеты.

2. Осуществить сравнительный анализ концепций национальной безопасности КНР, США и Российской Федерации.

3. Охарактеризовать развитие китайской стратегической мысли как средства обеспечения национальной безопасности и проанализировать понятие стратегической культуры как отражение нового этапа развития китайской стратегической мысли.

4. Представить культурные стратегии как еще одно средство обеспечения национальной безопасности, определить общую цель китайских культурных стратегий, выявить историко-культурные предпосылки современной культурной стратегии КНР, представить общий взгляд на китайские культурные стратегии и особенности китайской культурной дипломатии.

5. Проанализировать роль институтов Конфуция в качестве инструмента китайских культурных стратегий.

6. Охарактеризовать китайские экспертно-аналитические центры нового типа в качестве инструмента распространения китайского культурного влияния.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1978 г. по 2025 г. **Нижняя хронологическая граница** определяется датой начала осуществления политики «реформ и открытости» под руководством Дэн Сяопина. **Верхняя хронологическая граница** соотносится с текущим историческим моментом.

Методологическая основа диссертации опирается как на традиционные методы исторического исследования, так и на методологические принципы структуралистского и социально-конструктивистского социального анализа.

Среди авторов, изучающих традиционные исторические методы исследования, необходимо отметить И.Д. Ковальченко¹³³, где в научно-исследовательском стиле рассматриваются основные проблемы и методы исторического исследования, представленные в систематизированной форме.

Специалист в области теории и методологии истории О.М. Медушевская¹³⁴ значительное внимание уделяет методологическим проблемам источниковедения. Обосновывается источниковедческий критерий сравнительно-исторических исследований, который помогает раскрыть связи между различными дисциплинами в области гуманитарных наук.

В исследовании широко используются общеисторические методы исследования, в том числе историко-сравнительный метод, с помощью которого проводится анализ как общих, так и особенных черт в изучении эволюции понятия «стратегия», концепции стратегической теории, а также содержания концепций «культуры» и «стратегической культуры» в китайской и западной традиции; историко-генетический метод, который предоставляет возможность обнаружить причинно-следственные связи и выявить закономерности исторических явлений. Кроме того, этот метод помогает структурировать повествование и детализирует логику данного исследования. Достоинство метода заключается в соблюдении принципа историзма, позволяет рассмотреть механизмы и процессы становления культурных стратегий и национальной безопасности Китая, помогает изучить особенности традиционных аксиологических доминант.

Вопрос о связи между культурой и принятием стратегических решений привлекал внимание многих исследователей на протяжении нескольких поколений. В этом научном направлении были достигнуты значительные успехи: подробно были изучены особенности различных культур и установлены важные связи между внутренними и внешними факторами,

¹³³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / Рос. акад. наук. Отделение ист.-филол. наук. – 2 изд., доп. – М.: Наука. – 2003. – 485 с.

¹³⁴ Медушевская О.М. Методология истории: учебное пособие для студентов специальностей и направлений. – М.: Университет. – 1997. – 71 с.

влияющими на политику национальной безопасности. В своих исследованиях ученые опирались на данные, полученные из таких наук, как антропология, история, социология и психология, что позволяет говорить о междисциплинарном подходе к рассмотрению данной проблемы.

Из специально-научных методов в работе используется метод дискурс-анализа — для анализа особенностей коммуникации на китайском языке. Этот метод позволяет нам глубже понять, как люди используют язык для установления взаимодействия и обмена значимыми сообщениями. В ходе дискурс-анализа изучаются разнообразные аспекты языковой коммуникации, такие как тексты, беседы, диалоги и другие формы общения. Этот метод является важным инструментом для исследования языковой практики, понимания особенностей коммуникативного взаимодействия, исследования влияния языка на формирование мышления китайцев и т.д. В рамках диссертационного исследования данный метод позволил выявить смыслы из официальных речей представителей органов власти КНР и опубликованных документов. Кроме того, был выдвинут тезис о том, что растущая мощь Китая обусловила переосмысление инструментов ведения политики в защите национальных интересов. Принципы, заложенные в теорию М. Вебера¹³⁵, в современном Китае подвергаются адаптации в соответствии с внутренними и международными реалиями. Анализ внешнеполитического дискурса КНР, в том числе через призму неовеберизма (Н. Смелзер¹³⁶, С. Липсет¹³⁷), требует его соотнесения с контекстом актуального положения дел.

При написании диссертационного исследования за основу была принята теория дискурса по Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен. Базовыми теоретическими трудами выступают исследования¹³⁸, где авторы имеют целью представить детальное и доступное описание дискурс-анализа, который является важной

¹³⁵ Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс. – 1990. – 808 с.

¹³⁶ Смелзер Н. Социология: пер. с англ. - М.: Феникс, 1998. - 688 с.

¹³⁷ Липсет С. Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016. 612 с.

¹³⁸ Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр. – 2008. – С. 102.

теоретической и методологической основой для диссертационного исследования. В работе изучены три теоретико-методологических подхода к дискурсивному анализу, которые авторы относят к социально-конструкционистскому дискурс-анализу: дискурсивная теория Лакло и Муфф; критический дискурс-анализ; дискурсивная психология.

Ключевыми для данного исследования стали теория Лакло и Муфф и теория дискурсивной психологии.

Что касается первого подхода, то эта теория основывается на представлении дискурсов как средств коммуникации и понимания социального мира, которые соревнуются друг с другом в борьбе за установление определенных значений. Центральное понятие в данной теории – «борьба дискурсов». Для Лакло и Муфф цель анализа дискурса заключается в выявлении процессов структурирования социальной реальности, в рамках которых происходит закрепление определенных значений за знаками, а также формирование, репродукция и изменение идентичностей. Они называют эти процессы «артикуляцией». Структурное единство, возникающее в результате артикуляционной практики, именуется дискурсом¹³⁹.

Трактовка дискурса Лакло и Муфф похожа на понимание структуры как сети отношений символов в трудах Соссюра. Однако, в отличие от Соссюра, который видел структуру как устойчивую формацию, Лакло и Муфф рассматривают дискурс как незавершенную структуру, открытую для изменений. Они видят дискурс как множество потенциальных артикуляций и значений, которые постоянно преобразуют его структуру. Диссертационное исследование основано на работах китайских исследователей, что вызвало необходимость к изучению и выявлению смыслов на китайском языке, основой которого является иероглифический знак, обладающий одним или несколькими значениями и приобретающий новые значения в ходе исторического периода. Таким образом, Теория Лакло и Муфф является

¹³⁹ Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – С. 49.

неотъемлемой частью в изучении текста на китайском языке и выявлению смыслов в зависимости от исторического периода и изменения внутри- и внешнеполитической ситуаций.

Говоря о теории дискурсивной психологии, то Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен рассматривают ее как научную область, которая изучает язык и речь в контексте повседневной коммуникации. Она видит язык не только как средство передачи психологической реальности, но и как активную, создающую эту реальность силу. Дискурс является основой психологической реальности, которую мы переживаем.

Основной упор в этой области исследований делается на анализе культурных, исторических и социальных аспектов коммуникации. Главными понятиями, которые привлекают внимание исследователей, являются аттитюды (установки, намерения) участников коммуникации. В данном контексте социальные конструктивисты считают, что причины формирования аттитюдов следует искать не в индивидуальных когнитивных структурах, а в общих системах ценностей и социальных взаимодействиях. Аттитюды, таким образом, рассматриваются как социально обусловленные продукты взаимодействия. Таким образом, в диссертационном исследовании теория дискурса по Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен также является важной составляющей в анализе культурных и исторических основ, их влияния на современную коммуникацию и понимания стратегичности мышления китайской нации.

В 90-х годах развитие теоретической мысли в области теории стратегической культуры получило новое толкование в США. Прежде всего, третье поколение академического сообщества, посвятившего себя изучению политики национальной безопасности, пришло к выводу о необходимости анализировать стратегию через призму культурных факторов. Такой подход был воспринят с положительной стороны и стал частично продолжением идей конструктивизма. Это позволило расширить границы исследований и углубить понимание взаимосвязи стратегической культуры и политических процессов.

Конструктивизм говорит о важности межсубъектных взаимоотношений и придает большое значение нематериальному миру, включая нормы, культуру и определенные модели государственного поведения во внешней политике. А. Вендт¹⁴⁰ говорит, что особенности и интересы государства можно рассмотреть, как социально-сконструированные результаты адекватного практического анализа. Согласно Т. Хопфу¹⁴¹ важно отметить, что этот подход имеет потенциал выявления внутренних особенностей страны, ее политики и культуры, которые определяют специфику поведения государства на мировой арене.

Таким образом, учитывая языковую специфику изучаемых текстов и влияние социальных аспектов на мышление, психологию и модели государственного поведения, принципы структуралистского и социально-конструктивистского подходов тесно взаимосвязаны в диссертационном исследовании.

Терминологический аппарат диссертационного исследования

Одно из ключевых понятий диссертационного исследования – *стратегия*. В разные времена в китайской и западной традициях стратегии давали разные дефиниции. Если раньше это понятие сводилось исключительно к военной тематике, то сейчас оно не обладает исключительно милитаристскими характеристиками. Существует традиционное определение стратегии в западной и американской научной литературе, которое дал А. Чандлер¹⁴². Он идентифицирует стратегию как метод, используемый для определения долгосрочных целей, разработки программы действий и установления приоритетных направлений по распределению ресурсов. Причем долгосрочные цели не подлежат пересмотру до возникновения изменений внешней или внутренней среды.

¹⁴⁰ Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. – 1992. Vol. 46. № 2. – pp. 129–177.

¹⁴¹ Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations // International Security. – 1998. Vol. 23. № 1. – pp. 171–200.

¹⁴² Chandler A.D., Jr. Strategy and Structure: Chapters in the History of industrial enterprise // Cambridge: MIT Press. – 1962. – 480 p.

Вслед за В.В. Малявиным¹⁴³ дадим определение «стратегии» с точки зрения китайского мышления. В китайской концепции нет противоборства между двумя системами. Стратегия представляет собой способ взаимодействия системы с ее компонентами и является «средой» для стратегических действий. Внешние проявления стратегии – лишь поверхностное отображение ее реального содержания. Действия могут указывать на отсутствие активности, а образы могут скрывать реальность. Китайская поговорка, которая гласит, что «уход – лучшая стратегия», указывает на то, что отступление не означает поражение. Репутация и престиж не имеют значения, когда речь идет о жизни, смерти и возможности вернуться и одержать победу. Однако основной причиной любви китайцев к «уходу» является то, что именно отступление создает пространство для стратегических действий. Отступление позволяет выявить символическое пространство событий, где происходит чистая действительность.

Что касается дефиниции «*мягкой силы*» в диссертационном исследовании мы будем опираться на идеи школы либерализма и в качестве определения понятия «мягкой силы» возьмем за основу концепцию Дж. Найя:

1. «“Мягкая сила” — способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов.»¹⁴⁴
2. «“Мягкая сила” — способность влиять на другие государства для реализации собственных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия.»¹⁴⁵

Что касается термина «*стратегическая культура*», то впервые он был предложен в 1947 г., когда в США была сформулирована «доктрина

¹⁴³ Малявин В.В. Китайская военная стратегия. – М.: «Издательство АСТ». – 2002. – С. 78-79.

¹⁴⁴ Nye J.S. Soft power. The means to success in world politics // N.Y.: Public affairs. – 2004. – P. 67.

¹⁴⁵ Nye J.S. The Future of Power // NY.: Public Affairs. – 2011. – P. 89.

лидерства», но внимание широких военных и академических кругов, прежде всего в США и Великобритании, он привлек во второй половине 1970-х гг. В 1977 г. американский политолог Дж. Снайдер впервые дал определение понятия «стратегическая культура», трактуя его как общую сумму идей, эмоциональных реакций и привычных моделей поведения, характерных для того или иного общества, способного к использованию военной силы в отношениях с другим обществом¹⁴⁶.

Хотя в 1990 г. Дж. Снайдер решил отказаться от использования данного термина по причине избыточной широты его интерпретации, другие специалисты пришли к выводу о его полезности для дальнейшего развития стратегической теории. Понятие стратегической культуры было применено для объяснения проблематики национальной безопасности и стратегического поведения государства.

После работы Дж. Снайдера все больше экспертов начали вводить понятие «стратегическая культура» для объяснения национальной безопасности и стратегического поведения государства. В мае 1990 г. Американская академия наук организовала семинар по стратегической культуре, а в марте 1992 г. Соединенные Штаты провели семинар на тему «Стратегическая культура и Китай», на котором обсуждались определение понятия и его значение для анализа национального стратегического поведения. В некоторых научных журналах по международной безопасности (например, «Международная безопасность (International Security)») есть колонка под названием «Стратегическая культура», в которой публикуются научные статьи с исследованиями по данной теме.

Аластер Иэн Джонстон – профессор по международным отношениям Гарвардского университета, занимающийся современной внешней политикой Китая и международными отношениями – считает, что стратегическая культура относится к набору концепции, основное содержание которой

¹⁴⁶ Jack L. Snyder. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations // Rand Corporation. – 1977. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (дата обращения: 02.03.2023)

признается национальными лицами, принимающими решения, и на основе которой устанавливаются долгосрочные стратегические цели страны. Она включает в себя набор интегрированной системы символов, помогающей установить роль и эффективность военной силы в политических отношениях между странами, то есть включает в себя базовую оценку порядка стратегической среды и устанавливает понимание государственными лицами международных конфликтов и их решений, особенно связанных с применением силы. Тем не менее в своем исследовании автор говорит о том, что определение этого термина остается нечетким¹⁴⁷.

Изучение стратегической культуры в Китае началось в 1980-х гг. Основоположником в изучении «стратегической культуры» является Ли Цицзюнь (1934-2023) («Исследование стратегии»¹⁴⁸, «Военно-стратегическое мышление»¹⁴⁹, «О китайском военном стратегическом мышлении»¹⁵⁰). Он определяет стратегическую культуру как стратегическое мышление и теорию, сформированные на основе определенных исторических, и национальных и культурных традиций, и использующие их для руководства стратегическим поведением и влиянием. Согласно Ли Цицзюню, стратегическая культура определяет характер идеологии, исторического наследия, государственного устройства и региональных особенностей. Всякая реалистическая стратегия всегда являются порождением глубинного сознания и связанного с ним историко-культурного комплекса. Стратегическая культура зарождается на подсознательном уровне, поэтому ее невозможно создать искусственно.

Вице-президент Академии военных наук Сюй Гэньчу под стратегической культурой понимает «устойчивую ориентацию ценностей и привычные модели поведения, проявляемые страной в процессе

¹⁴⁷ Johnston AI. Thinking about strategic culture *International Security* // The MIT Press. – 1995. Vol. 19, No. 4. – pp. 32-64.

¹⁴⁸ 李际均。论战略。– 北京：解放军出版社，2002年。– 375页。[Ли Цицзюнь。О стратегии。– Пекин：Издательство Народно-освободительной армии。– 2002。– 375 с.]

¹⁴⁹ 李际均。军事战略思维。– 北京：军事科学出版社，1998。– 371页。[Ли Цицзюнь。Военно-стратегическое мышление。– Пекин：Военно-научная пресса。– 1998。– 371 с.]

¹⁵⁰ 李际均。中国军事战略思维论。– 北京：北京人民出版社，2017年。– 488页。[Ли Цицзюнь。Теория китайского военно-стратегического мышления。– Пекин：Народное издательство Пекина。– 2017。– 488 с.]

использования стратегических средств для достижения национальных стратегических целей»¹⁵¹.

Источниковая база диссертации

Цель и задачи исследования определили перечень источников, использованных в диссертационном исследовании. Их можно разделить на несколько групп в соответствии с видовыми характеристиками.

1. *Источники официального происхождения* представлены законодательными актами (как внутригосударственные, так и международные)¹⁵², отчетами и докладами¹⁵³ Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая¹⁵⁴. В этой группе следует отдельно выделить речи политиков, в частности речь Си Цзиньпина¹⁵⁵. Источники официального происхождения использованы в исследовании для того, чтобы более точно прописать китайский контекст с 1980-х гг. по наши дни, а также оценить роль политического и культурного дискурсов в формировании стратегии национальной безопасности.

2. Особый интерес в рамках исследования представляют *источники личного происхождения*: мемуары¹⁵⁶, сочинения¹⁵⁷, трактаты на английском¹⁵⁸ и китайском языках¹⁵⁹. Дневники¹⁶⁰ и рукописи путешествий¹⁶¹ содержат

¹⁵¹ 徐根初. 中华战略文化的传承与发展 // 北京: 时事出版社. – 2008. – 第 78 页。 [Сюй Гэньчу. Наследие и развитие стратегической культуры Китая // Пекин: Current Issues Press. – 2008. – С. 78.]

¹⁵² 中华人民共和国国家安全法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности, 1 июля 2015). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (дата обращения: 16.02.2023)

¹⁵³ Си Цзиньпин. О государственном управлении / Си Цзиньпин. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках. – 2014. – 624 с.

¹⁵⁴ Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая, 25 Октября 2022 // Gov.cn. – 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 02.03.2023)

¹⁵⁵ Выступление Си Цзиньпина на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва, 13 марта 2023 // Russian.people.com.cn. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0315/c31521-10222411.html> (дата обращения: 07.03.2023)

¹⁵⁶ Головачева Л.И. Письма о путешествии в Китай // World.lib.ru. – 2009. URL: http://world.lib.ru/g/golowachewa_1_i/pisxmakitaj2009ch2.shtml (дата обращения: 15.04.2022)

¹⁵⁷ Липсет С. Политический человек: социальные основания политики. – М.: Мысль. – 2016. – 612 с.

¹⁵⁸ Grotius H. On the law of war and peace / H. Grotius; edited by Stephen C. Neff // Cambridge: Cambridge University Press; Student edition. – 2012. – 548 p.

¹⁵⁹ 孙武. 孙子兵法 // 北京: 军事科学出版社. – 1993. – 125 页。 [Сунь У. Искусство войны Сунь Цзы // Пекин: Военно-научная пресса. – 1993. – 125 с.]

¹⁶⁰ Ф. 10. Дневники занятий профессора Ковалевского О.М. во время пребывания его с миссией в Пекине в 1830-1832 гг. (подлинник). Представлен исторический очерк буддизма в Тибете. НА РТ, оп. 5, д. 843, 185 л.; д. 843 а, 161 л.

¹⁶¹ Ф. 10. Рукописи «История Китая». Дата не указана. Автор неизвестен. Рукопись на французском языке. НА РТ, оп. 5, д. 834 а, 99 л.; д. 836 а, 399 л.; д. 836 б, 326 л.; д. 836 в, 326 л.

уникальные сведения по истории и культуре Китая. С помощью этого блока источников можно узнать о быте, образе жизни и мировоззрении китайского общества. Кроме того, письменные источники, такие как дневники, являются ценными свидетельствами, сохраняющими информацию о повседневной жизни и мыслях людей.

Тем не менее, при анализе источника личного происхождения важно учитывать индивидуальные психологические особенности автора, его предпочтения в выборе тем для обсуждения и умалчивание о других событиях в соответствии с его субъективными взглядами, а также его память. Но именно эти особенности придают уникальность данному типу источника, так как они иллюстрируют процесс формирования личности, ее идей и убеждений.

3. Следующая группа – *художественные произведения*. Эти источники являются ценными материалами для анализа и изучения истории и культуры. Они не только отражают быт и менталитет своего времени, но представляют собой особую ценность для понимания настроения и нравов общества, политических и социальных процессов, а также важных исторических событий. Таким образом, эти источники стали частью исследовательской работы и рассматриваются как дополнительное средство познания прошлого.

Особое внимание стоит уделить современной художественной литературе. В качестве примера можно привести работу Э. Резерфорда¹⁶², где автор рассказывает о встрече колониального Запада с богатым и сложным Востоком. Этот роман описывает мощное столкновение различных мировоззрений и последствий. Отдельно предлагается вниманию роман Юй Хуа¹⁶³, который в Китае был признан одной из десяти лучших книг десятилетия. В этом произведении автор рассказывает о судьбе простого китайского крестьянина, отражая, таким образом, историю всей страны во второй половине XX века. Романа настолько привлек внимание, что по его мотивам знаменитый китайский режиссер Чжан Имоу снял одноименный фильм.

¹⁶² Резерфорд Э. Китай. – М.: Азбука. – 2022 г. – 832 с.

¹⁶³ Юй Хуа. Жить. – М.: Текст. – 2014. – 192 с.

Нельзя забывать и о четырех классических китайских романах («Путешествие на Запад»¹⁶⁴, «Сон в красном тереме»¹⁶⁵, «Троецарствие»¹⁶⁶, «Речные заводы»¹⁶⁷), которые отражают не только историю, но и поднимают практически все политические и социокультурные проблемы.

4. Еще одна группа источников – *публицистика*. Важной характеристикой данного вида источника является его специфичность в выражении мнения социальной группы относительно проблем общества, что требует от исследователя учитывать контекст исторического развития. В работах Бо Яна¹⁶⁸, Лу Синя¹⁶⁹ мы можем найти глубокие размышления по вопросу о множественности и несходстве культур. Подход этих авторов основывается на осознании того, что каждая культура имеет свои уникальные особенности, своеобразные способы мышления и восприятия мира.

5. Следующей группой источников является *материалы СМИ*. Она включает исследования ведущих китайских новостных изданий: Информационное агентство Синьхуа¹⁷⁰, Новости Коммунистической партии

¹⁶⁴ 吴承恩。西游记（上下）// 北京：人民文学出版社。- 1955。- 1232 页。[У Ченьэнь. Путешествие на Запад (Ч. 1 и Ч. 2) // Пекин: Издательство «Народная литература». - 1955. - 1232 с.]

¹⁶⁵ 曹雪芹、高鹗。红楼梦 // 北京：人民文学出版社。- 1996。- 1606 页。[Цао Сюэцинь, Гао Э. Сон в красном тереме // Пекин: Издательство «Народная литература». - 1996. - 1606 с.]

¹⁶⁶ 罗贯中。三国演义 // 北京：人民文学出版社。- 1998。- 990 页。[Ло Гуаньчжун. Троецарствие // Пекин: Издательство «Народная литература». - 1998. - 990 с.]

¹⁶⁷ 施耐庵。水浒传 // 北京：人民文学出版社。- 1997。- 1314 页。[Ши Найань. Речные заводы // Пекин: Издательство «Народная литература». - 1997. - 1314 с.]

¹⁶⁸ 柏杨。丑陋的中国人 // 人民文学出版社。- 2008。- 250 页。[Бо Ян. Омерзительные китайцы // Издательство «Народная литература». - 2008. - 250 с.]

¹⁶⁹ 鲁迅。故事新编 // 文物出版社发行部。- 2006。- 117 页。[Лу Синь. Рассказа // Издательство «Вэнью». - 2006. - 117 с.]

¹⁷⁰ 刘仓。建设中华民族现代文明要把握好的几个关系 (Лю Цан. При построении современной цивилизации китайской нации необходимо усвоить несколько взаимосвязей. Сентябрь, 2024.) URL: <http://www.news.cn/politics/20240912/656569b53d0d4ec9bafc26eafae298b7/c.html> (дата обращения: 16.09.2024)

Китая¹⁷¹, Guangming Daily¹⁷², People's Daily¹⁷³, Huanqiu¹⁷⁴, Renmin ribao¹⁷⁵ и т.д., а именно: интервью с ведущими экспертами, анализ выступлений и речей представителей органов власти КНР, проработка актуальной повестки, связанной со стратегией и национальной безопасностью.

Научная новизна диссертационного исследования определяется источниковой базой, избранным методом, используемым для анализа источников, и междисциплинарным характером проблематики:

1. Впервые в отечественной исторической науке закладываются основы целостной концепции, основанной на синтезе структуралистского и социоконструктивистского подходов к изучению культурных стратегий КНР как инструмента обеспечения национальной безопасности. Определены потенциал и перспективы китайской модели культурной дипломатии как одного из инструментов внешней политики.

2. Выделены основные этапы эволюции доктрины национальной безопасности КНР на рубеже XX - XXI вв. в контексте трансформирующегося миропорядка.

3. Созданы предпосылки для разработки инструментально-научной базы верификации параметров культурной политики КНР, используя метод дискурс-анализа. Уточнено содержательное наполнение и понимание таких понятий как «стратегия», «стратегическая культура», «национальная безопасность» в китайском интеллектуальном и политическом дискурсе.

¹⁷¹ 王建国。关于《中国革命战争的战略问题》的几个问题 // 中国共产党新闻。— 2015。 [Ван Цзяньго. Несколько вопросов о «Стратегических проблемах революционной войны Китая» // Коммунистическая партия Китая. — 2015.] URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0824/c69120-27507809.html> (дата обращения: 17.01.2023)

¹⁷² 周仲高。新型智库建设的发展路径 // 光明日报。— 2022。 [Чжоу Чжунгао. Путь развития строительства новых аналитических центров // Guangming Daily. — 2022.] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759851348244162279&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 12.04.2024)

¹⁷³ 于丽。为构建中国特色哲学社会科学作出更大贡献 // 人民网。— 2022。 [Ю Ли. Внести больший вклад в развитие философии и социальных наук с китайской спецификой // People's Daily. — 2022.] URL: <http://theory.people.com.cn/GB/n1/2022/1114/c40531-32565522.html> (дата обращения: 13.08.2024)

¹⁷⁴ 孙宜学。中华文化国际传播战略：二十个关键问题 (Сунь Исюэ. Международная коммуникационная стратегия китайской культуры: двадцать ключевых вопросов. Ноябрь, 2017.) URL: <https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnK5Pvi> (дата обращения: 16.09.2024)

¹⁷⁵ 郭金超。让世界读懂中国——以中新社“大变局·中国治”系列报道为例 (Го Цзиньчао. Пусть мир поймет Китай. В качестве примера возьмем серию репортажей Службы новостей Китая «Великие перемены и управление Китаем». Декабрь, 2021.) URL: https://paper.people.com.cn/xwzx/html/2021-12/01/content_26016847.htm (дата обращения: 16.09.2024)

4. В отечественной историографии впервые введены в научный оборот оригинальные, ранее не переведенные источники на китайском языке, в которых представлены новейшие концепты по вопросам стратегической культуры, ее аксиологическим основаниям в контексте национальной безопасности.

5. В исследовании впервые проводится компаративный анализ базовых положений доктринальных документов концепций национальной безопасности КНР, США и Российской Федерации с выявлением ключевых детерминант и принципов, определяющих стратегию ведения внутри- и внешнеполитической деятельности.

6. Новым и ценным научным результатом являются выявление идеологических и управленческих возможностей китайской элиты в реализации политики «мягкой силы», а также уточнение рисков, связанных с практиками культурной дипломатии КНР в рамках обеспечения национальной безопасности страны.

7. Использование многофакторного анализа позволило выявить специфику и разнообразие используемых политической и интеллектуальной элитой КНР инструментов (культурной дипломатии, информационных технологий, Институтов Конфуция, экспертно-аналитических центров и др.) для продвижения национальных интересов Китая в контексте безопасности китайского государства.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Начиная с 1949 г. концепт национальной безопасности в общественно-политической мысли КНР постоянно эволюционировал, отражая изменения в китайской внешней политике. В 1978 г., после того как руководство страны сменило свою внешнеполитическую ориентацию с СССР на США, взяло курс на стабильность и развитие и отказалось от выдвижения каких-либо инициатив на международной арене. В 1997 г. вопрос о национальной безопасности вернулся в повестку китайской политики, но лишь в форме вопроса о «национальной экономической безопасности». С

приходом к власти в КНР Си Цзиньпина в 2012 г. вопросы национальной безопасности вышли на первый план, и в китайской общественно-политической мысли произошло существенное изменение понимания национальной безопасности. В ответ на изменения на международной арене в докладах китайского высшего политического руководства были выдвинуты инициативы о необходимости взятия на себя ответственности как в области региональной безопасности (2019 г.), так и в глобальной безопасности (2022 г.).

2. Принятая в 2015 г. современная концепция национальной безопасности является основополагающим доктринальным документом, выстроенным на основе гуманистического подхода. Это всеобъемлющая система теоретической мысли, опирающаяся как на традиционную китайскую философию, так и на социалистическую идеологию. Она декларирует, что национальная безопасность – это система, созданная в первую очередь для людей. Являясь следствием коренных изменений, происходящих в современном мире, прежде всего изменений в области цифровых технологий, данная концепция уделяет особое внимание вопросам кибер-безопасности. Кроме того, в данной концепции предусматривается обеспечение национальной безопасности и в других значимых областях, таких, как экономика, культура, экология, космическое пространство, Арктика, Антарктика и др.

3. Подобно США и Российской Федерации Китай как глобальная держава обладает собственной концепцией национальной безопасности. Сопоставление этих концепций показывает, что в своей концепции Китай стремится руководствоваться принципами сотрудничества между странами, избегает принятия чьей-либо гегемонии и отказывается от навязывания собственного превосходства другим народам. В данном плане китайская концепция весьма отлична от американской, где на первый план выходит утверждение собственной гегемонии, создание альянсов, готовность к применению военной силы. Если американская концепция вытекает из культуры индивидуализма, характерной для американской культурной

идентичности, то китайская — из противоположной ей культуры коллективизма. В этом аспекте китайская концепция имеет черты схожие с российской концепцией, которая также опирается на культуру коллективизма, являющуюся частью традиционных российских ценностей, и при этом делает акцент на сохранении государственности как главной цели российской концепции национальной безопасности.

4. Практика обеспечения национальной безопасности в Китае исторически связана с развитием искусства войны и стратегической мысли как его неотъемлемой составляющей. Зародившись во времена Сунь-цзы, стратегическая мысль в Китае достигла высокого уровня развития в период династии Цин, но в XIX в. вследствие поражения Китая в Опиумных войнах пережила упадок. Новый этап в ее развитии начался в XX в. в период гражданской войны КПК с Гоминьданом. Появление ракетно-ядерного оружия, конфликт с СССР в конце 1960-х гг., переориентация на США и обнаружение слабости вооруженных сил Китая в конце 1970-х гг. привели к исчерпанию возможностей стратегической теории, связанной с именем Мао Цзэдуна. Начавшийся в конце 1970-х гг. экономический рост и последующее превращение Китая в глобальную державу поставили перед военно-политическим руководством КНР задачу дальнейшего развития стратегической мысли. При Си Цзиньпине Китай стал серьезно наращивать свои стратегические наступательные вооружения. При этом осознание китайскими стратегами из НОАК серьезных последствий ядерной войны побуждает их задуматься об использовании не только военных, но и невоенных средств для обеспечения национальной безопасности страны.

5. Во второй половине 1970-х гг. среди военных теоретиков появилось понятие «стратегическая культура», которое стало свидетельством нового этапа развития стратегической мысли, связанного с широким распространением ракетно-ядерного оружия и осознанием последствий его применения. Возникнув в США и Великобритании, впоследствии оно стало разрабатываться Ли Цзицзюнем и другими китайскими специалистами. Под

стратегической культурой обычно понимают культурно обусловленный тип стратегического мышления, хотя отдельные группы специалистов различаются в своих трактовках данного понятия. Анализируя особенности своего потенциального противника, а также особенности собственного народа и собственной армии, исследователи стратегической культуры воспринимают ее как культурный код, определяющий все формы человеческого поведения, связанные с войной. Применительно к китайской стратегической культуре обычно выделяют те же особенности, которые характерны для китайской культуры в целом и господствующей в ней конфуцианской традиции: человечность, готовность переносить испытания, склонность к справедливости, доверие к авторитету, приверженность обычаям.

б. Развитие китайской стратегической мысли в начале XXI в. свидетельствует о том, что наряду с военными средствами обеспечения национальной безопасности китайские специалисты все больше внимания уделяют стратегиям невоенного, культурного характера. Следствием этого становится рост интереса к проблематике китайских культурных стратегий со стороны как военных, так и гражданских ученых. В интересе к китайским стратегиям можно усмотреть преемственность с политической традицией «умиротворения варваров», которая берет свое начало в классической китайской истории. В настоящее время исследование китайских культурных стратегий делает только первые шаги, поэтому следует признать, что их окончательное понимание еще далеко не сформировалось. На текущий момент можно отметить, что общей целью культурных стратегий Китая является формирование такой модели культурного развития человеческих отношений, которая берет за основу не модернизированную, а традиционную культуру. Китайские ученые обращают внимание на ее человекоразмерность и экологичность. Такими чертами, например, обладает китайская культура, которая, с их точки зрения, могла бы в этом плане оказаться привлекательной для остального человечества, поскольку она позволяет другим народам сохранить свою самобытность.

7. В современном Китае «мягкая сила» рассматривается как важный элемент внешнеполитической стратегии государства и неотъемлемая часть прогрессивного развития страны. Для достижения своих стратегических целей КНР активно использует национальные средства массовой информации, такие, как новостное агентство Синьхуа, Центральное телевидение Китая (ССТV) и Международное радио Китая (CRI). Кроме того, Китай постоянно укрепляет культурный обмен и организует диалог с другими участниками международных отношений, стремясь к плодотворному взаимному сотрудничеству. Для продвижения своих культурных инициатив в разных странах по инициативе КНР проводятся фестивали китайской культуры, организуются международные конференции с участием китайских делегаций, устраиваются масштабные мероприятия, на которых присутствует продукция китайских предприятий. Тем не менее до сих пор китайским СМИ тяжело конкурировать с западными глобальными СМИ, а иностранные потребители часто делают выбор в пользу западной культурной продукции.

8. Одним из наиболее успешных продуктов китайского культурного влияния за пределами КНР начиная с 2004 г. стала глобальная сеть институтов Конфуция. Ее создание – это первый успешный пример китайской культурной стратегии, реализуемой китайским государством. Популяризируя китайский язык и культуру, институты Конфуция выступают партнерами китайского бизнеса за рубежом и в рамках организуемых ими культурных мероприятий становятся площадкой для продвижения китайских коммерческих интересов. При этом институты Конфуция вовлечены в процесс формирования мышления у населения принимающих стран. Продвигая китайский язык и поощряя интерес к Китаю, институты Конфуция формируют огромную армию лиц, дружелюбно настроенных по отношению к Китаю и потенциально не готовых к конфронтации с Китаем. В строгом соответствии с «искусством войны» Сунь-цзы институты Конфуция добиваются победы над своими потенциальными противниками без боя. Тем не менее воплощаемая в их деятельности стратегия «мягкой силы» хорошо угадывается и другими

участниками международных отношений. В США в последние 10-15 лет деятельность институтов Конфуция неоднократно подвергалась критике, следствием чего явилось их массовое закрытие.

9. Еще одним инструментом распространения китайского культурного влияния в мире стали экспертно-аналитические центры нового типа, пришедшие на смену старым центрам, действовавшим при университетах и занятых переработкой информации, поступающей извне. Созданные при поддержке государства, центры нового типа заняты продуцированием информации, призванной формировать положительный образ Китая в мире, а также распространять китайский взгляд на общий порядок вещей. Новые центры возникли в ответ на западное информационное давление на Китай и формирование у мировой общественности негативного образа Китая в условиях возрастающей конкуренции США и Китая, ставшей особенно сильной с 2016 г. Благодаря китайским новым центрам, зарубежная аудитория систематически получает возможность видеть иную картину мира, отличающуюся от представлений на Западе. В отличие от институтов Конфуция китайские центры нового типа функционируют на территории Китая и не могут быть закрыты решением властей других государств. Вовлеченные в работу новых экспертно-аналитических центров коллективы специалистов, работающие в интересах китайского государства, заняты производством концептов и интеллектуальных конструкций, которые затем превращаются в язык внешней политики Китая.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты будут способствовать дальнейшему изучению роли культурных стратегий в области национальной безопасности КНР. Кроме того, они могут использоваться для дальнейшего исследования проблематики культурного влияния на характер и содержание китайской внешней политики, а также для разработки культурно-ориентированных подходов к деятельности, связанной с организацией взаимодействия и сотрудничества России и Китая.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Доктрина национальной безопасности КНР

1.1. Эволюция концепта «национальная безопасность» в официальных китайских документах с 1978 г. по настоящее время

Доктрина национальной безопасности Китая прошла в своем развитии несколько этапов. Основными предпосылками ее эволюции являются тема времени и изменений международной обстановки, воздействие новых технологических революций и глобализации¹⁷⁶.

После образования КНР основными задачами национальной безопасности страны были защита национальной независимости, суверенитета и территориальной целостности, отстаивание законных прав и интересов китайского народа, защита руководства партии и социалистической системы, обеспечение демократической диктатуры народа¹⁷⁷.

Первый период концептуализации определяется традиционным пониманием концепции национальной безопасности, в основе которой лежит военная и политическая безопасность¹⁷⁸ (с первых дней основания Китайской Народной Республики в 1949 г. до конца 1970-х гг.).

Отличительной особенностью этого периода была приоритетность поддержания национальной безопасности¹⁷⁹. Основание «нового Китая» происходило в эпоху разделения мира на два идеологических лагеря: капитализм и социализм. Китай столкнулся с политической изоляцией, экономической блокадой и военным окружением со стороны западного блока, возглавляемого Соединенными Штатами. Несмотря на давление, Китай проводил «одностороннюю» политику в дипломатии, присоединившись к социалистическому лагерю.

¹⁷⁶ Гордиенко Д.В. Взгляды Китая на систему международных отношений в XXI веке: концепция сообщества единой судьбы человечества // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. Т. 1. № 3. – С. 135-147.

¹⁷⁷ Выборнов С.В. Исследования по безопасности / под ред. С. П. Никанорова. – М.: Концепт. – 1998. – С. 234-235.

¹⁷⁸ Иншаков С.М. Политологические основы теории национальной безопасности / С.М. Иншаков. – М.: Русайнс. – 2012. – С. 87-88.

¹⁷⁹ Хуан Сочжу. Эволюция концепции безопасности Китая и ее практика в Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. – 2023. № 2. – С. 158–168.

В то же время КНР обозначила вектор своего внешнеполитического развития, выдвинув «Пять принципов мирного сосуществования», установила дипломатические отношения с Индией¹⁸⁰ в 1950 г., Швецией¹⁸¹ в 1950 г., Мьянмой¹⁸² в 1950 г. и другими странами. Это упрочило позиции Китая: способствовало предотвращению дипломатической изоляции и прорыву сдерживания Пекина Соединенными Штатами¹⁸³.

В конце 1950-х гг. между Китаем и Советским Союзом начались разногласия, уже к 1960-х гг. конфронтация между двумя социалистическими государствами заметно обострилась, и центральное правительство стало воспринимать Советский Союз как самого опасного противника. Чтобы защититься от угрозы со стороны СССР, Мао Цзэдун скорректировал свою дипломатическую стратегию и направил силы на разрешение конфликта с Соединенными Штатами¹⁸⁴.

В 1972 г. Китай и США подписали Шанхайское совместное коммюнике¹⁸⁵, заложившее основу для стабилизации китайско-американских отношений. Согласно документу, «... КНР и США независимо от их политических систем, будут строить отношения с другими государствами на основе “пяти принципов мирного сосуществования”, международные споры

¹⁸⁰ 中华人民共和国和印度建交公报 [Коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Индией] URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/1207_677232/200011/t20001107_8008731.shtml (дата обращения: 15.02.2023)

¹⁸¹ 中国同瑞典的关系 // 中华人民共和国外交部。— 2024 年。[Китайско-шведские отношения // Министерство иностранных дел КНР. — 2024.] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679594/sbgx_679598/ (дата обращения: 15.02.2023)

¹⁸² 中国同缅甸的关系 // 中华人民共和国外交部。— 2024 年。[Отношения между Китаем и Мьянмой // Министерство иностранных дел КНР. — 2024 год.] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676788/sbgx_676792/ (дата обращения: 15.02.2023)

¹⁸³ 中共中央党史研究室。中国共产党历史（第 2 卷）（1949-1978）（套装上下册）// 社中共党史出版社。— 2011。— 1074 页。[Отделение партийно-исторических исследований ЦК Коммунистической партии Китая. История Коммунистической партии Китая (Том 2) (1949-1978) (комплект из двух томов) // Издательство истории Коммунистической партии Китая. — 2011. — 1074 с.]

¹⁸⁴ Creel H.G. Chinese thought, from Confucius to Mao Zedong // University of Chicago Press. — 1953. — P. 197.

¹⁸⁵ 中华人民共和国和美利坚合众国联合公报（“上海公报”）（1972 年 2 月 28 日）[Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки («Шанхайское коммюнике»）（28 февраля 1972 г.）] URL: https://www.gov.cn/ztzl/zmdh/content_624341.htm (дата обращения: 19.02.2023)

должны решаться, не прибегая к силе и угрозе применения силы»¹⁸⁶. Эти положения способствовали нормализации дипломатических связей между Китаем и Японией и побудили Китай установить дипломатические контакты с большим количеством западных стран.

В результате, обстановка в сфере безопасности КНР значительно стабилизировалась, угрозы со стороны сверхдержав удалось избежать. Исследуя историю этого периода, мы наблюдаем, как необходимость в нормативной национальной безопасности определила становление, корректировку и изменение внешней политики.

В начале основания КНР безопасность социалистического государства столкнулась с рядом вызовов. В итоге страна развернула серию политических кампаний по устранению вызовов и факторов, угрожающих национальной безопасности.

Этому послужили успешные испытания атомных и водородных бомб в 1964 и 1967 гг., ставшими важным фактором сдерживания враждебных внешних игроков. Для консолидации новой политической власти НОАК под руководством партии участвовала в таких войнах как Корейская (1950-1953 гг.) и Вьетнамская (1955-1975 гг.). Эти события стали актами прямого противоборства капиталистическому лагерю¹⁸⁷.

Второй период развития стратегии национальной безопасности (с конца 1970-х гг. до XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая в 2012 г.) характеризуется серьезной трансформацией доктрины безопасности и переходом от традиционной концепции безопасности к нетрадиционной.

Смена доктрины предопределила изменения сил и средств для обеспечения национальной безопасности. В конце 1970-х гг. Дэн Сяопин стал

¹⁸⁶ 中华人民共和国和美利坚合众国联合公报（“上海公报”）（1972年2月28日）[Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки («Шанхайское коммюнике») (28 февраля 1972 г.)] URL: https://www.gov.cn/ztl/zmdh/content_624341.htm (дата обращения: 19.02.2023)

¹⁸⁷ 范文澜。中国通史简编 // 天津人民出版社。— 2020。— 464 页。 [Фан Вэньлань. Сборник всеобщей истории Китая // Тяньцзиньское народное издательство. — 2020. — 464 с.]

лидером партии во втором поколении. Он заявил, что темой современной эпохи является «мир и развитие»¹⁸⁸.

Это решение оказало глубокое влияние на траекторию развития Китая, на стратегии внутренней и внешней политики. Экономическое развитие стало основой и ключом к решению большинства проблем КНР. В конце XX в. Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао продолжили эту политику. В октябре 1992 г. Цзян Цзэминь в своем докладе на XIV Всекитайском съезде отметил, что «мир и развитие по-прежнему являются двумя главными темами в современном мире»¹⁸⁹. Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая подчеркнул, что «сегодня мир находится в процессе серьезных перемен и корректировок»¹⁹⁰. Эти принципы определяли направления и приоритеты национальной политики, дипломатическую стратегию «независимости и неприсоединения»¹⁹¹.

Первая четверть XXI в. – это период важных стратегических возможностей, особенно в областях национальной обороны и военного строительства, которые напрямую связаны с традиционной концепцией национальной безопасности. Произошло сокращение численности военнослужащих на 1 миллион, 500 тысяч и 200 тысяч человек в середине 1980-х гг., конце 1990-х гг. и начале XXI в. соответственно¹⁹². Это помогло сдержать милитаристские настроения и сосредоточить внимание на ускорении темпов социалистической модернизации и укреплении всеобъемлющей

¹⁸⁸ 历史选择了邓小平 // 人民网。 – 2018。 [История выбрала Дэн Сяопина // Народная газета。 – 2018.] URL: <https://cpc.people.com.cn/n1/2018/1023/c69113-30356831.html> (дата обращения: 10.06.2023)

¹⁸⁹ 江泽民在中国共产党第十四次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзян Цзэминя на XIV Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 12 октября 1992.] URL: https://www.gov.cn/test/2008-07/04/content_1035850.htm (дата обращения: 18.07.2023)

¹⁹⁰ 胡锦涛在党的十七次全国代表大会上作报告 [Доклад Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 15 октября 2007.] URL: https://www.gov.cn/ldhd/2007-10/15/content_776431.htm (дата обращения: 18.07.2023)

¹⁹¹ 武娟。中国的对外政策是独立自主的，是真正的不结盟 // 人民网。 – 2017。 [У Цзюань。 Внешняя политика Китая независима и придерживается политики неприсоединения // Народная газета。 – 2017.] URL: <https://cpc.people.com.cn/n1/2017/0912/c69113-29529025.html?eqid=861614c900000f8c0000000564806ca9> (дата обращения: 15.07.2023)

¹⁹² 中华人民共和国大事记（1949年10月—2019年9月）// 新华社。 – 2019。 [Основные события Китайской Народной Республики (октябрь 1949 г. – сентябрь 2019 г.) // Информационное агентство Синьхуа。 – 2019.] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-09/27/content_5434223.htm (дата обращения: 15.07.2023)

национальной мощи, тем самым обеспечив фундамент национальной безопасности.

После окончания холодной войны региональные противоречия и конфликты, которые в тот период сдерживались биполярной моделью, резко обострились, а вызовы терроризма, религиозного экстремизма, этнического сепаратизма становились все более серьезными. В то же время благодаря развитию глобализации, углублению экономической интеграции, страны оказываются все более взаимозависимыми, а транснациональная преступность, распространение наркотиков, финансовые кризисы, экологические проблемы становятся важными факторами, влияющими на национальную безопасность.

Поколения партийных лидеров Китая очень четко это осознавали. Еще в период Дэн Сяопина большое внимание привлекла проблема так называемой «идеологической безопасности». Дэн Сяопин считал, что чем глубже экономические реформы и повышение уровня открытости внешнему миру, тем больше следует уделять внимание построению цивилизации на основе коммунистических идей. Он выступал против идей либерализации и был привержен делу устранения «духовного загрязнения»¹⁹³.

Цзян Цзэминь унаследовал взгляды Дэн Сяопина. В развитие его идей он предложил концепцию «национальной экономической безопасности» в докладе к XV Всекитайскому съезду. В это время Китай акцентировал внимание именно на проблеме экономической безопасности. Среди основных тезисов Цзян Цзэминя можно отметить следующее: во-первых, «международная конкуренция возрастает, а экономическое и технологическое отставание от развитых стран оказывает на Китай большое давление»¹⁹⁴; во-

¹⁹³ 徐永军。邓小平关于改革的论述及其思想探源 // 人民网。 – 2013。 [Сюй Юнцзюнь. Дискуссия Дэн Сяопина о реформе и исследование ее идеологических истоков // Народная газета. – 2017.] URL: https://cpc.people.com.cn/n/2013/1128/c69113-23685810-3.html?ivk_sa=1024609v&wd=&eqid=e6ce531900061cd800000003657704dd (дата обращения: 12.08.2023)

¹⁹⁴ 江泽民在中国共产党第十五次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзян Цзэминя на XV Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 12 сентября 1997.] URL: https://www.gov.cn/test/2008-07/11/content_1042080.htm?eqid=f471bf530008b1f400000002647c3328 (дата обращения: 12.08.2023)

вторых, «научно-техническая революция активно продвигается, что обеспечивает благоприятные внешние условия для развития Китая. Наука и техника – основные производительные силы, а научно-технический прогресс – решающий фактор экономического развития»¹⁹⁵; в-третьих, «необходима коренная трансформация экономической системы и реализация “девятого пятилетнего плана” и долгосрочных целей на 2010 г.»¹⁹⁶; в-четвертых, «необходима трансформация и совершенствование традиционных отраслей, развитие высоких технологий, а также информатизация национальной экономики»¹⁹⁷.

Террористический акт 11 сентября 2001 г. оказал заметное влияние на структуру международных отношений, а также глубоко изменил концепции безопасности многих стран¹⁹⁸. Мир уделил беспрецедентное внимание терроризму, борьба с которым сместила фокус властей с традиционной концепции на наиболее приоритетную для XXI века проблему безопасности.

В докладе XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая в 2002 г. фигурировал тезис «традиционная безопасность и нетрадиционные факторы угроз безопасности переплетаются», что ознаменовало внесение нетрадиционных угроз безопасности в официальные документы. В отличие от доклада на XV Всекитайском съезде КПК риторика изменилась и на первый план вышла не модернизация, а развитие инноваций, построение общества среднего достатка, устойчивое развитие, омоложение нации, повышение уровня открытости внешнему миру, привлечение прямых иностранных инвестиций и повышение качества и уровня использования иностранного капитала, а создание и укрепление национальной обороны стало стратегической задачей. Отдельной главой выделено культурное строительство и реформа культурной системы, где Цзян Цзэминь дает

¹⁹⁵ 江泽民在中国共产党第十五次全国代表大会上的报告 ... (дата обращения: 12.08.2023)

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. – 2003. № 5. – С. 36-52.

следующую оценку: «... в современном мире культура, экономика и политика взаимосвязаны, а их статус и роль в борьбе за всеобъемлющую национальную мощь становятся все более заметными»¹⁹⁹. Кроме того, председатель Китая говорит о том, что «... несправедливый и иррациональный старый международный политический и экономический порядок фундаментально не изменился. Факторов неопределенности, влияющих на мир и развитие, становится все больше и представляет угрозу национальной безопасности»²⁰⁰. Среди угроз Цзян Цзэминь отмечает гегемонизм и силовую политику, локальные конфликты, пограничные и территориальные споры, терроризм²⁰¹.

Перед лицом актуальных угроз Китай предпринял активные меры, вышел с рядом новых инициатив. В частности, была учреждена Шанхайская организация сотрудничества. Одна из целей — «поддерживать и укреплять региональный мир, безопасность и стабильность, а также совместную борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, контрабандой наркотиков, незаконным оборотом оружия и другими транснациональными преступлениями»²⁰².

Таким образом, в последней четверти XX в., по мере продолжения политики реформ и открытости, факторы, подрывающие национальную безопасность, день ото дня увеличивались вместе с усложнением вопросов обеспечения безопасности. Традиционная концепция, в основе которой лежали только военная и политическая сферы, все больше проявляла свою ограниченность и архаичность.

После холодной войны, в ответ на сложность угроз, их интеграцию и развитие гегемонизма и силовой политики, Цзян Цзэминь предложил новую концепцию, основанную на «взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве,

¹⁹⁹ 江泽民在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 8 января 2002.] URL: https://www.gov.cn/test/2008-08/01/content_1061490.htm (дата обращения: 11.08.2023)

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

²⁰² “上海合作组织”成立宣言 [Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества»]. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_60959.htm (дата обращения: 19.04.2023)

и сотрудничестве»²⁰³, полностью сформулированную и вынесенную в 1997 г. на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. В документе фиксировалось, что Китай выступает за «взаимное доверие к безопасности, совместное поддержание и разрешение споров посредством диалога и сотрудничества, не прибегая к силе или угрозе применения силы»²⁰⁴ и против «всех форм гегемонизма и силовой политики»²⁰⁵.

В начале нового столетия возникновение двух чрезвычайных ситуаций – инцидента 11 сентября и бушующей эпидемии атипичной пневмонии – еще больше стимулировало изменения в концепциях, привлекая внимание к таким вопросам как безопасность человека и экология. Так, Ху Цзиньтао с большим, нежели прежде, акцентом на личной безопасности выдвинул стратегию развития и построения «гармоничного мира»²⁰⁶. На XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая председатель КНР отметил:

— «Ядром национальной стратегии развития и ключом к повышению всеобъемлющей национальной мощи являются независимый инновационный потенциал и построение инновационной страны.

— Усиление сохранения энергетических ресурсов и защита окружающей среды – основа экологической безопасности, которая связана с выживанием и развитием китайской нации.

— Необходимо продвижение инноваций в культурной сфере, в институциональных механизмах и в методах коммуникации, совершенствование «мягкой силы» страны.

— Мир по-прежнему далек от стабильности. Гегемонизм и силовая политика все еще существуют, локальные конфликты и горячие точки

²⁰³ 江泽民在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告 ... (дата обращения: 11.08.2023)

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ 王亚军. “两个和谐”思想是理论创新的重大成果 // 中华人民共和国中央人民政府。 – 2006。 [Ван Яджун. Идея «двух гармоний» — крупное достижение теоретического новаторства // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 2006.] URL: https://www.gov.cn/zwhd/2006-09/08/content_382217.htm (дата обращения: 09.04.2023)

возникают один за другим, глобальные экономические дисбалансы усиливаются, что представляет угрозу для Китая»²⁰⁷.

В 2011 г. Китай опубликовал документ «Мирное развитие Китая», официально объявив внешнему миру, что его основными приоритетами являются национальный суверенитет, национальная безопасность, территориальная целостность, национальное единство, национальная политическая система, общая социальная и экономическая стабильность, основанная на принципах устойчивого развития²⁰⁸. Кроме того, в контексте обеспечения национальной безопасности в документе заявлено:

— «Выбор пути мирного развития является стратегическим решением, принятым китайским правительством и народом на основе традиций китайской культуры и основанным на тенденциях развития времени и фундаментальных интересах Китая.

— Мирное развитие Китая сломало традиционную модель возвышения великой державы, согласно которой сильная страна должна стремиться к гегемонии.

— Установление колониальной системы, конкуренция за сферы влияния и расширение внешней силы – это старые пути возвышения некоторых великих держав в современной истории. В XX веке стремление к гегемонии, силовая конфронтация и военные конфликты привели к тому, что человечество пережило катастрофы двух мировых войн.

— Экономическая глобализация и научно-техническая революция предоставили большему количеству стран условия для оживления посредством экономического развития и взаимовыгодного сотрудничества, и все больше развивающихся стран встают на путь быстрого развития.

²⁰⁷ 胡锦涛在党的十七次全国代表大会上作报告 [Доклад Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 15 октября 2007.] URL: https://www.gov.cn/ldhd/2007-10/15/content_776431.htm (дата обращения: 18.08.2024)

²⁰⁸ Си Цзиньпин. О государственном управлении / Си Цзиньпин. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках. – 2014. – С. 564.

— В мире не существует лучшей, всемогущей и неизменной модели развития. Есть только путь развития, наиболее подходящий к национальным условиям страны.

— Развитие Китая не может быть отделено от мира, а мировое процветание и стабильность не могут быть отделены от Китая.

— Человечество больше не может позволить себе мировую войну. Тотальный конфликт и конфронтация между крупными державами принесут только потери обеим сторонам. Диалог и переговоры являются единственными эффективными и надежными способами разрешения споров.

— Глобальные вызовы стали главной угрозой миру. Ни одна страна не может решить эти проблемы в одиночку, и международное сообщество должно работать вместе, чтобы справиться с ними.

— Необходимо взаимное доверие и сотрудничество в области безопасности, настаивание на использовании мирных средств, а не войны для разрешения международных споров.

— Китайский народ придерживается выбранного им общественного строя и пути развития и не позволяет внешним силам вмешиваться во внутренние дела Китая»²⁰⁹.

Это показывает, что в новом столетии понимание Китаем национальной безопасности еще больше усложнилось, ее смысл постоянно развивается и обогащается, а концепция безопасности КНР включает глобальные проблемы.

Третий период концептуализации (со времени XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая в 2012 г. по 2024 г.) характеризуется тем, что общая концепция национальной безопасности была переформатирована.

С точки зрения истории социальной эволюции человечества, обеспечение безопасности и достижение развития всегда были двумя

²⁰⁹ 《中国的和平发展》白皮书 [Белая книга «Мирное развитие Китая», 6 сентября 2011.] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2011nzt_675363/zgdhpfzbps_675409/201109/t20110906_9284881.shtml (дата обращения: 09.04.2023)

основными целями государств. При этом практики и инструменты стран в реализации этих целей, как показывает опыт Китая, могут отличаться.

С момента создания КНР до конца 1970-х гг., то есть до начала политики реформ и открытости, в центре внимания руководства партии была защита безопасности нового социалистического государства. Начиная с конца 1970-х гг. до XVIII Всекитайского съезда КПК, партия проводила стратегию развития, уделяя особое внимание экономическому строительству и противостоянию глобальным вызовам как фундаменту успеха. Ху Цзиньтао на XVIII съезде, как и в предыдущих докладах, продолжает уделять внимание экономическому развитию, продвижению научно-технических инноваций:

— «Экономическое строительство является ключом к омоложению страны, а развитие по-прежнему выступает базой к решению проблем. Основное требование – приверженность научному развитию.

— Научно-технические инновации являются стратегической поддержкой повышения социальной производительности и всеобъемлющей национальной мощи и должны быть помещены в основу общего национального развития»²¹⁰.

Среди новых положений лидер Китая отмечает необходимость ускорить модернизацию национальной обороны и вооруженных сил и говорит о повышении уровня нестабильности в мире:

— «Создание консолидированной национальной обороны и сильной армии является стратегической задачей в рамках модернизации Китая.

— Китай проводит оборонительную политику, где целью укрепления национального оборонного строительства является защита национального суверенитета, безопасности и территориальной целостности, а также обеспечение мирного развития страны.

— Нестабильность и неопределенность в мировом экономическом росте усилились. Гегемонизм, силовая политика расширяются, а сетевая

²¹⁰ 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 17 ноября, 2012] URL: https://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm (дата обращения: 02.09.2024)

безопасность находится под угрозой. Глобальные проблемы стали более заметными»²¹¹.

С вступлением в новую эпоху, исходя из изменившейся ситуации, особенно перед лицом многих вызовов, обеспечение безопасности во всех сферах стало одной из самых актуальных задач. Как отметил председатель КНР Си Цзиньпин: «...сейчас кажется, что существует проблема неразвития, если мы не развиваемся. Есть проблема развития, если мы развиваемся, и вопросов, которые возникают после достижения развития, не меньше. В новой ситуации если отношения интересов не будут скоординированы и различные конфликты останутся нерешенными, то проблемы усугубятся, а в тяжелых случаях это повлияет на процесс развития»²¹². То есть развитие является основой и целью безопасности, а безопасность – условием и гарантией развития.

Таким образом, взаимозависимость двух важнейших вопросов безопасности и развития стала отличительной чертой общей концепции национальной безопасности в современную эпоху. Центральный комитет партии выработал и опубликовал «Концепцию стратегии национальной безопасности». Председатель Си Цзиньпин подписал указ № 29 и обнародовал его. Закон уточняет задачи новой концепции по 11 направлениям, включая политическую, внутреннюю, военную, культурную, технологическую безопасность, состоит из 84 статей в 7 главах. Он вступил в силу с 1 июля 2015 г. и призван охранять национальную безопасность, режим и социалистическую систему с китайской спецификой, защищать коренные интересы народа, обеспечивать ход реформ, открытость и осуществление великого возрождения китайской нации²¹³.

²¹¹ 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 ... (дата обращения: 02.09.2024)

²¹² 习近平：全党必须完整、准确、全面贯彻新发展理念 // 中华人民共和国中央人民政府。 – 2022。 [Си Цзиньпин: Вся партия должна полностью, точно и всесторонне реализовать новую концепцию развития // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 2022.] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-08/15/content_5705436.htm?token=6d37b264-ba74-4007-9c2c-023bbbbc40b (дата обращения: 07.03.2023)

²¹³ 中华人民共和国国家安全法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности, 1 июля 2015). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (дата обращения: 16.02.2023)

Согласно конституции КНР под национальной безопасностью понимаются свободные от опасности и внутренних и внешних угроз государственная власть, суверенитет, единство и территориальная целостность, благосостояние народа, устойчивое экономическое и социальное развитие и другие важнейшие национальные интересы²¹⁴.

Китай рассматривает взаимосвязь между стратегией национального развития и стратегией национальной безопасности с точки зрения одной большой национальной стратегии и начинает придавать им равноценную значимость. Эти две концепции не отделены друг от друга. Они являются воплощением общей идеи национальной безопасности, современные идеи которой опираются на равновесие развития и безопасности в национальной стратегической политике.

Так, в новейшей концепции безопасность личности признана главной ценностью и целью национальной безопасности. Принимать безопасность людей в качестве основной задачи означает ставить безопасность людей выше всех других элементов, таких как политическая, экономическая, военная, культурная, социальная безопасность и т.д. Традиционная концепция национальной безопасности обычно ограничивает национальную безопасность высокой степенью обеспечения политической безопасности на макроуровне, военной и внутренней безопасностью, уделяя при этом мало внимания низовому уровню конкретной безопасности жизни человека, собственности, дорожного движения, пищевых продуктов и т.д. Этот подход имеет явные издержки, в результате чего традиционная концепция в современном мире становится недостаточной и неубедительной.

В 2014 г. в Китае была создана Комиссия национальной безопасности, председателем которой стал лично генеральный секретарь Си Цзиньпин. Постоянные члены комитета несут ответственность за принятие решений и координацию работы в юрисдикции Комиссии, исследований и разработки, а

²¹⁴ 中华人民共和国宪法 [Конституция Китайской Народной Республики, 4 декабря 1982 г.] URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 20.01.2024)

также руководят реализацией стратегии и координируют вопросы национальной безопасности и соответствующих основных принципов, способствуют построению верховенства закона²¹⁵. Это знаменует собой создание централизованной, единой, эффективной и авторитетной системы руководства национальной безопасности. С тех пор Китай продвигал соответствующее законодательство и последовательно обнародовал ряд законов, таких как Закон о контрразведке²¹⁶, Закон о национальной безопасности²¹⁷, Закон о национальной разведке²¹⁸, Закон о борьбе с терроризмом²¹⁹, Закон об управлении внутренней деятельностью зарубежных неправительственных организаций²²⁰, Закон о транспортной коммуникации в сфере государственной обороны²²¹, Закон о безопасности сети «Интернет»²²², Закон о ядерной безопасности²²³.

В феврале 2017 г. председатель Си Цзиньпин на симпозиуме по национальной безопасности указал, что «...национальная безопасность охватывает широкий спектр областей...»²²⁴, в том числе и культурную сферу,

²¹⁵ Hu Weixing. Xi Jinping's "big power diplomacy" and China's Central National Security Commission // China's National Security Commission. – 2016. – 163-177 p.

²¹⁶ 中华人民共和国反间谍法 (Закон Китайской Народной Республики о контрразведке, 1 ноября 2014). URL: http://jcjxb.jxcfs.com/local/9/D2/06/A902B73CF77D34521F7E3DEB5C4_D8A1E83D_2C83.pdf?e=.pdf (дата обращения: 10.11.2023)

²¹⁷ 中华人民共和国国家安全法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности, 1 июля 2015). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (дата обращения: 16.02.2023)

²¹⁸ 中华人民共和国国家情报法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной разведке, 27 июня 2017). URL: <https://bwc.jdzu.edu.cn/uploadfile/53/Attachment/2af8ab0281.pdf> (дата обращения: 10.11.2023)

²¹⁹ 中华人民共和国反恐怖主义法 (Закон Китайской Народной Республики о борьбе с терроризмом, 27 декабря 2015). URL: <https://www.cyqh.com.cn/Uploads/file/4b45276ed4e9e3cd3aa5ce58f3d40450.pdf> (дата обращения: 20.06.2023)

²²⁰ 中华人民共和国境外非政府组织境内活动管理法 (Закон Китайской Народной Республики об управлении внутренней деятельностью зарубежных неправительственных организаций, 28 апреля 2016). URL: <https://oiec.bnu.edu.cn/docs/2021-10/b9ecf741ee6e40b58699743b26ba3422.pdf> (дата обращения: 20.06.2023)

²²¹ 中华人民共和国国防交通法 (Закон Китайской Народной Республики о транспортной коммуникации в сфере государственной обороны, 3 сентября 2016). URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2016-09/03/content_1996764.htm (дата обращения: 23.06.2023)

²²² 中华人民共和国网络安全法 (Закон Китайской Народной Республики о кибербезопасности в сети «Интернет», 7 ноября 2016). URL: <https://rwj.nwpu.edu.cn/info/1388/10388.htm> (дата обращения: 25.06.2023)

²²³ 中华人民共和国核安全法 (Закон Китайской Народной Республики о ядерной безопасности, 1 сентября 2017). URL: <http://www.fcgnp.com.cn/fcgnp/c1904031113/201904/ff9c10a8dd9544ce9e12ca9203041930/files/e5bfeffbcf6d4790979824fbc36ab1f0.pdf> (дата обращения: 10.11.2023)

²²⁴ 习近平主持召开国家安全工作座谈会 // 中华人民共和国中央人民政府。 – 2017。 [Си Цзиньпин возглавил рабочий симпозиум по национальной безопасности // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 2017.] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-02/17/content_5168833.htm (дата обращения: 10.08.2023)

задачи в которой, главным образом, направлены на сохранение культурной самобытности Китая. Национальная культурная безопасность – это продолжение существующих культурных особенностей страны. Она включает в себя множество аспектов, в том числе безопасность языка и символов, обычаев и традиций и т. д.

Указанные меры позволили добиться консенсуса китайцев в целях обеспечения национальной безопасности, прояснить направленность работы в различных ведомствах и областях, создать общий координационный механизм и установить юридический путь реализации.

На XIX Всекитайском съезде КПК, проходившем в октябре 2017 г., Си Цзиньпин выступил с докладом, в котором заложил новый путь для всеобъемлющего развития страны – социализм с китайской спецификой в новую эпоху.

Основными тезисами являются:

— «Новая концепция развития – модернизация экономической системы, развитие науки и инноваций, построение “экологической цивилизации” (способствовать глобальной экологической безопасности), необходимо придерживаться общей концепции национальной безопасности, решительно защищать национальный суверенитет и интересы развития, уделять больше внимания ведению реальных боевых действий, содействовать построению сообщества единой судьбы человечества, придерживаться принципа “одна страна, две системы”.

— Идеология определяет направление и путь развития культуры. Культура – ключ к возрождения китайской нации. Необходимо стимулировать культурные инновации, укреплять создание интернет-контента, основать комплексную систему управления сетью и создать чистое киберпространство, укреплять межличностные и культурные обмены между Китаем и зарубежными странами, усиливать “мягкую силу” страны.

— Возращение талантов является стратегическим ресурсом для реализации национального омоложения и завоевания инициативы в

образовании в университетах, средних и начальных школах»²²⁶. Согласно новой концепции Китай берет курс на ужесточение идеологического и правового контроля внутри страны и усиление пропаганды за ее пределами.

Что касается вопроса национальной безопасности, то, когда Си Цзиньпин говорит о повышении способности обеспечивать национальную безопасность, то на первый план выходит «... обеспечение безопасности национальной власти, системы и идеологии»²²⁷. Также, в рамках проекта национальной безопасности взят курс на «создание современной армии и модернизацию национальной обороны»²²⁸. Интересно, что по сравнению с предыдущими докладами, на XX съезде председатель КНР больше говорит о проектах внутри страны, идеологии, правовом аспекте, социальном контроле и в малой степени затрагивает тему международного урегулирования конфликтов и роли Китая в международных отношениях.

Таким образом, новое поколение руководителей ЦК партии во главе с Си Цзиньпином предлагает новый взгляд на систему, ставший крупным прорывом в концепции со времени основания КНР. Разработанная под его началом концепция подчеркивает значимость интеграции различных систем и связи всех элементов, уделяя особое внимание эффективному улучшению способности поддерживать национальную безопасность с помощью организационных систем, институциональных гарантий, стратегических операций, наращивания военной мощи, усиления идеологической и правовой составляющих.

Усиление позиций Китая как глобального актора делает страну уязвимой перед кризисами и нестабильностью на международной арене. Национальные интересы КНР «выходят вовне», поэтому, помимо работы

²²⁶ 中国共产党第十九次全国代表大会以来，我们取得的历史性成就、发生的历史性变革，都离不开全党全国各族人民的团结奋斗。当前，我们正意气风发满怀信心向着第二个百年奋斗目标迈进。全党同志要紧密团结在以习近平同志为核心的党中央周围，牢固树立“四个意识”，坚定“四个自信”，做到“两个维护”，为实现中华民族伟大复兴的中国梦而努力奋斗。 [Держите высоко великое знамя социализма с китайской спецификой и вместе работайте над всесторонним строительством современной социалистической страны – Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 25 октября, 2022] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 10.09.2024)

²²⁷ 中国共产党第十九次全国代表大会以来，我们取得的历史性成就、发生的历史性变革，都离不开全党全国各族人民的团结奋斗。当前，我们正意气风发满怀信心向着第二个百年奋斗目标迈进。全党同志要紧密团结在以习近平同志为核心的党中央周围，牢固树立“四个意识”，坚定“四个自信”，做到“两个维护”，为实现中华民族伟大复兴的中国梦而努力奋斗。 ... (дата обращения: 10.09.2024)

²²⁸ Там же. (дата обращения: 10.09.2024)

внутри страны необходимость поддержания безопасности зарубежных рынков, энергетических ресурсов и стратегических каналов, а также безопасности зарубежных институтов, персонала и активов, тоже является важной задачей²²⁹.

В этом контексте пассивная защита национальных интересов в рамках старой системы международного управления все больше обнажает ее недостатки, и формирование более наступательной стратегии национальной безопасности обретает большую актуальность²³⁰.

Формирование новой доктрины национальной безопасности обеспечивает руководящие принципы и практические пути обеспечения долгосрочной политики защиты национальных интересов в текущей ситуации. Это предполагает создание работающих международных институтов и правил и благоприятной внешней среды, а конечная цель обозначена как построение нового типа международных отношений и «сообщества с единой судьбой человечества»²³¹.

В дипломатии Китая появился тезис «конструктивного вмешательства», который подчеркивает инициативу и конструктивность китайской дипломатии и обозначает международные правила и концепции дискурса, выгодных Китаю. Это можно рассматривать как активную попытку реализовать общую концепцию национальной безопасности во внешнеполитической работе. Наиболее ярким проявлением этой инициативы является проект «Один пояс, один путь»²³².

Таким образом, за последние 70 лет с момента основания Китайской Народной Республики концепция национальной безопасности страны

²²⁹ 王毅、王毅。中国外交政策 // 王毅 : 中国外交政策。 – 2010。 – 383 页。 [Тан Вэньчжан, Цзян Хунмин. Проблемы национальной безопасности в современном Китае // Пекин: Академия общественных наук КНР. – 2010. – 383 с.]

²³⁰ 王毅。中国外交政策、王毅、中国外交 // 中国外交政策。 – 2023。 [Лю Юэцин. Упрощение, отчуждение, непонимание и регресс национальной безопасности // Академия общественных наук КНР. – 2023.] URL: https://www.cssn.cn/gjaqx/202208/t20220831_5482870.shtml (дата обращения: 12.05.2023)

²³¹ Горян Э.В. Концепция национальной безопасности Китая в «новую эпоху»: предварительные итоги XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая // Национальная безопасность / nota bene: сетевое изд. – 2022. № 6. – С. 49-61.

²³² Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая / Ю.М. Галенович. – М.: Русская панорама. – 2016. – 1176 с.

значительно эволюционировала. Представление о ней постоянно обогащалось и расширялось.

Традиционная концепция в первые десятилетия существования Китайской Народной Республики рассматривала государство как главную ценность, а обеспечение стабильности социалистического пути и свободы страны от агрессии было ее основной миссией.

В итоге постепенно сформировалась новая (нетрадиционная) концепция безопасности, ориентированная на жизнь людей, имущество, условия жизни, индекс счастья и другие аспекты. Область задач, стоящих перед национальной безопасностью, расширяется. Все острее встают вопросы глобальных вызовов: беженцы, финансовые кризисы и т. д.

В этом контексте в соответствии с вызовами времени возникла общая концепция национальной безопасности, определяющая национальную безопасность Китая в настоящем и задающая вектор на будущее.

1.2. Действующая концепция национальной безопасности КНР и ее приоритеты

Концепция Китая представляет собой теорию безопасности с особой спецификой: она основана на текущей ситуации, ставит безопасность людей в качестве своей цели, опирается на мудрость традиционной культуры национальной безопасности Китая, наследует и развивает основные концепции национальной безопасности с момента основания Нового Китая.

Общая концепция национальной безопасности КНР – это основополагающий доктринальный документ, разработанный под руководством Си Цзиньпина в 2015 г., а также всеобъемлющая теоретическая система, которая опирается как на традиционную китайскую философию, так и на социалистическую идеологию²³³. Предложенная Китаем в 2015 г. обновленная концепция является проявлением модернизации и «китаизации»

²³³ 中华人民共和国国家安全法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности, 1 июля 2015). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (дата обращения: 16.02.2023)

марксистской мысли в области национальной безопасности. Данная концепция выстраивается на базе гуманистического подхода и декларирует, что национальная безопасность – это система, созданная в первую очередь для людей, а прочную основу ей может обеспечить именно опора на население, что отражает традиционную конфуцианскую мысль о необходимости ответственности государства за свой народ.

После XVIII Всекитайского съезда ЦК КПК во главе с Си Цзиньпином политические круги четко уловили новые характеристики, цели и задачи в рамках обеспечения национальной безопасности, что отразилось на официальной риторике Пекина ²³⁴. Это подтверждается официальными заявлениями Китая о планах по активному обеспечению национальной безопасности со стратегической высоты, тщательному обобщению накопленного опыта, использования социалистической теории, основанной на традиционной китайской культуре и теориях Маркса, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, для продвижения инноваций в теории и практике национальной безопасности, для оценки ситуации и обоснования единой общей позиции по этому вопросу.

XIX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая назвал соблюдение общей концепции национальной безопасности одной из четырнадцати основных стратегий поддержания и развития китайского социализма в новую эпоху: «...необходимо придерживаться общей концепции национальной безопасности. Координация развития и безопасности, повышение осведомленности об опасности в мирное время являются важными принципами управления нашей партии. Мы должны придерживаться верховенства национальных интересов, считать безопасность народа целью, брать политическую безопасность за основу, координировать внешнюю и внутреннюю безопасность и совершенствовать систему национальной

²³⁴ 中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 8 сентября 2012.] URL: https://www.moa.gov.cn/ztl/sbdhd/zyjs/201211/t20121127_3074189.htm (дата обращения: 18.09.2023)

безопасности. Укреплять наращивание потенциала национальной безопасности и решительно защищать национальный суверенитет, безопасность и интересы развития»²³⁵.

«Главная задача – придерживаться верховенства национальных интересов и упорно содействовать великому возрождению китайской нации»²³⁶. По мнению китайских лидеров, поддержание абсолютного руководства Коммунистической партии Китая в сфере национальной безопасности является политическим требованием социалистической системы и фундаментальной политической гарантией обеспечения национальной безопасности и социальной стабильности. Это непосредственно влияет на судьбу социализма и долгосрочные перспективы и должно создать централизованный, единый, эффективный и авторитетный аппарат руководства путем совершенствования системы.

Предложенная Китаем общая концепция является проявлением модернизации и «китаизации» марксизма в области национальной безопасности и демонстрирует точное понимание Коммунистической партией Китая основных законов, представляет собой мощное идеологическое оружие и является крупным нововведением и трансформацией теории национальной безопасности²³⁷.

Эксперты Цзянханьского университета определили национальную безопасность как сумму прав и интересов суверенного государства, включая суверенитет и территориальную целостность Китая, незыблемость политической системы страны, экономическое развитие, национальное согласие и социальную стабильность²³⁸.

²³⁵ 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Доклад Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 30 октября 2017 г.] URL: <https://www.neac.gov.cn/seac/c100472/201710/1083685.shtml> (дата обращения: 18.09.2023)

²³⁶ 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 ... (дата обращения: 18.09.2023)

²³⁷ 中华人民共和国国家安全法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности, 1 июля 2015). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (дата обращения: 16.02.2023)

²³⁸ 有关国家安全的基本概念 // 江汉大学: 党委保卫部、保卫处。– 2010。 [Основные понятия национальной безопасности // Цзянханьский университет: Отдел безопасности парткома, Управление безопасности. – 2010.] URL: <http://bwc.jhun.edu.cn/66/a8/c1951a26280/page.htm> (дата обращения: 15.04.2022)

Поддержание национальной безопасности означает обеспечение защиты территориальной целостности и внешних границ, национального единства, морских прав и интересов. Общая концепция национальной безопасности состоит из пяти основных элементов и пяти пар взаимосвязей. Пятью основными элементами являются: безопасность народа как цель, политическая безопасность как центр, экономическая безопасность как опора, военная, культурная и социальная безопасность как гарантия, содействие международной безопасности как основа²³⁹.

Принимать безопасность народа в качестве цели означает придерживаться человекоцентрического подхода, настаивая на том, что национальная безопасность – это созданная в первую очередь для людей система, прочную основу которой можно обеспечить именно с опорой на население.

Что касается политической безопасности, то основной акцент делается на поддержку руководства Коммунистической партии Китая и социалистической системы с китайской спецификой, отдавая высший приоритет и доверие национальной власти и системе.

Переходя к экономической безопасности, следует отметить лежащее в ее основе поддержание национального экономического порядка, обеспечение устойчивого, стабильного и здорового экономического развития, постоянное наращивание экономической мощи и обеспечение прочной материальной основы, совершенствование социалистической рыночной экономической системы, приверженность развитию как к важнейшему принципу, постоянное повышение общей экономической мощи страны, ее конкурентоспособности и способности противостоять внутренним и внешним потрясениям.

Чтобы гарантировать военную, культурную и социальную безопасность, Китай обращает внимание на большое количество вызовов, возникающих в этих областях, на необходимость реагировать в соответствии с законами

²³⁹ 中华人民共和国国家安全法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности, 1 июля 2015). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (дата обращения: 16.02.2023)

каждой сферы, устанавливать и совершенствовать различные меры противодействия для укрепления фундамента и предотвращения опасности, гарантировать распространение «мягкой силы», придерживаться дальнейшему развитию социалистической культуры. В качестве приоритетов выделены следующие задачи: укреплять культурное доверие, повышать культурное сознание, ускорять культурные реформы и развитие, укреплять строительство социалистической духовной цивилизации, строить социалистическую культурную державу с китайской спецификой, предотвращать и ликвидировать криминальные и насильственные террористические инциденты, эффективно реагировать на различные угрозы безопасности, с которыми сталкивается страна, планировать и продвигать национальную оборону и военное строительство, наращивать темп и предотвращать кризисы в мирное время и т.д.

Пытаясь содействовать международной безопасности, КНР неуклонно идет по пути мирного развития, решительно защищая интересы собственной безопасности, способствуя построению гармоничного и прочного мира. Пять основных элементов ясно отражают внутреннюю логическую взаимосвязь национальной безопасности. Эти элементы придают важности как вопросам развития, так и вопросам безопасности, подчеркивая, что они являются двумя сторонами одной медали: безопасность внутренняя и внешняя. Обе сферы взаимосвязаны и влияют друг на друга.

Данная концепция подчеркивает важность обеспечения национальной безопасности во многих ключевых областях, таких как политическая, национальная, военная, экономическая, культурная, социальная, научно-техническая, информационная, экологическая, ресурсная и ядерная безопасность²⁴⁰.

Являясь следствием коренных изменений, происходящих в современном мире, прежде всего изменений в области цифровых технологий, данная

²⁴⁰ 中华人民共和国国家安全法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности, 1 июля 2015). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (дата обращения: 16.02.2023)

концепция уделяет особое внимание вопросам развития научно-технической сферы. В ней отмечается, что Китай обязан быть готов ко всем вызовам в области развития искусственного интеллекта, баз данных, операционных систем, спутниковой связи. В связи с этим в обновленной концепции подчеркивается особая важность для безопасности страны такой ее составляющей как кибер-безопасность. В обновленной концепции указывается, что основными приоритетами в области безопасности являются деятельность по проверке обеспечения компьютерной сетевой безопасности, просвещения населения по вопросам кибербезопасности и укрепления международного сотрудничества в области киберпространства.

Как следствие развития науки и техники появляется необходимость в гарантии сетевой безопасности, подразумевающей защиту критически важной информационной инфраструктуры, в создании систем проверки сетевой безопасности, в просвещении населения по вопросам кибербезопасности и в укреплении международного сотрудничества в области киберпространства.

Для Китая важной темой остается сфера экологии²⁴¹. В связи с этим правительство поставило задачи придерживаться зеленого развития, стремиться к улучшению экологической среды, обеспечивать население более качественной продукцией производства, создавать и совершенствовать институциональную систему обеспечения экологической безопасности, эффективно решать экологические проблемы и защищать экосистему на территории Китая²⁴².

Для поддержания ядерной безопасности определены меры по предотвращению ядерных атак, аварий и преступлений. КНР придерживается позиции ядерного нераспространения, обеспечивает безопасность ядерных объектов и материалов (в том числе от террористов), а также предотвращает и

²⁴¹ Буяров Д.В., Кузнецов Д.В. Современный Китай: страницы истории / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – М.: Ленанд. – 2016. – С. 239.

²⁴² Воскресенский А.Д. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». – М.: Стратегические изыскания. – 2019. – С. 548.

реагирует на хищения, диверсии, несанкционированные действия и саботаж на ядерных объектах.

Концепция национальной безопасности Китая основывается на теоретических постулатах социалистической теории и идеологии. Исходная идея состоит в том, что народ является творцом истории и последней решающей силой в обеспечении социального и исторического прогресса. Коммунистическая партия Китая считает служение народу единственной целью партии²⁴³.

Общая концепция национальной безопасности обобщает текущее понимание элементов и моделей безопасности и воплощает в себе комплексный подход. Она анализирует разнообразные угрозы, с которыми сегодня сталкивается Китай и мир, создает систему, охватывающую 11 элементов, рассматривает взаимоотношения между различными элементами безопасности, используя диалектический подход. Общая концепция различает внешнюю безопасность и внутреннюю, внутреннюю и национальную.

Следует отметить, что общая концепция национальной безопасности отражает меняющуюся ситуацию в области безопасности и возникающие в ней проблемы, с которыми сталкивается международное сообщество. После окончания холодной войны, обстановка, с которой столкнулось международное сообщество, резко изменилась, а содержание и масштабы вопросов безопасности продолжают расширяться, постоянно влияя на понимание людьми национальной безопасности. Общая концепция вбирает разумные факторы из традиционного понимания, отражает исторические изменения и расширяет содержание концепции.

В 2022 г. была выпущена работа «Основные положения исследования концепции национальной безопасности», составленная Отделом пропаганды ЦК КПК и Советом национальной безопасности ЦК КПК для углубленного

²⁴³ Меркулов К.К. Эксперты КНР о некоторых актуальных вопросах формирования нового международного порядка // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. – М., 2018. – С. 253-265.

авторитетной системы руководства национальной безопасностью; осознание верховенства безопасности народа и политической безопасности; защита суверенитета и территориальной целостности; защита границ; содействие высококачественному развитию и безопасности на высоком уровне»²⁴⁷.

В шестой главе содержится следующий тезис: «Политическая безопасность – основа национальной безопасности»²⁴⁸. То есть, самое главное – это защитить лидерство и правящий статус Коммунистической партии Китая и социалистической системы. Тот, кто под любым предлогом отрицает лидерство Коммунистической партии Китая и социалистической системы, неправ и нарушает Конституцию. Что касается идеологии, то «как только идеологическая линия защиты будет прорвана, удержать другие линии обороны будет сложно. В борьбе на идеологической области мы не имеем места ни для компромиссов, ни для уступок и должны добиться полной победы»²⁴⁹.

Таким образом, принятая в КНР в 2015 г. общая концепция национальной безопасности представляет собой системную государственную стратегию, призванную обеспечить национальную безопасность с учетом новых вызовов в области развития цифровых технологий, социальных сетей, искусственного интеллекта, спутниковой связи. Помимо этого в данной концепции предусматривается обеспечение национальной безопасности и в других значимых областях, таких, как экономика, культура, экология, космическое пространство, Арктика, Антарктика и т.д. В идеологическом плане концепция опирается на гуманистический подход, в котором соединяются идеи марксизма и конфуцианства и артикулируется мысль о необходимости ответственности за свой народ со стороны государства.

²⁴⁷ 习近平、李克强、汪洋、张德江、刘云山、王岐山、陈全国。《习近平新时代中国特色社会主义思想》// 习近平新时代中国特色社会主义思想 ... – С.34.

²⁴⁸ Там же. – С.71.

²⁴⁹ Там же. – С.72.

1.3. Сравнительный анализ концепций национальной безопасности КНР, США и Российской Федерации

12 октября 2022 г. Белый дом опубликовал документ «Стратегия национальной безопасности 2022 г.»²⁵⁰ (далее называется «Стратегия»), в котором описывается, как правительство США будет продвигать свои интересы в условиях современных глобальных вызовов, превосходить геополитических конкурентов, решать общие проблемы и поддерживать международный порядок. При чтении полного текста ключевыми словами являются американское лидерство, стратегическая конкуренция, защита демократии и свободы, открытый, безопасный и процветающий международный порядок.

«Стратегия» включает такие задачи как обеспечение безопасности американского народа, расширение экономического благосостояния и защита демократических ценностей. США позиционируют себя как «непревзойденного лидера», считают, что они значительно опережают в плане экономики, населения, инноваций, военных и других аспектов, и другие страны также остро нуждаются в лидерстве США²⁵¹.

В «Стратегии» предполагается, что следующее десятилетие станет переломным моментом в истории, и в настоящее время перед Соединенными Штатами стоят две основные практические задачи. Во-первых, международный порядок после холодной войны заменяется на «конкуренцию великих держав». Соединенные Штаты выступают за построение свободного, открытого, безопасного и процветающего мира, основанного на принципах национального самоопределения, территориальной целостности и политической независимости. США обвинили Россию в нарушении основных принципов международного порядка и в том, что Китай имеет возможность и намерение изменить международный порядок. Во-вторых, «конкуренция

²⁵⁰ The 2022 National Security Strategy. URL: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf> (дата обращения: 12.12.2024)

²⁵¹ The 2022 National Security Strategy ... (дата обращения: 12.12.2024)

великих держав» затрудняет сотрудничество в сфере глобального управления. В связи с этим Соединенные Штаты считают, чтобы инновации, изменение климата, глобальное здравоохранение, мировая экономика и энергетический кризис были включены в приоритетную повестку дня.

В третьей части – «Глобальный приоритет» – указывается, что российско-китайские отношения становятся все более близкими, но для США каждое государство представляет разный блок проблем. Документ четко отличает Китай от России и подтверждает уникальное положение Китая как «единственного конкурента, имеющего как намерение изменить международный порядок, так и растущую экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для достижения этой цели»²⁵². Кроме того, Соединенные Штаты будут продолжать поддерживать свой статус лидера, и благодаря тесной координации с союзниками, укреплять и обновлять систему ООН, продолжать разработку международных стандартов в различных областях, чтобы контролировать и управлять международной торговлей и инвестициями, технологическим развитием и направлением экономической политики.

В четвертой части документа – «Стратегии развития с различными регионами» – США направлены на выстраивание диалога с Индией, Европейским Союзом, Ближним Востоком, Африкой и Северным полюсом, где Индо-Тихоокеанский регион оценивается как геополитический центр XXI-го века, что имеет большое значение для интересов Соединенных Штатов²⁵³.

Соединенные Штаты стремятся установить стратегическую позицию, которая обеспечит их будущие интересы развития. В широком смысле стратегическая позиция определяет отношение Штатов к защите себя и своих союзников, а также к продвижению интересов США. При формулировании своей стратегической позиции они стремятся к такому международному порядку, который поддерживает американские ценности и интересы.

²⁵² The 2022 National Security Strategy ... (дата обращения: 12.12.2024)

²⁵³ Там же. (дата обращения: 12.12.2024)

Военная позиция является основным компонентом. В «Стратегии» говорится, что «Соединенные Штаты всегда были привержены использованию военной силы для обеспечения собственных интересов и интересов их союзников. Среди них военная мощь как компонент военной ситуации включает в себя обычные военные и ядерные военные возможности». В соответствии с «Стратегией национальной обороны 2022 года»²⁵⁴ основной целью Соединенных Штатов является создание мощной армии для получения и поддержания боевых преимуществ и укрепления сдерживания. То есть, ядерное сдерживание по-прежнему является основной задачей Соединенных Штатов.

По сравнению со «Стратегией национальной безопасности 2017 г.»²⁵⁵ администрации Трампа имеются сходства по вопросу Китая. Оно состоит в том, что обе «Стратегии» занимают схожую жесткую позицию по отношению к Китаю. Китай был охарактеризован как государство с «ревизионистским режимом», стремящимся заменить Соединенные Штаты в Индо-Тихоокеанском регионе и расширить экономическое влияние.

Если мы сравним ее со «Стратегией национальной безопасности 2010 г.»²⁵⁶ предыдущей демократической администрации Обамы, то обнаружим большие различия. Эпоха, когда «Соединенные Штаты приветствуют подъем стабильного, мирного и процветающего Китая»²⁵⁷, осталась в прошлом. После вступления в должность Трамп посчитал, что стратегия США по взаимодействию и поддержке развития Китая, проводившаяся в течение последних десятилетий, провалилась, и вместо этого принял политику сдерживания. Китайско-американские отношения резко ухудшились, более чем 40-летняя экономическая интеграция была разрушена, а пропасть между

²⁵⁴ The 2022 National Defense Strategy. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 12.12.2024)

²⁵⁵ The 2017 National Security Strategy URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 15.12.2024)

²⁵⁶ The 2015 National Security Strategy URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 17.12.2023)

²⁵⁷ Там же. (дата обращения: 17.12.2023)

двумя сторонами увеличилась. Недавно опубликованная официальная стратегия задает тон будущим китайско-американским отношениям как конфронтационным. Кроме этого, новая «Стратегия» не дает никаких ответов на вопрос о том, как Вашингтон может активно содействовать конструктивному сотрудничеству с Пекином.

Помимо наиболее значимой темы китайско-американских отношений, в «Стратегии» затрагиваются и другие кейсы.

Во-первых, хотя администрация Байдена поставила почти такую же оценку угрозам, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты, что и администрация Трампа, все еще существует множество маркеров, которые отмечают стратегические различия между Демократической и Республиканской партиями. Например, возврат к многосторонности в «Стратегии» был заменен на тезис «Америка прежде всего»; изменение климата стало приоритетом вместо упоминания деловой или инвестиционной среды. По статистике, в стратегии Байдена изменение климата упоминается 20 раз, а климатический кризис – 11 раз²⁵⁸. Другие уникальные особенности включают устранение границ между внутренней и внешней политикой.

Во-вторых, возврат к идеологической бинарной оппозиции, по-видимому, имеет тенденцию к формированию нового «менталитета холодной войны». В своей «Стратегии» администрация Байдена описывает исторический момент в мире как борьбу «демократии и автократии»²⁵⁹. Эта идеологическая структура обострила напряженность между Соединенными Штатами, Китаем и Россией, одновременно оттолкнув «недемократические страны», что может иметь противоположный эффект на расширение альянса Соединенных Штатов.

В-третьих, в «Стратегии» не уделяется достаточно внимания Ближнему Востоку, и лишь малая часть второй половины доклада посвящена объяснению

²⁵⁸ The 2022 National Security Strategy ... (дата обращения: 12.12.2024)

²⁵⁹ Там же. (дата обращения: 12.12.2024)

политики США на Ближнем Востоке, что знаменует собой смену приоритетов США.

Таким образом, «Стратегия национальной безопасности 2022» объясняет будущую конкурентную среду, четко сохраняет конкурентные преимущества, планирует глобальный приоритет и определяет стратегическое направление различных регионов. По сравнению с предыдущими стратегиями национальной безопасности США в новой американской стратегии Китай определен в качестве «основного конкурента»²⁶⁰ и «крупнейшей геополитической проблемы»²⁶¹. Кроме того, в стратегии отмечается, что Соединенные Штаты будут использовать свою возросшую мощь для предотвращения угроз со стороны Китая и России. В тесной связи с этим задачами новейшей американской концепции стоят задачи обеспечения глобального управления и защите американских интересов в области науки и технологий, кибербезопасности, торговли и экономики. Американская концепция национальной безопасности сообщает о том, что США намерены укреплять свою глобальную гегемонию, выстраивать альянсы, сдерживать своих основных соперников в лице КНР и Российской Федерации.

Можно отметить, что в дискурсивном плане отличительной особенностью американской концепции является высокая частота использования в ней термина «конкуренция». Он упоминается 44 раза. Посредством термина «конкуренция» американская концепция национальной безопасности представляет картину как сегодняшнего, так и будущего мира. Ключевые идеи американской концепции сводятся к необходимости наращивания внутренних инвестиций, создания военных альянсов с другими государствами и модернизации собственных вооруженных сил. Сопоставление китайской и американской концепций национальной безопасности позволяет отметить, что концепция национальной безопасности США придерживается

²⁶⁰ The 2022 National Security Strategy ... (дата обращения: 12.12.2024)

²⁶¹ Там же. (дата обращения: 12.12.2024)

атакующего характера. Интересно, что в американской стратегии не уделяется внимание социокультурной сфере или каким-либо ее элементам.

Третьим глобальным игроком современного мира является Российская Федерация, которая, борясь за сохранение своего национального суверенитета, стремительно вернула себе статус глобальной державы в самое последнее время. Подобно Китаю и США Россия в своей внешней политике также руководствуется концепцией национальной безопасности, которая в содержательном плане регулярно обновляется. Ныне действующая стратегия национальной безопасности России принята в 2021 г.²⁶² Она является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития на долгосрочную перспективу. В некоторых своих положениях российская концепция имеет точки пересечения с китайской и американской концепциями.

Важными задачами для достижения целей внешней политики Российской Федерации является увеличение влияния РФ в международном культурном, гуманитарном, образовательном и научном пространстве. Этому способствует развитие партнёрских отношений с иностранными организациями и институтами, параллельно с чем совершенствуются инструменты сетевой дипломатии. В данном направлении необходимой задачей, подобно Китаю, является укрепление позиций отечественных средств массовой информации и коммуникаций в глобальном информационном пространстве. Россия также заявляет права на статус русского языка как международного²⁶³.

Приоритетной задачей стратегии национальной безопасности России является сохранение государственности, многонационального российского народа и его традиционных духовно-нравственных ценностей (коллективизма,

²⁶² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 17.12.2024)

²⁶³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации ... (дата обращения: 17.12.2024)

семьи, религии, исторической памяти и др.). В российской концепции отмечается, что в условиях трансформации современного миропорядка российскому государству следует быть готовым к ответу на многочисленные вызовы извне. К их числу относятся вызов традиционным российским духовно-нравственным ценностям, провоцирование на территории страны межнациональных конфликтов, информационное и когнитивное воздействие на сознание граждан Российской Федерации, попытки исказить нашу историю в угоду чужим интересам и др.

В противодействие этому приняты стратегии защиты национальных интересов. Помимо упомянутых выше элементов внешней политики, к необходимым действиям за рубежом относятся поддержка соотечественников на территории других государств, защита их прав и интересов, а также отстаивание прав на сохранение культурной идентичности. К внутренней политике, направленной на поддержание национальной безопасности, относится сохранение культуры и духовно-нравственных ценностей.

Вопреки «вестернизации» и намеренной фальсификации мировой истории, нацеленных на утрату Россией своего культурного суверенитета, осуществляется реализация государственной информационной политики, направленной на формирование общественного самосознания, поддержка общественных проектов по патриотическому воспитанию, сохранение исторической памяти и культуры народов Российской Федерации, сохранение единого культурного пространства.

Основным инструментом выступает достижение единства через укрепление гражданской идентичности, преемственность поколений и межнациональное согласие народов России. Гражданская идентичность базируется на духовно-нравственных ценностях, которые усиленно поддерживаются в противовес западной экспансии. Преемственность поколений достигается сохранением традиционных ценностей и исторической памяти. Межнациональное согласие поддерживается сбережением и защитой самобытности народов и общим самосознанием. Отдельное внимание

уделяется контролю миграционных потоков и обязательной культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Российская Федерация рассматривает свои базовые культурно-исторические ценности и нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества. В Указе говорится о том, что Соединенные Штаты и их союзники продолжают нападать на традиционную мораль, культуру и исторические факты России, распространять идеи, противоречащие российскому обществу и морали, и подрывать психологию народа. Было предложено 14 задач, среди которых защита исторической правды, патриотическое воспитание, укрепление культурного суверенитета, предотвращение вторжения чуждых идеологий и ценностей²⁶⁴.

Таким образом, резюмируя приведенные выше положения, сохранение суверенитета, повышение международного авторитета и открытость невозможны без наращивания культурной самоидентичности и сформированного с данной целью государственного заказа на «проведение научных исследований, публикацию научно-популярных материалов, создание произведений литературы и искусства, кинематографической, театральной, телевизионной, видео- и интернет-продукции, оказание услуг, направленных на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культуры, защиту исторической правды и сохранение исторической памяти»²⁶⁵.

В российской концепции национальной безопасности в качестве основного источника угрозы национальному суверенитету обозначено НАТО во главе с США, которые призывают к сдерживанию России по всем направлениям ее развития. Отмечено, что НАТО стремится оказывать давление на Россию, ее союзников и партнеров, наращивает свою военную инфраструктуру вблизи границ России, осуществляет разведывательную

²⁶⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации ... (дата обращения: 17.12.2024)

²⁶⁵ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации ... (дата обращения: 17.12.2024)

деятельность, и регулярно отрабатывает оперативные сценарии применения ядерного оружия против Российской Федерации²⁶⁶.

Помимо указания на «расширение НАТО на Восток»²⁶⁷ и «развертывания противоракетных систем Соединенными Штатами»²⁶⁸, в концепции всесторонне перечисляются средства, с помощью которых западные страны во главе с США противостоят России, включая принятие двойных международных стандартов, монополизацию Интернета для распространения искаженных ценностей.

Следует отметить, что в ныне действующей концепции национальной безопасности проводится мысль об отказе от «построения партнерства с США»²⁶⁹ и «укрепления взаимовыгодного сотрудничества с Европейским союзом»²⁷⁰, что свидетельствует о переходе России к политике девестернизации. Новым существенным дополнением к российской концепции национальной безопасности является положение о важности обеспечения информационной безопасности. В этом аспекте российская концепция имеет схожие черты с китайской концепцией и, в меньшей мере, с американской.

В рамках международной повестки Россия заявляет о том, что страны Запада заняли позицию гегемонии. Устойчивость мировой финансовой системы снизилась, геополитическая нестабильность и риск возникновения вооруженных конфликтов возросли. Россия испытывает внешнее давление на всех уровнях: политическом, экономическом и духовном. Ключ к международному статусу и укреплению международного сотрудничества – это достижение целей развития²⁷¹. РФ отдает приоритет использованию политических средств, в первую очередь дипломатии и миротворчества, для

²⁶⁶ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации ... (дата обращения: 17.12.2024)

²⁶⁷ Там же. (дата обращения: 17.12.2024)

²⁶⁸ Там же. (дата обращения: 17.12.2024)

²⁶⁹ Там же. (дата обращения: 17.12.2024)

²⁷⁰ Там же. (дата обращения: 17.12.2024)

²⁷¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации ... (дата обращения: 17.12.2024)

разрешения внутренних и международных конфликтов. Кроме того, в Указе делается акцент на национальных интересах, которые ставят людей на первое место, и использовании «жесткой силы» для противодействия угрозам. Подводя итог анализу последнего Указа РФ можно сделать вывод об упреждающем характере концепции национальной безопасности России.

КНР и США выступают в роли двух глобальных держав, что привлекает внимание в изучении и сравнении принципов безопасности этих стран. Концепции национальной безопасности Китая и США относятся к двум разным парадигмам безопасности: США придерживается парадигмы «угрозы безопасности», а Китай – «государства безопасности».

Основной задачей «парадигмы угроз» является определение источников угроз. Со времен Второй мировой войны определение угроз и мер реагирования было основной частью стратегии национальной безопасности западных стран, в частности США. Во время холодной войны Соединенные Штаты определяли Советский Союз как стратегическую угрозу и цель реагирования; в наши дни американская администрация включила Китай и Россию в список основных угроз безопасности США в докладе о стратегии национальной безопасности. В частности, в документе позиции КНР США оценивают следующим образом: «КНР является единственным конкурентом, имеющим как намерение изменить международный порядок, так и все больше нарастить экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь. Для этого КНР использует свои технологические возможности и растущее влияние на международных институтах, чтобы создать более благоприятные условия для своей собственной авторитарной модели и формировать глобальное использование технологий для осуществления своих интересов. Пекин часто использует свою экономическую мощь для принуждения стран ... и стремится сделать мир более зависимым от него ... Мы привлечем Пекин к ответственности за злоупотребления – геноцид и преступления против человечности в Синьцзяне, нарушения прав человека в

Тибете и уничтожение автономии и свобод Гонконга – даже если он пытается заставить страны и сообщества замолчать»²⁷².

Здесь можно отметить несколько характеристик, присущих данной парадигме: во-первых, наличие стратегического военного соревнования; во-вторых, устранение угрозы безопасности посредством применения силы и других методов стратегического удара; в-третьих, укрепление сети обеспечения безопасности посредством альянсов²⁷³.

Иная парадигма – «государства безопасности», присущая Китаю, фокусируется на реальных угрозах и вызовах государству. Исходя из этого, обсуждение Китаем положений, связанных с безопасностью, обычно начинается с описания текущей ситуации в области международной и внутренней политики, а затем выявляются важные факторы, влияющие на уровень национальной безопасности Китая. Например, в официальном документе «Национальная оборона Китая в новую эпоху», опубликованном в 2019 г., риски, стоящие перед национальной безопасностью Китая, резюмируются следующим образом: «Международный стратегический ландшафт глубоко изменился, ситуация с безопасностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом стабильна, а вызовы, угрожающие сохранению национальной безопасности, нельзя игнорировать»²⁷⁴. В определении проблем национальной безопасности Китая основное внимание уделяется четкому выявлению различных факторов, которые влияют и бросают вызов нынешней ситуации.

Коннотация безопасности, на которую традиционно нацелены США, является одномерной и сосредоточена на военной безопасности. В дальнейшем смысл национальной безопасности постепенно расширился с

²⁷² The 2022 National Security Strategy. URL: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf> (дата обращения: 12.12.2024)

²⁷³ Журбей Е.В. Стратегия национальной безопасности США В 90-Е гг. XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. № 2. – С. 75-108.

²⁷⁴ 《新时代的中国国防》白皮书全文 [Полный текст официального документа «Национальная оборона Китая в новую эпоху», июль 2019.] URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2019-07/24/content_4846424_2.htm (дата обращения: 20.06.2023)

акцента на угрозы традиционной военной безопасности до нетрадиционных угроз в виде террористических атак, которые были отражены в корректировке концепций и стратегий национальной безопасности Штатов²⁷⁵. По мере того, как процесс глобализации ускорялся, а различные нетрадиционные проблемы безопасности становились все более серьезными вызовами их собственной безопасности и идентичности, США также начали уделять больше внимания нетрадиционным вопросам безопасности, таким как иммиграция, распространение технологий и энергетика.

Китай делает упор на всеобъемлющую национальную безопасность, что воплощено в общей концепции, предложенной китайскими лидерами в 2014 г. В системе «государства безопасности» самыми фундаментальными являются политическая и институциональная безопасность и безопасность людей. С этой точки зрения национальная безопасность Китая органично сочетает в себе международную и внутреннюю регулировку процессов²⁷⁶.

Таким образом, меры Китая по обеспечению своей национальной безопасности отражают индивидуальные особенности страны. Во-первых, КНР подчеркивает важность политического и мирного диалога и проводит оборонительную политику. Китай всегда выступал за несилловые решения, например, территориальных пограничных споров, развитие отношений между крупными державами и поддержания безопасности в прилегающих районах, и придерживался пяти принципов мирного сосуществования и международных норм мирного разрешения международных споров. Во-вторых, Китай делает упор на партнерство, а не на союзничество, и не поддерживает национальную безопасность в форме военных альянсов. В-третьих, КНР признает необходимость сотрудничества в целях разрешения разногласий и достижения общей безопасности. Китай пытается продемонстрировать международному сообществу «гармоничную концепцию», то есть основанную на общей,

²⁷⁵ Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности. – М.: Юрайт. – 2023. – 334 с.

²⁷⁶ Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности / А.А. Свешников // Китай в мировой политике: сб. ст. – М.: РОССПЭН. – 2001. – С. 93-143.

всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности. КНР подчеркивает и уважает различия между странами, считает невмешательство во внутренние дела основным принципом и стремится к общим интересам с другими государствами²⁷⁷.

Различия подходов по вопросам безопасности.

Логика, заложенная в фундамент американской концепции, является логикой бинарных оппозиций. Она заставляет думать, что в мире есть только сами США, тогда как все остальные могут существовать либо в роли сателлитов, либо в роли врагов. Данная логика является порождением культуры индивидуализма, которая является фундаментом американской культурной идентичности.

Концепция национальной безопасности Китая содержит в себе комплексный (системный) подход к сфере безопасности. При этом она символизирует собой новый подход Китая к вопросам безопасности, пришедший на смену тем, что существовали с 1949 г. по 2012 г. Современный Китай сознает себя одним из наиболее влиятельных глобальных игроков и заявляет о своей готовности брать на себя ответственность за безопасность не только в пределах своих национальных границ, но и далеко за их пределами. Центральная идея, представленная в современной китайской концепции национальной безопасности, заключается в том, что поддержание национальной безопасности КНР основано не на идее поиске врагов и их уничтожении, а на сотрудничестве с другими странами. Основными тезисами председателя Си выступают: «...необходимо защищать национальный суверенитет и территориальную целостность, а также поддерживать стабильность и порядок на границах; политическая безопасность является основой безопасности народа; содействие высококачественному развитию и безопасности на высоком уровне; Китай настаивает на координации

²⁷⁷ Сидоров С.А. Концепция национальной безопасности КНР в контексте международной и национальной безопасности России // Национальная безопасность. – 2012. № 1. – С. 77-91.

собственной и общей безопасности, выступает против идеи о том, что сильная страна должна стремиться к гегемонии»²⁷⁸.

В Законе Китайской Народной Республики о национальной безопасности от 22 февраля 1993 г. уточняются полномочия сотрудников органов национальной безопасности, права граждан и организаций, порядок действий при чрезвычайной ситуации, положения о юридической ответственности. Акцент сделан на внутреннее урегулирование конфликтов и не направлен против других лиц или стран.

Поддержание национальной безопасности КНР не основано на идее поиска врагов и их уничтожения. Главный критерий – это сотрудничество. Обеспечение системы безопасности Китая основано на разрешении разногласий и противоречий в духе «рациональности» на базе совместных консультаций, взаимопонимания, стремления к сближению интересов и т.д.

Выбор критериев и ценностей безопасности Китая отражает определенную степень разнообразия, коллективности и относительности. Во-первых, они инклюзивны и сосуществуют. С точки зрения отношений КНР с международным сообществом, собственная философия выживания Китая – это сосуществование, а не противостояние. Во-вторых, с помощью комплекса тесно связанных 11 направлений в области безопасности поддерживается системный и коллективный характер. В-третьих, оборонительный аспект. Общая стратегия Китая носит упреждающий характер, то есть он достигает баланса между внутренней и международной безопасностью и «придерживается принципа никогда не стремиться к гегемонии, никогда не расширяться и никогда не искать сфер влияния»²⁷⁹ за рубежом. Что касается задач в военной сфере, Китай понимает сложность достижения государством абсолютной безопасности только через военные и силовые инструменты и

²⁷⁸ 新时代维护和塑造国家安全的根本遵循 [Основополагающие принципы обеспечения национальной безопасности в новую эпоху, 2014] URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2022/0426/c1003-32408671.html> (дата обращения: 20.08.2024)

²⁷⁹ Хуан Сочжу. Эволюция концепции безопасности Китая и ее практика в Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. – 2023. № 2. – С. 158–168.

средства. Модель Китая – это культура безопасности, которая носит активный оборонительный характер и фокусируется на множественном балансе и поддержании равновесия системы²⁸⁰.

Представления об эффективной системе безопасности основаны на материальной мощи, политических традициях и культурном коде китайской цивилизации.

Концепции безопасности испытывают влияние культурных традиций соответствующих стран. Политическая культура и культурный код определяют онтологическую ценностную ориентацию концепций безопасности.

Американская культура сосредоточена на формировании индивидуальных ценностей. Хотя американское общество уделяет внимание границам и конфиденциальности, Соединенные Штаты придерживаются принципа универсальности и стремятся продвигать свои демократические ценности в мире²⁸¹. Это также обусловлено американской религиозной традицией. США делают акцент на определении интересов и их границ в межличностном общении, поэтому определение интересов (основу которого составляет дуалистическое мышление) и угроз безопасности стало основным содержанием концепции и стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов. На четкую бинарную позицию интересов и ее поддержание влияет позиция Соединенных Штатов, которая может быть определена, независимо от отношений, культуры и ситуации как фоновых факторов.

Анализ концепции национальной безопасности КНР показывает, что она прочно связана с культурной традицией Китая и базируется на коллективистских началах и принципах сотрудничества и взаимодействия. Собственную безопасность КНР не отделяет от безопасности других стран и

²⁸⁰ 有关国家安全的基本概念 // 江汉大学: 党委保卫部、保卫处。 – 2010。 [Основные понятия национальной безопасности // Цзянханьский университет: Отдел безопасности парткома, Управление безопасности. – 2010.] URL: <http://bwc.jhun.edu.cn/66/a8/c1951a26280/page.htm> (дата обращения: 15.04.2022)

²⁸¹ Gilpin R. War and Change in World Politics // Cambridge: Cambridge University Press. – 1981. – 272 p.

безопасности всего международного сообщества²⁸². Стратегии национальной безопасности Китая включают не только собственную безопасность, но и содействие международной стабильности, мирной обстановке. Китай продекларировал суть своей концепции, разделив аспект безопасности на 11 взаимосвязанных и неразделимых областей. Кроме того, китайская культурная традиция обращается к понятиям мира и гармонии как к основам, это находит отражение в политике, так государство фокусируется на решении дилемм взаимной безопасности, а не на достижении абсолютной безопасности путем устранения противников.

Говоря об образе мышления в политике США, мы, напротив, наблюдаем концепцию абсолютной безопасности, основанную на типичной индивидуальной культуре²⁸³. Под влиянием индивидуального рационального мышления, безопасность представляет собой относительно нулевую сумму, особенно для акторов, находящихся в состоянии конкуренции или конфронтации друг с другом. В культуре национальной безопасности Соединенных Штатов придается большое значение четкому определению безопасности и угроз безопасности²⁸⁴. В то же время угрозы должны быть преобразованы с точки зрения ценностей, чтобы они соответствовали стремлению Соединенных Штатов к абсолютной безопасности. Концепция США ориентирована на формирование решающих элементов собственной национальной безопасности, поэтому США всегда в определенной степени находились в состоянии напряжения: постоянно искали врагов, уничтожали их, укрепляли свою мощь, стремясь к абсолютному состоянию безопасности²⁸⁵.

Культура безопасности Китая акцентирует взаимозависимость и неделимость вопросов безопасности. Безопасность – это состояние взаимных

²⁸² Jacques M. When China rules the world: the end of the Western world and the birth of a new global order // Penguin Books. – 2009. – P. 209.

²⁸³ Lantis J.S. Strategic culture: from Clausewitz to constructivism // Strategic Insights. – 2005. Vol. 1. № 10. – Pp. 5-23.

²⁸⁴ Белозеров В. К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. – 2015. № 4. С. 19–24.

²⁸⁵ Бартенев В. «Стратегия национальной безопасности США» 2015 года: от всеобъемлющего к селективному вовлечению и сдерживанию // Пути к миру и безопасности. – 2015. № 1. – С. 48-66.

отношений, а достижение и оптимизация состояния безопасности зависит от регулирования взаимных отношений, а не от потенциала военных ресурсов. Кроме того, отношения между интересами стратегий нескольких стран не являются игрой с нулевой суммой, а могут сформировать состояние сотрудничества и коллективной безопасности посредством оптимизации. Культура национальной безопасности Китая, основанная на пути диалога и консультаций, подчеркивает использование диалога для преобразования и устранения возможных внешних угроз, обращая при этом внимание на стремление к миру и гармоничному сосуществованию²⁸⁶, а также на стремление к созданию сообщества с общей судьбой для человечества²⁸⁷.

Политическая основа концепции безопасности формируется на базе национальных интересов. С одной стороны, на концепцию безопасности влияет потенциальная мощь государства, с другой – концепция безопасности закрепляется в рамках соответствующих политических идеологий и систем, отражающих конкретные политические ценности и тенденции.

Различные концепции национальной безопасности Китая и США определяются их сильными сторонами и позициями на мировой арене. Национальная мощь, международный статус, идеология, геополитическая среда, а также история и культура Китая и США лежат в основе различий между их концепциями безопасности.

Благодаря своему уникальному географическому положению и роли, которую они сыграли во время двух мировых войн, США стали мировой сверхдержавой. Исходя из этого, концепция национальной безопасности Соединенных Штатов сместилась от изоляционизма к глобализму²⁸⁸. В течение некоторого периода после основания США, их позициям угрожали европейские державы и иммигранты, как результат они реализовали

²⁸⁶ Салтыков Г.Ф. Традиция, механизм ее действия и некоторые ее особенности в Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая. – М.: Наука. – 1972. – 376 с.

²⁸⁷ Гордиенко Д.В. Взгляды Китая на систему международных отношений в XXI веке: концепция сообщества единой судьбы человечества // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. Т. 1. № 3. – С. 135-147.

²⁸⁸ Кислицын С.В. Современные проблемы «большой стратегии» во внешней политике США // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. № 4. – С.27-39.

оборонительную стратегию безопасности. После того как США добились статуса доминирующей державы, они представили свои собственные интересы безопасности как глобальные и постепенно стали рассматривать либеральный интернационализм как основу для продвижения глобального порядка²⁸⁹.

Китай всегда придерживался пяти принципов мирного сосуществования и выступал за безопасность в системе международных отношений, исходящих из ценности равенства и справедливости. На это также в некоторой степени влияет собственный потенциал Китая²⁹⁰. По мере того, как мощь Китая постепенно нарастает, концепция глобальной справедливости, основанная на центральном положении Китая в истории, стала основой концепции внешней безопасности Китая²⁹¹. Поэтому реализация концепции глобальной безопасности, направленной на содействие построению «общества единой судьбы человечества», стала важной целью внешней стратегической привлекательности Китая в новую эпоху²⁹².

Соединенные Штаты гордятся тем, что представляют тенденции западных демократических политических стран в современном мире. Основываясь на своих «демократических ценностях», США рассматривают вопрос о собственной причастности к демократии в качестве важной основы для оценки источника угроз безопасности. Таким образом, идеология не только определяет внешние угрозы, но и отражает бинарное оппозиционное мышление Соединенных Штатов в их суждениях, то есть угрозы со стороны

²⁸⁹ Матвеев В.В. Анализ доктринальных документов США и угроз в современном мире // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. № 1. – С. 5-26.

²⁹⁰ 何炳松。通史新义 // 商务印书馆。– 2017。– 第 105 页。[Хэ Бинсун. Всеобщая история в новом смысле // Коммерческая пресса. – 2017. – С. 105.]

²⁹¹ 杨毅。中国国家安全战略构想 // 北京：时事出版社。– 2009。– 第 148 页。[Ян И. Стратегическая концепция национальной безопасности Китая // Пекин: Current Issues Press. – 2009. – С.148.]

²⁹² 释清仁。中国共产党国家安全战略思想研究 // 北京：人民出版社。– 2020。– 第 114 页。[Ши Цинжэнь. Исследование стратегической мысли национальной безопасности Коммунистической партии Китая // Пекин: Народное издательство. – 2020. – С.114.]

недемократических стран должны быть устранены посредством политического и военного давления²⁹³.

Китай не входит в число демократий, признанных Соединенными Штатами. Характеристики социалистической системы Китая определяют, что Китай придерживается в своих инициативах принципов равенства, справедливости, толерантности и плюрализма. Исходя из этого, национальная безопасность Китая принимает безопасность людей в качестве своей цели²⁹⁴, а политическую безопасность – в качестве основы, которая определяется социалистической идеологией.

Судя по исторической динамике, концепции национальной безопасности Китая и США находятся в процессе перманентной трансформации. Здесь стоит заострить внимание на важном элементе – стратегической культуре, которая относительно статична. Это долгосрочное накопление убеждений страны о стратегии и реализации ее целей.

Стратегическая культура является более фундаментальным и внутренним фактором, определяющим безопасность страны и стратегический выбор²⁹⁵. На стратегическую культуру Соединенных Штатов влияют их собственная история, рост национальной мощи и конкретная международная среда. Из этого следует, что стратегическая культура США носит более наступательный характер, отражая их идеализм и подчеркивая, что границы интересов США глобальны и не ограничиваются территориально. Кроме того, концепция реализма также является основой американской стратегической культуры, подчеркивающей важность силы. В итоге создание абсолютной военной мощи и реализация стратегического планирования по всему миру

²⁹³ Фененко А.В. Современные военно-политические концепции США // Международные процессы. – 2009. Т. 7. № 1. – С. 66-83.

²⁹⁴ 徐根初. 中华战略文化的传承与发展 // 北京: 时事出版社. – 2008. – 第 98 页。 [Сюй Гэньчу. Наследие и развитие стратегической культуры Китая // Пекин: Current Issues Press. – 2008. – С.98.]

²⁹⁵ Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований. – М.: Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2012. – С. 91-102.

являются основными векторами для внешней стратегии и безопасности США²⁹⁶.

В современной литературе ведутся споры о наступательном или оборонительном характере китайского подхода к обеспечению безопасности²⁹⁷. Западные ученые, которые при анализе проблем безопасности обычно используют понятие силы, в своем большинстве склоняются к выводу о том, что Китай следует наступательной стратегии. В свою очередь, китайские ученые оспаривают этот вывод и, как правило, утверждают, что стратегия безопасности КНР является оборонительной, хотя и реактивной. Согласно мнению китайских ученых, Китай использует силу и другие средства для защиты своих интересов только тогда, когда его собственные интересы безопасности находятся под угрозой.

До и после Первой мировой войны идеалистическая традиция внешней политики, представленная президентом США Вильсоном, была основана на либерально-демократических ценностях и пыталась доминировать в концепциях внешней политики безопасности Соединенных Штатов того времени. Эпоха Трампа открыла новую фазу размышлений о национальной безопасности США, то есть анализ предыдущего либерального международного порядка, который вновь сузил интересы США с международного уровня на национальный. На это изменение влияют личность и политическая философия самого лидера²⁹⁸.

Эволюция во взглядах по вопросу национальной безопасности Китая отражает изменения позиций и убеждений различных групп китайской элиты. Личный опыт и ценности конкретного лидера влияют на представления об угрозах и вызовах и необходимой реакции на них. Например, главы КНР после политики реформ и открытости придавали большое значение развитию и

²⁹⁶ Богданов А.Н. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. – 2014. № 3. – С. 8-22.

²⁹⁷ Давыдов М.А. Китайское искусство стратегии: Теория 36 стратагем по И Цзин; Особые стратагемы терапии; Антистратагемы. – М.: Золотое сечение. – 2011. – С. 216.

²⁹⁸ Печатнов В. Феномен Трампа и американская демократия // Международные процессы. – 2017. Т. 15, № 1. – С. 13-34.

необходимости создания мирной международной обстановки, что определяет стремление Китая к новой концепции безопасности²⁹⁹. Поскольку влияние Пекина растет достаточно быстро, а соотношение сил между Китаем и Соединенными Штатами практически сравнялось, концепция безопасности Китая не ограничивается поддержанием собственных интересов безопасности³⁰⁰.

Таким образом, в эпоху стратегической конкуренции между Китаем и Соединенными Штатами различия в мышлении и концепциях безопасности оказывают существенное ограничительное воздействие на эффективность коммуникации между двумя сторонами. Баланс сил между Китаем и США и его изменения являются основными факторами, лежащими в основе различий в концепциях. Будучи гегемоном, Соединенные Штаты более чувствительны к растущей силе Китая и к связанным с ней оборонительным внешним стратегиям и поведению, и с большей вероятностью будут видеть в Китае наиболее опасного и «злонамеренного» конкурента.

Различия в стратегиях КНР и США во многом согласуются с различиями в культурном коде двух государств, например, ценностная оппозиция монизма и плюрализма, разница между мышлением «друг-враг» и т. д.³⁰¹ Основываясь на этом понимании, концепция безопасности в значительной степени отражает культурные когнитивные характеристики концепций³⁰².

Что касается целей и способов обеспечения безопасности, Китай и США по-разному понимают надежность совместных намерений. Подход Китая заключается в подтверждении сотрудничества и стратегически отдает предпочтение консультациям, общению и сотрудничеству. Концепция безопасности Соединенных Штатов воплощает реалистическое мышление,

²⁹⁹ Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей / Е.Н. Грачиков. – М.: Русайнс. – 2017. – С.117.

³⁰⁰ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский; отв. ред. А.П. Деревянко; Ин-т археологии и этнографии Сибир. отд. РАН. – М.: Наука: Вост. лит. – 2013.

³⁰¹ Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина / Е.Н. Румянцев. – М.: Синосфера. – 2016. – С 276.

³⁰² 李而炳。21 世纪前期中国对外战略的选择 // 北京：时事出版社。– 2004。– 第 140 页。 [Ли Эрбинг. Внешнестратегический выбор Китая в начале XXI века // Пекин: Current Issues Press. – 2004. – С. 140.]

оценивая намерения на основе силы и идеологических атрибутов, с особым упором на стратегические конфликты. Эта зависимость от их соответствующих стратегических и культурных установок привела к недопониманию и разногласиям между Пекином и Вашингтоном в процессе коммуникации.

Китай, США и Российская Федерация, безусловно, являются не просто суверенными государствами, но и глобальными державами. В отношении Китая это стало общепринятым мнением в последние 10-15 лет, в отношении Российской Федерацией — в самые последние годы. Этот факт находит свое отражение и в самом наличии у них доктринальных документов о национальной безопасности, и в содержании этих документов. Китайская концепция национальной безопасности имеет общие черты с российской концепцией, а ее отличие от американской видится весьма существенным. Китайская концепция провозглашает сотрудничество и согласие между народами, избегает мыслить в терминах конкуренции и доминирования. Истоки этой специфики лежат в культуре коллективизма, которая является фундаментом китайской культурной идентичности.

Глава 2. Средства обеспечения национальной безопасности КНР: стратегическая мысль, стратегическая культура и культурная стратегия

2.1. Развитие стратегической мысли как средства обеспечения национальной безопасности

Практика обеспечения национальной безопасности исторически всегда была связана с использованием военных методов решения этой задачи. В связи с этим важным аспектом ее стало развитие особого «искусства войны» или стратегического искусства. В свою очередь практическая составляющая военного дела достаточно рано оказалось связанной с его теоретической составляющей. Китай является той страной, где развитие стратегической мысли продолжается уже более двух тысячелетий.

Существует множество дефиниций стратегии в Китае и за рубежом. В древнем Китае стратегию называли «谋 móu замысел», «猷 yóu план», «韬略 tāolüè тактика и стратегия», «方略 fānglüè стратегический план» или «兵略 bīnglüè военная стратегия». То есть современное слово «战略 zhànlüè стратегия» имеет долгую историю: «战 zhàn» относится к войне, а «略 lüè» к плану, замыслу, тактике. «Искусство войны» Сунь-Цзы³⁰³, написанное в период «Чуньцю» (VIII–V вв. до н. э.), считается самой ранней работой в истории Китая по общему стратегическому планированию. Также нельзя не отметить «Семикнижие воинского канона (武经七书 wǔjīng qīshū)», куда входят работы «Искусство войны» Сунь-цзы, «У-цзы», «Методы Сыма» (司马法 sīmǎ fǎ), «Вопросы и ответы танского Тай-цзуна и Ли Вэй-гуна», «Вэй Ляо-цзы», «Три стратегии Хуан Ши-гуна», «Шесть секретных учений Тай-гуна». Все это составило классику древнекитайской стратегической теории, раскрывающей общий закон конфликта и обсуждаемой многие теоретические принципы управления войной и победы над врагом³⁰⁴.

³⁰³ Сунь Цзы. Трактат о военном искусстве. – 124 с.

³⁰⁴ Sawyer R.D. The seven military classics of ancient China // NY: Basic Books. – 2007. – Pp. 14-18.

Термин «стратегия» впервые появился в Китае в книге «Стратегия (战略 zhànlüè)» (там также обсуждались политические, психологические, географические и метеорологические факторы войны, подготовка и использование боевых сил), написанной Сыма Бяо, историком династии Западная Цзинь (265—420 гг.), а позже термин часто встречался в официальной исторической хронике периода Троецарствия «三国志 sānguózhì», написанной автором Чэнь Шоу (233—297, историк династии Западная Цзинь). В китайской классической древности под «стратегией» понималось, прежде всего, искусство войны, позволяющее достигать цели в длительной военной кампании. У Сунь-цзы средствами для достижения этих целей считались планирование боевых действия с учетом знания местности, врага и своих возможностей, мобилизация, шпионаж, использование хитростей (стратагем), использование огневых средств поражения, быстрота действий, благодаря которой предполагалось минимальное причинение ущерба гражданскому населению, и т.д.³⁰⁵

Периоды Цинь (771 г. до н. э. – 221 г. до н. э.) и Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.) стали временем дальнейшего обогащения и развития древнекитайского стратегического искусства. В эпоху Цинь была реализована оборонительная стратегия военных и пограничных укреплений посредством Великой китайской стены³⁰⁶. Император У из династии Хань осуществил наступательную стратегию и политику «использования кавалерии», сосредоточив внимание на развитии кавалерийских групп, лобовых атак и фланговых обходов, для укрепления пограничной обороны. Военная книга «Три стратегии Хуан Ши-гуна (黄石公三略 Huáng Shí gōng sān lüè)» прояснила, как победить врага и завоевать³⁰⁷. В период Троецарствия (220-280 гг.)

³⁰⁵ 邓晓宝。强国之略：战略史鉴卷 // 北京：解放军出版社。– 2014。– 377 页。 [Дэн Сяобао. Стратегии сильной страны: работа об истории стратегии // Пекин: Издательство Народно-освободительной армии. – 2014. – 377 с.]

³⁰⁶ 张荫麟。中国史纲 // 中国友谊出版公司。– 2022。– 224 页。 [Чжан Иньлинь. Очерк китайской истории // Издательство «Китайская дружба». – 2022. – 224 с.]

³⁰⁷ 孙建民。黄石公三略新说：中国古代兵法经典鉴赏丛书 // 北京：解放军出版社。– 2011。– 261 页。 [Сунь Цзяньминь. Три стратегии Хуан Ши-гуна: серия признанных классиков древнекитайского военного искусства // Пекин: Издательство Народно-освободительной армии. – 2011. – 261 с.]

стратегия союзов использовалась наиболее блестяще. Например, «Восточная кампания Ву против Цао Вэя» инициированная императором-основателем царства Ву – Сунь Цюанем в 241 г., «Завоевание Шу царством Вэй» в 263 г. и т. д. Чжугэ Лян, китайский полководец и государственный деятель, подготовил «Лунчжунский ответ (隆中对 lóng zhōng duì)», что представляет собой модель предвидения ситуации противника и формулирования стратегии в соответствии с ситуацией³⁰⁸.

Во времена династий Суй (581–618 гг.) и Тан (618–907 гг.) военная стратегия проявлялась в политических делах. В знаменитом трактате «Вопросы танского Тай-цзуна и ответы Ли Вэй-гуна» разъясняются принципы использования войск для захвата инициативы, а также обсуждается ряд стратегических теоретических вопросов³⁰⁹. Династия Мин (1368–1644 гг.) реализовала оборонительную стратегию для контроля укреплений вдоль Великой китайской стены, используя точки для управления кавалерией, сочетая мобильность элитных войск с защитой города. На страницах книги «У Бэй Чжи» (составлена в 1621 г. Мао Юаньши, офицером морских войск, была исследована военная стратегия прошлых династий, что также является самым полным военным трудом в истории Китая с картографическими данными³¹⁰).

Несмотря на то, что искусство войны в духе Сунь-цзы продолжает сохранять свое значение по сей день, в развитии китайской стратегической мысли можно отметить некоторые перемены. Так, начиная с императора Канси (1654-1722 гг.) цель стратегии (искусства войны) стала пониматься не столько как нанесение поражения противнику, сколько как обеспечение выживания государства как политического института. Это было вызвано характером истории китайской государственности, повторяющимися периодами упадка и возрождения государственности в Китае. Длительность

³⁰⁸ Титаренко М.Л., Кобзев А.И., Лукьянов А.Е. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 томах. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – М.: Восточная литература. – 2009. – С. 939.

³⁰⁹ Sawyer R.D. The seven military classics of ancient China // NY: Basic Books. – 2007. – 568 p.

³¹⁰ 北斗北。中国武备志·典籍里的旗帜之美 // 中信出版集团出版。– 2021。– 236 页。 [Бэй Доубэй. Вооруженные силы Китая: красота флагов в классике // Издательство CITIC Publishing Group. – 2021. – 236 с.]

периодов правления первых трех императоров династии Цин позволила вывести стратегическую мысль в Китае на новый уровень, подтверждением чего стала политическая стабильность в Китае, сохранявшаяся вплоть до конца XVIII в. При этом в самом искусстве войны произошли значительные технические изменения — стало широко использоваться огнестрельное оружие (артиллерия и фитильные ружья)³¹¹.

В XIX в. стратегическая мысль в Китае пережила серьезные потрясения. Поражение Цинской империи в двух Опиумных войнах ввергло страну в полуколониальную зависимость от западных держав, а также продемонстрировало непригодность прежнего стратегического искусства. Стратегическая мысль Китая в лице конфуцианского ученого Вэй Юаня отреагировала на эти неудачи новым требованием «учиться у варваров их передовой технике, чтобы контролировать варваров». Следствием этого стало появление с середины XIX в. в Китае сторонников умеренной модернизации. К концу XIX в. были предприняты первые шаги по внедрению западных военных технологий и созданию армии нового типа. Однако из-за коррупции и общей экономической отсталости добиться существенных успехов в развитии стратегического искусства империя Цин не сумела.

Работы «Новая книга китайских и западных вооруженных сил» и «Право войны», изданные в конце династии Цин, представляют собой монографии по стратегической теории, отражающие особенности китайской и западной интерпретаций в стратегии³¹².

Падение Цинской империи и рождение республики вызвало перемены в стратегическом мышлении. Предложенная лидером Гоминьдана Сунь Ятсеном теория «трех народных принципов» (национализм, народовластие, народное благосостояние) вывела в центр китайской общественно-политической мысли вопрос о национальном суверенитете, национальном благополучии и,

³¹¹ 105. 肖贵清。中国战略 // 沈阳: 辽宁人民出版社。— 2019。— 219 页。 [Сяо Гуйцин. Стратегия Китая // Шэньян: Народное издательство Ляонин。— 2019。— 219 с.]

³¹² 钱穆。国史大纲 // 商务印书馆。— 2010。— 946 页。 [Цянь Му. Очерк национальной истории // Коммерческая пресса。— 2010。— 946 с.]

потенциально, о национальной безопасности. Преемник Сунь Ятсена в партии Гоминьдан Чан Кайши и его оппонент, лидер КПК, Мао Цзэдун обратились к тому, чтобы связать стратегическое мышление с проблематикой национальных интересов. В годы гражданской войны между Гоминьданом и КПК (1927–1936) стратегическое мышление в Китае вышло на новый уровень.

В ходе многолетней революционной войны Коммунистическая партия Китая и народно-освободительная армия постоянно обобщали этот богатый практический опыт, интегрировали стратегические идеи со всего мира и постепенно формировали стратегическую теорию, представленную военной мыслью Мао Цзэдуна, отражавшую законы революционной войны Китая.³¹³ В работе 1936 г. «Стратегические вопросы революционной войны в Китае»³¹⁴ Мао Цзэдун выступил как теоретик войны нового типа — «революционной войны». Ее особенностью стало чередование видов боевых действий — «карательных походов» и «противокарательных операций», «стратегического наступления» и «стратегического контрнаступления», «маневренность»³¹⁵ и т.д. Стратегия Мао была использована и в ходе японо-китайской войны (1937–1945), отличительной чертой которой стало преобладание партизанских действий. Данная стратегия нашла свое применение и после 1945 г. — в новой войне КПК с Гоминьданом, в Корее, Вьетнаме и на других театрах военных действий.

Сопrotивление японской агрессии предопределило содержание таких важных трудов Мао Цзэдуна как «Стратегические вопросы антияпонской партизанской войны», «О затяжной войне» и «Война и стратегические вопросы», в которых систематически обсуждался ряд стратегических вопросов, характеристики, тенденции развития, цели войны, стратегические

³¹³ 彭光谦。中国军事战略问题研究 // 北京：解放军出版社。— 2006。— 368 页。 [Пэн Гуанцянъ. Исследования военно-стратегических проблем Китая // Пекин: Издательство Народно-освободительной армии. — 2006. — 368 с.]

³¹⁴ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 1. — М.: Издательство иностранной литературы. — 1952. — С. 305-430.

³¹⁵ 王建国。关于《中国革命战争的战略问题》的几个问题 // 中国共产党新闻。— 2015。 [Ван Цзяньго. Несколько вопросов о «Стратегических проблемах революционной войны Китая» // Коммунистическая партия Китая. — 2015.] URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0824/c69120-27507809.html> (дата обращения: 17.01.2023)

принципы и этапы, боевые формы, принципы стратегического командования, партизанская война³¹⁶. В ходе Освободительной войны Коммунистическая партия Китая сформулировала стратегическую политику, направленную на уничтожение жизненно важных сил гоминьдановской армии, а не на сохранение и захват территорий, а также боевой принцип концентрации превосходящих сил и уничтожения противника один за другим, реализуя стратегический переход от антияпонской партизанской войны к регулярной войне против внутренних оппонентов. В этот период Мао Цзэдун написал трактаты «Положение после победы в войне с Японией и наша политика», «Сосредоточение превосходящих сил и уничтожение врагов в одиночку», «Современное положение и наши задачи», «Доведение революции до конца» и другие³¹⁷, в которых всесторонне разъяснялись особенности и закономерности Освободительной войны, выдвигались актуальная стратегическая политика и десять принципов войны на уничтожение, что значительно обогатило стратегическую теорию войны за независимость Китая.

В период социалистического строительства стратегическая теория Мао Цзэдуна была положена в основу государственной политики по защите национального суверенитета Китая. При этом китайские власти много делали для того, чтобы укрепить свои вооруженные силы. В 1960-е гг. для обеспечения обороноспособности страны в Китае впервые стало использоваться ядерное оружие и ракетная техника.

Руководствуясь стратегической политикой активной обороны, Китай сосредоточил усилия на модернизации армии и флота³¹⁸. КНР выступила за полный запрет и уничтожение ядерного оружия, настаивала на противодействии гонке ядерных вооружений.

³¹⁶ 李际均。军事战略思维。—北京：军事科学出版社，1998。—371页。[Ли Цицзюнь。Военно-стратегическое мышление。—Пекин：Военно-научная пресса。—1998。—371 с.]

³¹⁷ 李际均。论战略。—北京：解放军出版社，2002年。—375页。[Ли Цицзюнь。О стратегии。—Пекин：Издательство Народно-освободительной армии。—2002。—375 с.]

³¹⁸ 彭光谦。中国军事战略问题研究 // 北京：解放军出版社。—2006。—368页。[Пэн Гуанцянь。Исследования военно-стратегических проблем Китая // Пекин：Издательство Народно-освободительной армии。—2006。—368 с.]

Вместе с тем в отличие от СССР и США Китай не смог нарастить количество ядерных боеголовок и средств их доставки в таком количестве, чтобы эти вооружения смогли превратиться в решающий фактор его военной стратегии. Заявления Мао о готовности Китая использовать ядерное оружие против США не были подкреплены реальным положением дел. Когда в начале 1970-х гг. Китай переориентировал свою внешнюю политику на сотрудничество с США, место главного противника КНР занял Советский Союз. Между тем неудача в военном конфликте с Вьетнамом 1979 г. показала слабость Китая в военном отношении. Стратегическая теория, используемая в КНР со времен Мао, во многом себя исчерпала, и возникла необходимость в ее обновлении. Ставший во главе КНР в конце 1970-х гг. Дэн Сяопин предложил перейти «путь строительства мирного времени». Китайское руководство сделало акцент на экономическом развитии страны.

Очередной этап развития стратегической мысли в КНР совпал с началом периода модернизации (после 1978 г.). Начавшийся в 1980-е гг. в Китае экономический рост позволил ее военно-политическому руководству задуматься об укреплении вооруженных сил. Дэн Сяопин выдвинул ряд новых инициатив и принципов, продолжая декларировать стратегическую политику приверженности к активной обороне³¹⁹. Предлагалось подчинить военные технологии общему положению народно-хозяйственного строительства, подчеркивая, что наука и техника должны быть тесно связаны с оборонным обеспечением страны, чтобы повысить боевую эффективность, сосредоточив внимание на качественном строительстве, упорядочении вооруженных сил и повышении боеспособности.

На рубеже XX и XXI вв. Китай приступил к наращиванию своего ракетно-ядерного потенциала, поставив своей целью к 2030 г. обогнать США

³¹⁹ 张伊宁。中国现代军事思想研究 // 北京：国防大学出版社。— 2006。— 676 页。 [Чжан Инин. Исследование современной китайской военной мысли // Пекин: Издательство Национального университета обороны。— 2006。— 676 с.]

по количеству ядерных боеголовок. При Си Цзиньпине была начата полномасштабная модернизация армии, целью которой стало превращение Китая в сильнейшую военную державу. При этом наращивание стратегических наступательных вооружений, позволяющих достигнуть гарантированного уничтожения стратегического противника, но при этом оказаться в ситуации, когда и собственная страна может быть уничтожена, подтолкнуло стратегов из НОАК всерьез задаться вопросом о том, как можно обеспечить национальную безопасность иными средствами.

С 1990-х г. до начала XXI в. Цзян Цзэминь предлагал новые решения в вопросах национальной обороны и армии. Подчеркивал, что военные должны решительно проводить стратегическую политику активной обороны, охранять территорию, воздушное пространство, обеспечивать безопасную и стабильную внутреннюю и внешнюю среду для национального экономического строительства, реформ и открытости³²⁰. После XVI съезда Коммунистической партии Китая Ху Цзиньтао³²¹ разработал стратегические планы по вопросам национальной обороны и строительства армии. После XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин³²² выступил с рядом важных докладов об общем положении в области военного руководства, строительства и использования вооруженных сил. В новых исторических условиях при значительном повышении национальной мощи Китая, высокой конкурентоспособности и возможности противостоять рискам, его международный статус и влияние значительно возросли, а пространство для стратегического маневра продолжает расширяться, создавая благоприятные внешние условия для развития страны, однако реальные

³²⁰ 钱穆。国史大纲 // 商务印书馆。– 2010。– 946 页。 [Цянь Му. Очерк национальной истории // Коммерческая пресса。– 2010。– 946 с.]

³²¹ 江泽民在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 8 января 2002.] URL: https://www.gov.cn/test/2008-08/01/content_1061490.htm (дата обращения: 11.08.2023)

³²² 中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 8 сентября 2012.] URL: https://www.moa.gov.cn/ztl/sbdhd/zyjs/201211/t20121127_3074189.htm (дата обращения: 18.09.2023)

вызовы и потенциальные угрозы, влияющие на безопасность и развитие Китая, по-прежнему очень серьезны.

Стратегия Китая в новую эпоху состоит в адаптации к новым изменениям в области национальной безопасности. Здесь стоит обратить внимание на то, что в современном мире только военная составляющая не гарантирует абсолютную безопасность. Проблема обеспечения безопасности зависит от совокупности факторов и носит комплексный характер.

Исследования современной стратегической теории Китая и ее системы широко обсуждались и развивались с середины 1980-х гг. В «Большой китайской энциклопедии. Военное дело»³²³ специально был создан подраздел «Война и стратегия». Стратегия там обозначена как категория специализированных знаний по вопросам безопасности и национальной обороны. Опубликовано большое количество научных трудов, посвященных изучению стратегической теории: «Современные мировые вооруженные силы и национальная оборона Китая», «Курс военной стратегии», «Военно-стратегическое мышление», «Введение в военную стратегию», «Теория Мао Цзэдуна о военной стратегии», «Стратегическая мысль Дэн Сяопина», «Военные и стратегические вопросы», «Введение в развитие национальной обороны» и др.³²⁴ В XXI в. с развитием высоких технологий, особенно информационных, стратегическая теория сталкивается с новыми проблемами и приобретает много новых черт. Суть нынешнего века заключается в тесном сочетании преимуществ информационных технологий с передовыми военными идеями. Развитие стратегии должно в полной мере отражать требования информационной среды. Содержание и масштабы данной области также претерпели изменения. Новая военная революция, основанная на информатизации, сыграла важную роль в развитии стратегической теории, а информационная подготовка войны стала неотъемлемым условием успешного

³²³ Большая китайская энциклопедия. Том 3. Военное дело. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс». – 2021. – 933 с.

³²⁴ 肖贵清。中国战略//沈阳:辽宁人民出版社。–2019。–219页。[Сяо Гуйцин. Стратегия Китая// Шэньян: Народное издательство Ляонин. – 2019. – 219 с.]

выполнения целей³²⁵. По мере того, как человечество вступает в эпоху кибертехнологий, информационные технологии становятся важным стратегическим ресурсом, опорной отраслью страны, а информационная и культурная безопасность – элементами (в перспективе – одними из ключевых) национальной безопасности. Все страны признают важность культуры со стратегической точки зрения, принимают практические меры по обеспечению культурной безопасности, стремятся исследовать стратегические теории, отвечающие требованиям информационной эпохи³²⁶.

На Западе само слово «стратегия» происходит от древнегреческого «strategos», которое является сочетанием двух слов – «stratos» (армия, ведущая боевые действия) и «agein» (руководство), т.е. это военный термин, относящийся к стратегии военных генералов, командующих войсками в бою³²⁷.

Приход к власти Си Цзиньпина (2012-2013 гг.) – период инноваций и фундаментальной трансформации многих стратегических теорий. С появлением высокотехнологичного оснащения, развитием информационных войн, современная война переходит из эпохи механизации в эпоху информатизации. После Второй мировой войны на фоне американо-советского противостояния времен холодной войны в течение почти полувека один за другим продолжались региональные конфликты, такие как война в Корее, во Вьетнаме, Ирано-иракская война и т.д. Быстрое развитие ядерных технологий способствовало инновациям в военных концепциях, стилях ведения войны и стратегических теориях.

Теории победы с использованием ядерного оружия и ядерного сдерживания стали основой стратегий США, СССР и других ядерных стран. Последовательно возникали стратегии «сдерживания», «стратегии гибкого реагирования», «стратегии постепенной эскалации», «ракетно-ядерная

³²⁵ 张一飞。中国战略文化中的“战”与“和”：“自修”文化的两种战略选项 // 北京：中国社会科学出版社。– 2020。– 177 页。[Чжан Ифэй. «Война» и «гармония» в стратегической культуре Китая: два стратегических варианта культуры «самосовершенствования» // Пекин: China Social Sciences Press. – 2020. – 177 с.]

³²⁶ 李际均。中国军事战略思维论。– 北京：北京人民出版社，2017 年。– 488 页。[Ли Цицизюнь. Теория китайского военно-стратегического мышления. – Пекин: Народное издательство Пекина. – 2017. – 488 с.]

³²⁷ Machiavelli N. Art of war / translated by C. Lynch // University of Chicago Press. – 2009. – 312 p.

стратегия» и другие. К авторитетным современным трудам, включающим вероятность ядерной угрозы, относят «Ядерное оружие и внешняя политика» американского государственного деятеля, дипломата и эксперта в области международных отношений Г. Киссинджера³²⁸, «Стратегия в ракетный век» американского военного стратега Б. Броуди³²⁹ (заложил основы ядерной стратегии), «Военная стратегия» советского военачальника В.Д. Соколовского³³⁰, «Большая стратегия» американского политического деятеля Дж.М. Коллинза. Последний определяет «большую стратегию» как «науку и искусство использования элементов национальной мощи при любых обстоятельствах с тем, чтобы осуществлять в нужной степени и в желательном виде воздействие на противную сторону путем угроз, силы, косвенного давления, дипломатии, хитрости и других возможных способов и этим обеспечить интересы и цели национальной безопасности»³³¹.

С конца 1950-х гг., с развитием аэрокосмической техники появилась конфронтация и конкуренция между США и Советским Союзом, сосредоточенных на разработке космического оружия и стратегии, ориентированной на установление космического превосходства и осуществление контроля над космосом. Ориентация на решение своих целей посредством локальных войн и военных конфликтов стала основным содержанием стратегического планирования многих стран мира. После 1990-х годов с окончанием холодной войны в международных отношениях продолжалось конфликтное решение многих проблем: последовательно вспыхивали войны в Персидском заливе, в Косово, в Афганистане, в Ираке, которые оказали глубокое влияние на мировую политику, экономику и военное дело. Обстановка на поле боя и средства ведения войны претерпели глубокие изменения и становились все более технологичными.

³²⁸ Kissinger H. Nuclear weapons and foreign policy // W.W. Norton and Company. – 1969. – 276 p.

³²⁹ Brodie B. Strategy in the missile age // RAND Corporation. – 2007. – 440 p.

³³⁰ Соколовский В.Д. Военная стратегия / под ред. В.Д. Соколовского. – М.: Воениздат. – 1962. – 458 с.

³³¹ Коллинз Дж. М. Большая стратегия: Принципы и практика / Перевод с англ. – М.: Прогресс. – 1975. – 387 с.

В словаре военных и связанных с ними терминов Министерства обороны США, обнародованном Объединенным комитетом начальников штабов США в 1974 г., указывалось, что: «Стратегия это – разумная идея или набор идей для синхронного и интегрированного использования инструментов национальной власти для достижения национальных и/или многонациональных целей»³³². Вышеупомянутые типы определений представляют собой различное понимание концепции стратегии, но их объединяет то, что все они относятся к общей стратегии планирования и руководства подготовкой и ведением войны, а также создания и использования вооруженных сил с армией в качестве основного рычага воздействия.

Крупные страны мира обычно проводят стратегические корректировки, чтобы искать новые преимущества. Руководство США предлагают стратегию «превентивного удара», заменяя «приграничное присутствие» на «приграничное развертывание», учитывая глобальную ситуацию, сместить стратегический центр тяжести на Восток с целью закрепления своих военных преимуществ и обеспечения их лидирующих позиций в будущем. Россия корректирует свою стратегию ядерного сдерживания, развивает множественные возможности и повышает общий уровень своих ядерных сил, делает упор на проведение совместных операций и информационного противоборства, укрепляет возможности воздушно-космической обороны и борьбы с терроризмом. Великобритания, Франция, Германия и другие европейские страны не менее активно составляют планы по разработке систем стратегического оружия, отвечающих требованиям новой военной революции, в которых преобладают информационные технологии. Стратегия «исключительной обороны» Японии изменилась, и ее военная функция силы также поменялась с «обращенной внутрь» для защиты своих ресурсов на «обращенной вовне» для внешнего вмешательства. Индия предлагает стратегию ядерного сдерживания и рассматривает создание современного

³³² DOD dictionary of military and associated terms // Federation of American Scientists. – 2021. URL: <https://irp.fas.org/doddir/dod/dictionary.pdf> (дата обращения: 11.11.2023)

океанского ударного флота как основной способ реализации «Стратегии контроля над Индийским океаном». Во многих странах мира ведутся активные исследования новых стратегических теорий, которые, исходя из особенностей современных войн, кампаний и сражений в условиях информатизации, делают упор на сочетание принятия стратегических решений, командования кампаниями и тактическими действиями, формируют стратегическое мышление для борьбы за обладание информацией. Так, выделяют боевые теории «быстрого реагирования», «дальней атаки», «точечного удара»³³³.

Акцент на силе и построении армии является чрезвычайно важной частью военной стратегии западных стран во главе с США. Военная мощь является основой для правительства США в проведении силовой дипломатии и политики. Следовательно, оборонная политика сменяющих друг друга правительств США должна поддерживать огромные военные расходы, чтобы сохранить статус великой державы. Соединенные Штаты считают, что какой бы могущественной ни была их политическая и экономическая мощь, ее нельзя использовать немедленно и напрямую в международных конфликтах, а следует опираться на военную силу с высокой мобильностью³³⁴. Общее направление всегда было очень четким: постоянно разрабатывать новое оружие и технику, улучшать организационную структуру вооруженных сил, превосходящих своих противников с точки зрения технического оснащения и организации, чтобы сохранить свое доминирующее положение в обозримой перспективе.

Таким образом, понятие «стратегия» в Китае и на Западе возникает из практики войны и национальной обороны. По разным классификационным признакам стратегию можно разделить на различные типы. В соответствии с историческим периодом – на древнюю и современную; в зависимости от охватываемой территории – на масштабную, локальную и ограниченную; в

³³³ Brodie B. Strategy in the missile age // RAND Corporation. – 2007. – 440 p.

³³⁴ Белозеров В. К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. – 2015. № 4. С. 19–24.

зависимости от масштаба войны – на глобальную, национальную и стратегию театра военных действий; в зависимости от интенсивности войны – на высокую, среднюю и низкую интенсивность; в зависимости от продолжительности – на стратегии быстрого принятия решений и долгосрочную стратегию и т.д.³³⁵

После 1980-х годов, стратегические теории значительно трансформировались. Понятие «стратегия» расширилось за пределы военной области и было заимствовано многими другими сферами, такими как политическая, дипломатическая, культурная и экономическая.

Стратегия — это политический выбор, который включает борьбу за коренные интересы противоборствующих наций, стран, или политических групп. В условиях информационных войн стратегическое противостояние в большей степени характеризуется сочетанием противостояния с политической, экономической, дипломатической, технологической и культурной борьбой. Возникновение и развитие стратегий основаны на определенных объективных материальных условиях, всегда находятся под влиянием методов общественного производства и исторических условий, ограничиваются факторами национальных интересов, политики, экономики, науки и техники, культуры и географии³³⁶. В определенной степени стратегия отражает традиционные концепции, сформированные различными национальными особенностями и культурным фоном, и представляет собой уникальный способ стратегического мышления. Стратегическая культурная традиция имеет сознательное комплексное влияние на актуальную стратегию, что в основном проявляется в осмыслении обстановки, определении цели, выборе средств и стилей ведения войны³³⁷.

³³⁵ 沈夏珠。中国道路: 历史、理论与战略 // 上海: 上海人民出版社。 – 2019。 – 433 页。 [Шэнь Сячжу. Путь Китая: история, теория и стратегия // Шанхай: Шанхайское народное издательство。 – 2019。 – С. 402-405.]

³³⁶ Виноградов А.О. Асимметричный ответ, или Стратегия Китая в глобальном мире // Философские науки。 – 2015. № 1。 – С. 116-134.

³³⁷ 王佐书。中国文化战略与安全研究 // 北京: 人民出版社。 – 2006。 – 274 页。 [Ван Цзошу. Исследование стратегий и безопасности в сфере культуры Китая // Пекин: Народное издательство。 – 2006。 – С. 167-169.]

Существует разница в стратегических теориях и практике между Китаем и Западом. Она хорошо отражена в шахматных играх, популярных в двух цивилизациях. Самые старые шахматы в Китае – Го. Шахматы в западной традиции являются древними предками индийской игры чатуранга, которая попала в Европу через Персию. Посредством этого перекачивания и изменения самой игры, распространение современных шахмат в Европе впервые было замечено в Испании. К середине XIII в. данная игра стала одной из самых популярных в западном полушарии.

Цель китайских шахмат – одержать полную победу посредством стратегического окружения, а цель западных – поставить мат противнику. Если шахматы — это решающая битва, то Го — затяжная игра. Цель шахматистов — выигрывать по-крупному, а цель игроков в Го — накапливать маленькие победы. Играя в шахматы, сила обеих сторон на шахматной доске очевидна с первого взгляда – все фигуры расставлены на шахматной доске. Игрокам в Го нужно не только рассчитывать фигуры на доске, но и принимать во внимание обратный импульс противника. Игра в шахматы позволяет людям понять концепции «центра тяжести» и «ключевой точки», а играя в Го, они учатся искусству «стратегического окружения». Мастера шахмат стремятся захватить фигуры противника в серии встреч один на один, в то время как мастера Го занимают «пустоты» на доске, постепенно подрывая стратегический потенциал фигур противника. Шахматы подразумевают целенаправленность, а Го – стратегическую гибкость.

Точно так же и уникальная военная теория Китая сильно отличается от западной. Она возникла в период Чуныцю (VIII – V века до н. э.), когда страна переживала хаос и раздробленность. Перед лицом жестоких войн (в том числе для того, чтобы побеждать в войнах) китайские мыслители выдвинули стратегическое мышление, подчеркнув, что победа основана на избегании прямого боя. Самая известная фигура, представляющая эту традицию – китайский стратег и мыслитель Сунь У (уважительно «Сунь-Цзы»), автор знаменитого трактата о военной стратегии «Искусство войны Сунь-Цзы».

«Искусство войны Сунь-Цзы» издается уже более 2000 лет. Эта книга содержит в себе глубокое понимание стратегии, дипломатии и войны, что до сих пор признается авторитетной классикой военной мысли, к принципам которой, что показательно, прибегали и во время гражданской войны в Китае в XX веке. Во время войны во Вьетнаме Хо Ши Мин применил принципы Сунь-Цзы «обходного пути» и «психологической войны» против Франции и Соединенных Штатов. Даже сегодня идеи Сунь-Цзы не считаются устаревшими.

Сунь-Цзы изучал, как добиться политического и психологического превосходства, чтобы обеспечить победу. Точно так же, как западные стратеги проверяли свои теории, побеждая в битвах, Сунь-Цзы проверял свои теории, побеждая без боя: «лучшая победа та, что одержана без боя»³³⁸.

Согласно Сунь-Цзы, победа — это не только победа армии в битве, но и достижение целей, поставленных перед началом войны. Лучшая стратегия — не безрассудно сражаться с врагом на поле боя, а сломить его боевой дух или мобилизовать врага, чтобы поставить его в невыгодное положение³³⁹. Идеальная ситуация состоит в том, что у командира есть абсолютное превосходство, так что сражения можно вообще избежать.

Возможно, наиболее важное понимание Сунь-Цзы заключается в том, что в военном или стратегическом состязании взаимодействуют все факторы: климат, местность, дипломатия, разведка, снабжение и логистика, баланс сил, взгляд на историю и нематериальные факторы, такие как неожиданность и боевой дух. Независимо от того, какой фактор задействован, он повлияет на все, вызывая изменения в военной ситуации и относительные преимущества.

Поэтому задача стратега состоит не в том, чтобы анализировать конкретную ситуацию, а в том, чтобы понять связь между этой ситуацией и внешними условиями, в которых она сформировалась. Никакое положение не

³³⁸ 孙武。孙子兵法 // 北京：军事科学出版社。— 1993。— 125 页。 [Сунь У. Искусство войны Сунь Цзы // Пекин: Военно-научная пресса. — 1993. — 125 с.]

³³⁹ Сунь Цзы. Трактат о военном искусстве [пер. с китайского Е.И. Сидоренко]. — М: Воениздат Министерства обороны СССР. — 1955. — С. 80

является статичным. Все явления временны и постоянно меняются. Стратеги должны видеть, куда идут изменения, и использовать их в своих интересах. Сунь-Цзы использовал слово «П shì», чтобы выразить это свойство, но на Западе нет подобного понятия. В «Искусстве войны Сунь-Цзы» «П shì» относится к постоянному изменению силы и общей тенденции.

Стратег, который умело использует ситуацию, подобен воде, стекающей по склону холма, без каких-либо усилий находит самый быстрый и легкий путь³⁴⁰. Успешный командир терпеливо выжидает, а не бросается в бой, чтобы не оказаться на острие врага. Он внимательно наблюдает за изменениями в стратегической ситуации, изучает подготовку и боевой дух противника, накапливает собственные силы и использует психологические слабости другой стороны до тех пор, пока не появится благоприятная возможность атаковать слабые звенья врага. «Искусство войны» не о том, как завоевать территорию, а о том, как психологически сокрушить противника³⁴¹.

Как правило, китайские политики рассматривают стратегическую ситуацию как часть более широкой картины: добро и зло, близкое и далекое, сильное и слабое, прошлое и будущее. Западные идеологи считают, что история — это процесс перманентной модернизации и преодоления зла и отсталости³⁴². Китайский взгляд на историю подчеркивает цикл упадка и возрождения. В этом процессе люди могут понять природу и мир, но они не в состоянии полностью доминировать над ним. Лучший результат — интеграция. Стратегия и искусство управления государством стали средствами взаимной борьбы и выживания с противником, цель которых состоит в том, чтобы превратить сильного врага в слабого и в то же время укрепить свою сторону или стратегическую позицию.

³⁴⁰ Сунь-цзы. У-цзы. Искусство стратегии / Перевод с китайского, предисловие и комментарии Н.И. Конрада. – М.: Эксмо. – СПб.: Мидгард. – 2008. – С. 324.

³⁴¹ Сунь Цзы. Трактат о военном искусстве [пер. с китайского Е.И. Сидоренко]. – М: Воениздат Министерства обороны СССР. – 1955. – С. 26

³⁴² Пирумов В.С. Стратегия выживания социума: Систем. подход в исслед. проблем геополитики и безопасности / В. С. Пирумов; Рос. акад. наук, Акад. проблем геополитики и безопасности. – М.: Дружба народов. – 2003. – 538 с.

Конечно, хотя победа по стратегии и является идеальным результатом, добиться ее непросто. С древних времен и до наших дней самая жестокая война в Китае проистекала из краха внутренней системы, другими словами, на ней отразилась внутренняя перестройка страны. Для Китая внутренняя стабильность так же важна, как и защита от надвигающейся внешней агрессии.

С наступлением XXI века произошли серьезные изменения в международной обстановке и стратегическом устройстве мира, наметилась тенденция политической многополярности и экономической глобализации. Крупные страны мира вносят стратегические коррективы, исследуют и формулируют стратегии для адаптации к новой ситуации в мире, стремясь получить больше влияния на международной арене, улучшить свой внешнеполитический статус, создать и поддерживать благоприятную среду. Горячие точки и противоречия в некоторых частях выступают на первый план, международный терроризм стал новой угрозой, а локальные войны и вооруженные конфликты будут в центре внимания стратегического планирования. Развитие и изменения международных политических, экономических и военных структур являются основной для разработки стратегий и важными факторами, влияющими на стратегическую трансформацию. Будущие войны будут более строго ограничены политическими, экономическими, технологическими, культурными и географическими факторами. Развитие современной стратегической теории все больше ограничивается уровнем развития науки и техники. Практика информационных войн ускоряет их проверку и разработку, методы и средства стратегических исследований продолжают расширяться, а также приобретают междисциплинарный характер. Ключевой темой стратегических исследований станет освоение и максимальное использование достижений информационных технологий.

Сегодня, когда стали понятны фатальные последствия использования ядерного оружия, китайские стратеги при планировании вероятных военных конфликтов склоняются к тому, чтобы учитывать все виды ресурсов для

достижения победы и защиты национального суверенитета — военные, экономические, политические, дипломатические. Новым явлением в развитии китайской стратегической теории стало широкое использование цифровых технологий и осознание необходимости использования невоенных средств. При этом стратегическая теория поднялась на такую высоту, что стала определять внешнюю политику государства. Признание китайскими стратегами очевидных трудностей в возможном противостоянии с США в предполагаемом военном конфликте в очередной раз привело к изменению внешнеполитического курса КНР — стремительному сближению с Российской Федерацией во втором десятилетии XXI в.

2.2. Понятие стратегической культуры как отражение нового этапа развития стратегической мысли

Стремительное развитие ракетно-ядерного оружия и превращение его в главное средство нанесения поражения противнику поставило перед военными теоретиками целый ряд сложных вопросов, касающихся того, каким образом избежать фатальных последствий его применения для собственной страны. Почти с самого момента появления современных ракетно-ядерных вооружений стало ясно, что возможности их применения хотя и существуют, но они весьма ограничены. По этой причине ракетно-ядерное оружие превратилось прежде всего в главный фактор сдерживания своих противников. Вместе с тем его наличие не отменило самих возможностей ведения войны с помощью конвенционального оружия. Для военных стратегов Китая наличие ракетно-ядерного оружия поставило на повестку дня те же вопросы, что и для военных теоретиков других стран, обладающих ядерным потенциалом.

Фактор ракетно-ядерного оружия вызвал к жизни и другие вопросы, касающиеся того, как возможно ведение конвенциональных войн в условиях, когда противник может использовать любые иные средства сдерживания или нанесения существенного ущерба. Совершенно по-новому зазвучали и старые вопросы из трактата об искусстве войны Сунь-цзы: что мы знаем о своем

противнике? Что мы знаем о самих себе? В попытке найти ответы на эти вопросы военные стратеги и специалисты по стратегическому мышлению в 1970-е и 1980-е гг. усиленно начали изучать военные традиции и культуру своих потенциальных противников и свою собственную. Следствием этого стало появление понятия «стратегической культура».

В китайской истории культура изначально относится к общему термину «用文化 yǐ wén jiàohuà» и «用文化 yǐ wén huàchéng», то есть «используя культуру образовывать и преобразовать» и «посредством культуры изменить и придать окончательную форму». Буквально слово «用 wénhuà культура» должно быть глаголом, а слово «用 yǐ превратиться в/посредством/благодаря» воплощает в себе процесс поведения. «用 wén» имеет значение знаки, письмена³⁴³.

Можно сказать, что культура – это визитная карточка, удостоверение личности и идентификационный код нации. «Культурное самосознание», «культурная уверенность в себе», «культурное самосовершенствование», «культурная основа», «культурное омоложение» и «культурная сила» постепенно стали обычными выражениями в сегодняшней социальной жизни в Китае³⁴⁴. В современном обществе функция культуры становится все более заметной, а стратегическое положение культуры все более важным³⁴⁵.

В процессе социальной эволюции люди обнаруживают, что одни модели поведения и ценности приемлемы, а другие неприемлемы или даже деструктивны. Со временем это поведение и ценности институционализируются и включаются в культурные традиции³⁴⁶. Люди усваивают эти институционализованные феномены, часто забывая об их происхождении. Например, рукопожатие, привычный способ приветствия во

³⁴³ Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности. – М.: Восточная литература. – 2010. – 479 с.

³⁴⁴ 于丽。为构建中国特色哲学社会科学作出更大贡献 // 人民网。– 2022。[Ю Ли. Внести большой вклад в развитие философии и социальных наук с китайской спецификой // People's Daily Online. – 2022.] URL: <http://theory.people.com.cn/GB/n1/2022/1114/c40531-32565522.html> (дата обращения: 13.08.2024)

³⁴⁵ 陈登原。中国文化史 // 商务印书馆。– 2017。– 972 页。[Чэнь Дэньюань. История китайской культуры // Коммерческая пресса. – 2017. – С. 834.]

³⁴⁶ 王能宪。文化建设论 // 人民出版社。– 2006。– 第 123 页。[Ван Нэнсянь. Теория культурного строительства // Народное издательство. – 2006. – С. 123.]

многих западных странах, возможно произошло из особенностей древности: незнакомцы крепко держали друг друга за руки, сжимая оружие, что не только выражало дружественное намерение, но и предотвращало нападение друг на друга. Необходимость этого жеста позволила институционализировать его как социальную традицию³⁴⁷.

Сейчас, по прошествии тысячелетий, изначальный смысл рукопожатия утерян, но оно все еще существует как ценный обычай. Точно так же в культурном поведении и традициях любого общества сохраняется множество таких примеров, которые утратили свое первоначальное значение и существуют только как паттерн с символическим значением. Когда поведение становится ценным обычаем, оно превращается в культурную бессознательность. Очевидно, культура влияет на наше поведение, причем она встраивается в повседневную жизнь естественно и незаметно³⁴⁸. Что делает культуру такой могущественной – так это ее бессознательность.

На современном этапе китайская культура не подпадает под привычные стандарты традиционной культуры. Новый этап осмысления китайцами собственной культуры заключается в постепенной трансформации. Символом перехода к новому осмыслению выступает книга тайваньского историка Бо Яна «Омерзительные китайцы», где собраны десятки эссе автора, основным содержанием которых является критика китайского народа, находящегося в плену консервативных идей. Он говорит о различных недостатках традиционной культуры, указывая на то, что «китайская традиционная культура страдает от болезни, которая всегда будет заражать будущее, и не поддается лечению»³⁴⁹. То есть, новый этап переосмысления традиции характеризуется отрицанием собственной культуры и поиском новой.

³⁴⁷ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Язык мимики и жестов. – М., 1998. – 216 с.

³⁴⁸ 赵集成。公共外交与跨文化交流 // 中国人民大学出版社。– 2011。– 第 158 页。[Чжао Цзичэн. Публичная дипломатия и межкультурная коммуникация // Издательство Китайского университета Жэньминь. – 2011. – С. 158.]

³⁴⁹ 柏杨。丑陋的中国人 // 人民文学出版社。– 2008。– 250 页。[Бо Ян. Омерзительные китайцы // Издательство «Народная литература». – 2008. – 250 с.]

Сейчас наблюдается возвращение традиционной культуры, но уже в новом качестве. Уникальность этих изменений состоит в том, что она трансформируется, отражая изменения в глобальном контексте, меняет методы работы, становясь привлекательнее для внешнего мира. Китай делает попытки указать на глобальный статус китайской культуры, которая более «экологична» по сравнению с западной, основанной на идее жесткого доминирования.

Если давать общее определение стратегической культуре, то под ней подразумевается стратегическое мышление и теория, сформированные на основе определенных исторических и национальных культурных традиций и обычаев, и позволяющие стратегическими действиями влиять на идеологические тенденции. Это и философское мышление, и социальные концепции, отражающиеся в стратегических принципах и решениях нации или страны. Она имеет атрибуты в виде идеологии, исторического наследия, государственного устройства и региональных особенностей³⁵⁰. Стратегическая культура относится к стабильным ценностям и моделям мышления, скрытым за стратегическим мышлением, принятием стратегических решений³⁵¹. Это концентрированное отражение исторического опыта, национальных особенностей, ценностных ориентаций и психологии нации и цивилизации в стратегической сфере. Стратегия страны не только отражает ее реальные потребности здесь и сейчас, но и уходит корнями в историческую и ранее сформированную стратегическую культурную традицию³⁵². Различия в жизненной среде и историческом развитии стран и народностей определяют несоответствия в их социальных и культурно-психологических структурах, которые также влияют на характеристики стратегической культуры.

³⁵⁰ Кобзев А.И. Категория и основные понятия китайской философии и культуры // Народы Азии и Африки. – М.: Восточная литература. – 2006. № 3. – С. 66-81.

³⁵¹ 徐根初. 中华战略文化的传承与发展 // 北京: 时事出版社. – 2008. – 287 页. [Сюй Гэньчу. Наследие и развитие стратегической культуры Китая // Пекин: Current Issues Press. – 2008. – 287 с.]

³⁵² Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей / Я.М. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. №1. – С.34-51.

Стратегическая культура каждого государства и нации имеет присущие ей особенности традиционной культуры³⁵³. Это лежащий в основе сознания историко-культурный комплекс для выработки реалистичных стратегий³⁵⁴. Стратегическое мышление, решения и действия определяются специалистами, исходя из условий как противника, так и собственных обстоятельств в данный момент. Принципы постоянно эволюционируют и периодически концептуально изменяются, но на лица, принимающие решения, будет неизбежно влиять среда³⁵⁵. Поэтому стратегии разных культур индивидуальны. Личный стиль стратегов есть внешнее выражение их культурного наследия. Поэтому важным аспектом стратегических исследований является анализ подготовки и ведения войны соответствующими странами с точки зрения стратегической культуры, выяснение ее глубокой идеологической и культурно-философской подоплеки, ее реакции на идеологию и выявление ее будущей тенденции развития. В военном руководстве понимание стратегической культуры противника так же важно, как и понимание его военного развертывания. Проще говоря, стратегическая культура — это глубоко укоренившиеся культурные факторы, влияющие на стратегическое мышление и намерения страны³⁵⁶.

Стратегическое мышление страны обычно включает два уровня содержания. Лежащее на поверхности – это конкретные стратегические ориентиры и планы, реализуемые в каждый период, тогда как более глубокое содержание, относительно стабильное и эффективное в течение длительного времени, – это стратегическая культура. Она постепенно накапливается и формируется в процессе многолетнего исторического развития страны и определяет привычный режим национального мышления при исследовании и

³⁵³ Бартош А.А. Стратегическая культура. – М.: Издательство Юрайт. – 2023. – С. 112.

³⁵⁴ 曲慧敏. 中华文化走出去战略 // 北京: 清华大学出版社. – 2017. – 279 页. [Цюй Хуэйминь. Стратегия выхода китайской культуры // Пекин: Издательство Университета Цинхуа. – 2017. – 279 с.]

³⁵⁵ Голль Ш. де. Военные мемуары / Пер. с фр. Б. С. Вайсмана, Н. М. Жарковой, Н. И. Немчиновой, А. Б. Осеневой. — М.: АСТ, 2003. — 814 с.

³⁵⁶ Распергова С.Ю. К вопросу об исследовании китайской «Стратегической культуры» // Познание стран мира: история, культура, достижения. – 2013. – С. 102-107.

решении вопросов. Из-за различий в географической среде, национальной истории, социальных системах и культурных особенностях каждой страны стратегическая культура обладает исключительной уникальностью.

Можно выделить несколько подходов в исследованиях феномена стратегической культуры. Так, первая группа исследователей (Дж. Снайдер, К. Грэй³⁵⁷, К. Бут³⁵⁸³⁵⁹) определяет стратегическую культуру как независимую переменную, в полной мере детерминирующую политический курс страны. Согласно их теории, рассчитав стратегический код той или иной страны, ее культуры или ее общества, можно определить действия государства в плане обеспечения им своей национальной безопасности. Со временем стало ясно, что данная точка зрения слишком прямолинейна, а потому — идеалистична и нереализуема на практике. Другая группа исследователей (Р. Лакхам, Э. Холландер, Брэдли С. Клейн) согласна с тем, что стратегическая культура является независимой переменной, оказывающей влияние на принятие внешнеполитических решений, формируя определенный набор действий военно-политического руководства конкретной страны. Третья группа специалистов (Дж. Легро, А. Джонстон), которая заняла позицию близкую к неоклассическому реализму, придерживается мнения, что стратегическая культура – это зависимая переменная, оказывающая влияние на действия государства. С этой точки зрения основными компонентами в ее оценке стратегической культуры являются физические характеристики (география, климат, природные особенности, демография, технологии), политические характеристики (история, взаимодействие с другими государствами, ориентация правящих элит, военная организация) и социокультурные характеристики (ценности, традиции). Именно эти компоненты порождают отношение к использованию силы в международных отношениях, внешнюю политику страны и саму стратегическую культуру. Четвертая группа

³⁵⁷ Gray C.S. Strategy culture as context: the first generation o the theory strikes back // Review of International Studies. – 1999. Vol. 25. №1. – pp. 49-69.

³⁵⁸ Booth K. Strategic culture: validity and validation // The Oxford Journal on Good Governance. – 2005. Vol. 2. № 1. – pp. 25-28.

³⁵⁹ Booth K., Trood R. Strategic Cultures in the Asia-Pacific Region. // NY: St. Martin's Press. – 1999. – 378 p.

исследователей придерживается в основном той же позиции, что и представители третьей группы. Они также считают стратегическая культура является зависимой переменной, но в данном отношении они делают акцент прежде всего на роли социокультурных факторов (ценностей, традиций, морали), влияющих на содержание стратегической культуры. Среди тех, кто придерживается данной позиции, преобладают китайские ученые и военные теоретики. Подобно своим зарубежным, прежде всего западным, коллегам, они изучают не только стратегическую культуру своего вероятного противника, но и стратегическую культуру собственной страны.

Стратегическая культура включает в себя два аспекта: концепцию оценочного суждения и концепцию модели поведения. Понятие оценочного суждения является ядром и фундаментом, отражающим сущность стратегической культуры. Оно позволяет судить о социальной роли войны, то есть теоретизировать: является ли война неизбежной или случайной в развитии человеческого общества; о войне и национальных интересах, то есть об относительности или абсолютности войны по отношению к национальным интересам³⁶⁰. Понятие паттерна поведения представляет собой расширение концепции оценочного суждения. Например, если кто-то считает войну неизбежным и нормальным явлением, он склонен придавать значение феномену войны и созданию военной мощи; в противном случае будет выступать за невоенные средства устранения угроз³⁶¹. Из стратегической культуры и ее исторических характеристик разных стран видно, что она имеет большое значение для национальной обороны в том числе³⁶².

Путем преобразования человеческого общества и согласования интересов можно полностью устранить конфликты и войны, коренным образом предотвратить угрозы, а использование военных методов управления

³⁶⁰ 李大钊。史学要论//商务印书馆。—2010。—190页。[Ли Дачжао。Основы истории//Коммерческая пресса。—2010。—С. 67.]

³⁶¹ 俞琳。经世奇谋//郑州：中州古籍出版社。—1999。—831页。[Юй Линь。Чудесные стратегемы управления миром//Чжэнчжоу：Издательство древних книг Чжунчжоу。—1999。—831с.]

³⁶² 冯梦龙。智囊全集//郑州：中州古籍出版社。—2000。—1277页。[Фэн Мэнлуи。Полное собрание сочинений аналитического центра//Чжэнчжоу：Издательство древних книг Чжунчжоу。—2000。—С. 760-761.]

приравнять с пустой тратой человеческих ресурсов. Эта концепция всегда вызывала восхищение у идеалистов и не лишена влияния на принятие решений. Многие страны имеют несколько типов стратегической культуры. Нужно понимать, что стратегическая культура не тождественна стратегическому поведению, но может влиять на него.

Основные функции стратегической культуры проявляются в четырех аспектах:

1. Когнитивная функция. Люди всегда познают мир через определенную культурную модель. Значение стратегической культуры заключается в обеспечивании базовой модели для лиц, принимающих решения, для распознавания и оценки стратегической среды, для ясности. Стратегический субъект выносит суждение, которое является основной отправной точкой принятия стратегических решений.

2. Функция спецификации. Разные стратегические культуры имеют различные системы ценностей. Отталкиваясь от определенных стандартов, стратегические действия можно классифицировать как полезные или вредные, справедливые или несправедливые, добрые или злые, «законные» или «незаконные» и т.д.³⁶³

3. Функция стимулирования. Цель стратегического поведения определяется стратегической культурой и является не только отражением конкретных потребностей, но и продуктом конкретной стратегической ценностной ориентации. Посредством установления целей и оценки стратегическая культура может предоставить субъектам мотивацию и механизм стимулирования. Это особенно заметно в западных реалиях: например, осведомленность о военно-технологических изменениях и зарубежной экспансии тесно связана с побудительной функцией стратегической культуры.

³⁶³ 张一飞。中国战略文化中的“战”与“和”：“自修”文化的两种战略选项 // 北京：中国社会科学出版社。— 2020。— 177 页。 [Чжан Ифэй. «Война» и «гармония» в стратегической культуре Китая: два стратегических варианта культуры «самоусовершенствования» // Пекин: China Social Sciences Press. — 2020. — 177 с.]

4. Функция координации. Существование конфликта является социальной реальностью как внутри сообществ, так и между ними. Это отражает различия интересов. Цивилизации имеют разные и относительно устойчивые стратегические культурные традиции. Благодаря своей уникальной традиционной силе стратегическая культура может координировать отношения интересов между странами или политическими группами, определять их отождествление с общими и долгосрочными интересами, отвечать требованиям рационального поведения.

Существуют различия в понимании стратегической культуры между Китаем и Западом. Сравнительное исследование может позволить лучше понять соответствующие характеристики. Некоторые исследователи на Западе анализируют и прогнозируют стратегическое поведение и направление Китая, основываясь на западном историческом опыте и теории, и приходят к выводу, что возвышение Китая неизбежно приведет к внешней экспансии и создаст угрозу миру. Можно ли правильно интерпретировать стратегическое поведение цивилизованной страны, независимо развивающейся на протяжении тысячелетий, в контексте западных стратегических культурных традиций, и как Китаю, выходящему на мировой уровень, строить свою собственную стратегическую культуру – все это весьма значимые теоретические вопросы.

Чтобы провести сравнение между китайской и западной стратегическими культурами, первоначально – определить концепции, которых придерживаются Китай и Запад. Традиционные китайские идеи, особенно трактат «Искусству войны Сунь-Цзы» и военно-стратегическая мысль Мао Цзэдуна, являются базой в концепции стратегической культуры Китая. Традиции Запада восходят к военным стратегиям Древней Греции и Рима, унаследованным и продолжаемым европейскими странами по сей день.

В современной западной стратегической культуре противоречие по-прежнему занимает важное место. Этот момент ясно отражен в «менталитете холодной войны» западных держав, в различных «теориях китайской угрозы»,

в разговорах о «грядущем американо-китайском конфликте», и в теории «столкновения цивилизаций». Стратегия «сдерживания Китая», которую отстаивают некоторые представители западных держав, является неизбежным продуктом этой стратегической культуры.

В нынешнюю эпоху глобализации стратегическое познание мировых конфликтов может лишь завести мир в состояние конфронтации и взаимного недоверия. Влияние стратегических культурных традиций на поведение также находит отражение в определении стратегических целей³⁶⁴. Различия в стратегических культурных традициях народов, стран и цивилизаций весьма заметны при их определении.

С самого начала иностранное завоевание и экспансия играли важную роль в развитии западной цивилизации. Тезис «экспансия-развитие-повторная экспансия» составлял главенствующую черту модели западной цивилизации со времен Древней Греции и Рима. Именно колониальная экспансия с новейших времен играет ключевую роль в становлении западного капитализма.

Хотя внешняя экспансия неизбежно принесет бедствия и несчастья вовлеченным народам, в рамках западного мышления она считается проявлением национальной жизненной силы. Такого рода концепция стратегической культурной ценности отражается в реальном поведении: некоторые западные державы всегда рассматривают расширение интересов и приобретение гегемонии как свои высшие стратегические цели.

Напротив, китайская традиция уделяла больше внимания внутреннему порядку, а не внешней экспансии. Для Китая, который является сельскохозяйственной цивилизацией, создание богатства в основном осуществляется за счет земли. Это самодостаточная цивилизация, которой не нужно полагаться на внешний мир³⁶⁵. Более того, для земледельческих народов

³⁶⁴ Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / отв. ред. В.Е. Петровский. – М.: Институт Дальнего Востока РАН. – 2015. – 280 с.

³⁶⁵ Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / Российская акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. – М.: Наука. – 2007. – 324 с.

война может означать лишь разрушение продуктивности, потерю равновесия, что ведет к краху всего общественного строя. Поэтому для земледельческой цивилизации война часто приносит не богатство, а бедствие. Таким образом, стратегическая культурная традиция земледельческой цивилизации демонстрирует заметную ценностную тенденцию ненасилия и не экспансии³⁶⁶.

Акцент на обороне является стратегической традицией Китая³⁶⁷. КНР располагается в Восточной Азии, омывается морем с севера на юг, пустыня Гоби прилегает на северо-западе. То есть географически существует относительно полный механизм естественной изоляции³⁶⁸. В древнем Китае природные условия, такие как обширная территория, мягкий климат, богатые ресурсы и большое пространство для жизни, заставили сформировать определенные психологические характеристики, отразившиеся в концепции национальной безопасности, которая по итогу представляет собой оборонное мышление, направленное на защиту земли и самооборону.

Это очень отличается от кочевников в Средней и Западной Азии, которые неоднократно осуществляли военные завоевания и грабежи. Ничто не может лучше всего олицетворять традиционное оборонное мышление Китая, чем древняя Великая китайская стена³⁶⁹. Эта ценностная ориентация позволила стратегической культуре Китая сформировать образ китайской нации как изолированной страны.

Интересная мысль есть у Томаса Клири в работе «Китайское искусство войны. Постижение стратегии». Книга основана на переводах текстов Чжугэ Ляна и Лю Цзи – полководцев и государственных деятелей, которые на практике доказали свое постижение искусства войны и стратегии. Идея состоит в том, что Китай ограничивает применение силы оборонительными целями, что находится под влиянием даосской и конфуцианской мыслей. Война является лишь последним средством и должна быть оправдана. Великая

³⁶⁶ Ф. 969. Дневники путешествий по Китаю Н. Ф. Катанова (подлинник). 1892 г. НА РТ, оп. 1, д. 76, 448 л.

³⁶⁷ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. – М.: Институт Дальнего Востока РАН. – 2006. – 320 с.

³⁶⁸ Ф. 10. Рукопись Н. И. Вознесенского «Замечания о Китае». 1828 г. НА РТ, оп. 5, д. 832, 198 л.

³⁶⁹ Тертицкий К.М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. Часть 1. – М.: ИСАА МГУ. – 1994. – С. 167.

Китайская стена всегда была символом обороны, а не символом национальных границ³⁷⁰. По мнению западного ученого Валлерстайна, китайская цивилизация идет по пути внутренней экспансии³⁷¹.

Современный Китай придерживается военной стратегии активной обороны. Обязательство китайских лидеров о том, что Китай не будет участвовать в гонке вооружений, формировать военные блоки, заниматься военной экспансией и стремиться к гегемонии, лучше всего отражает дух стратегической культурной традиции Китая, которая отличается от западной традиции экспансии.

В господствующей традиции западной стратегической культуры полностью подчеркивалась роль силы и насилия. Здесь можно привести несколько известных цитат Клаузевица: «Чтобы обеспечить мир, нужно подготовиться к войне», «Кровь — цена победы», «Лучшая форма защиты — это нападение»³⁷². Западное стратегическое поведение показывает, что они основывают свою гегемонию на расширении вооружений и создании военных союзов.

Напротив, важной чертой стратегической культуры Китая является менталитет, делающий упор на благоразумную войну при выборе стратегических средств³⁷³. До династий Мин и Цин, когда китайские военные стратеги говорили о войне, они все еще сосредотачивались в первую очередь на ущербе, который она может нанести. Этот стратегический культурный менталитет резко контрастирует с западным. С практической точки зрения, большинство войн в китайской истории Китай происходили пассивно, даже когда приходилось вести войны, Китай часто стремился удержать конфликт в определенных границах³⁷⁴. После китайско-индийского пограничного спора,

³⁷⁰ Клири Т. Китайское искусство войны: постижение стратегии / под ред. Т. Клири; [пер. с англ. Р. В. Котенко]. – М.: АСТ. – 2018. – 398 с.

³⁷¹ Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / пер. с англ. К.А. Фурсова // науч. ред. и пред. А.И. Фурсова // Изд. 2-е, испр. М.: URSS: ЛЕНАНД. – 2018. – 298 с.

³⁷² Клаузевиц К. Принципы ведения войны / Карл фон Клаузевиц; [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. – М.: Центрполиграф. – 2012. – 219 с.

³⁷³ Саид В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир. – 2006. – С. 408.

³⁷⁴ Fairbank J.K., Goldman M. China: a new history // Harvard University Press. – 2006. 2nd ed. – 640 p.

начавшегося 20 октября 1962 г., китайское правительство исходило из общей ситуации китайско-индийской дружбы, будь то до, во время или после войны, оно проявляло большую терпимость и сдержанность³⁷⁵. Китай стремится придерживаться принципов самообороны, ограниченной и сдержанной войны, проявляя сдержанность в применении силы.

Утилитарная традиция в западной культуре позволила реализму, сосредоточенному на стремлении к власти и интересам, с самого начала занять доминирующее положение в западной стратегической культуре, таким образом заставив ее в целом демонстрировать неэтическое направление культурного развития, которое уделяет больше внимания суждениям об интересах, чем морали, и делает упор на силу. В Новое время это культурное направление получило дальнейшее развитие в стратегической культуре авторитаризма, сущностью которого является социал-дарвинизм (движение в общественной мысли конца XIX — начала XX века), попирающий законные интересы слабых и малых наций ради расширения собственных интересов.

Стремление к миру и мироощущению в китайской стратегической культуре напрямую связано с целостной концепцией мироздания и мира с темой «гармонии между человеком и природой». Еще одна важная характеристика заключается в том, что придается большое значение силе морали и имеется четкое представление о добре и зле.

В своей монографии о Китае бывший госсекретарь США Генри Киссинджер³⁷⁶ исследует стиль китайского стратегического мышления с точки зрения высокопоставленного дипломата и мыслителя. По его мнению, стратегическое мышление китайцев полностью отличается от стратегии и внешней политики, преобладающих на Западе. На протяжении всей своей долгой истории беспорядков правители Китая признавали, что не все проблемы могут быть решены, и что чрезмерный акцент на полном контроле над конкретными событиями рискует нарушить баланс в мире.

³⁷⁵ Buckley E.P. The Cambridge Illustrated History of China // Cambridge: Cambridge University Press. – 2010. – P. 259.

³⁷⁶ Kissinger H. On China // NY.: Penguin. – 2012. – 624 p.

Потенциальных врагов предостаточно, и империя никогда не сможет насладиться абсолютным миром. Если Китаю суждено иметь только относительный мир, это также подразумевает и наличие относительного беспокойства. Попав в конфликт, в их стиле больше полагаться на стратегическое мышление, выработанное за многие годы. Западная традиция защищает решительные сражения и героические подвиги, в то время как китайская философия делает упор на умное использование уловок и окольных стратегий, а также на терпеливое накопление преимуществ.

К настоящему времени специалисты НОАК и академические круги КНР добились существенных результатов в области изучения феномена стратегической культуры, рассматривая стратегическую культуру той или иной страны как глубинную матрицу поведения ее населения, когда оно обращается к войне, как естественный фундамент, на котором выстраивается мышление и поведение военачальников и военнослужащих конкретной страны. При этом то, что для удобства называется «стратегической культурой», в сущности, является культурой конкретного общества, совокупностью его воинских традиций, отношения к жизни и смерти, победе и поражению, сдаче в плен или отказу сдаваться, готовности переносить трудности, страдать, умирать, причинять боль и страдание своему противнику, военнослужащим или гражданскому населению.

Применительно к китайской стратегической культуре следует говорить о том, что она несет на себе следы всей китайской культурной традиции. Она характеризуется высокой степенью миролюбия, склонности к компромиссам и сотрудничеству, готовности учиться у окружающих. При этом для нее также характерны человечность, готовность переносить испытания (или добросовестность), склонность к справедливости, доверие к авторитету, приверженность обычаям. Данные характеристики указывают на сохраняющееся влияние конфуцианской традиции, которая во многом и делает современных китайцев китайцами.

2.3. Культурная стратегия как средство обеспечения национальной безопасности

С момента открытия Китая для внешнего мира, случившегося в XIX в., характер развития китайской цивилизации и китайской стратегической мысли претерпел существенные изменения. Китайские ученые стали призывать учиться у «западных варваров», осваивая, прежде всего, их военные технологии. Во второй половине XX в. военной технологией, доступной Китаю, впервые стало ракетно-ядерное оружие. Будучи первоначально всего лишь дополнением к обычным типам вооружений к началу XXI в. оно стало главным фактором сдерживания потенциальных противников Китая и, прежде всего, США. Сознвая проблематичность достижения успеха в ядерном конфликте между глобальными державами, китайские стратеги стали все больше обращать внимание на иные средства защиты своих национальных интересов и обеспечения национальной безопасности. По мере развития цифровых технологий и роста многообразия отношений между странами все более важными средствами влияния на окружающий мир наряду с военными стратегиями стали считаться стратегии культурного влияния или культурные стратегии.

Интерес к культурным стратегиям стал закономерным итогом развития стратегической мысли в XIX, XX и начале XXI в. и развитием такого понятия, как «стратегическая культура». Внимание к последней сделало вопрос о культуре и культурных традициях общества вопросом не только узко гуманитарным, но и важным для стратегической теории. Кроме того, он стал актуальным для теоретических оснований практической внешней политики и теории международных отношений.

Китайские ученые понимают культурную стратегию как еще один вид стратегического воздействия, позволяющий добиться своих целей в отношениях с другими странами, но без использования грубой военной силы. В этом смысле китайские исследователи возвращаются к историческому истоку китайской стратегической мысли, Сунь-цзы, который полагал, что

высшая цель военного искусства состоит в том, чтобы добиться невоенными средствами. Победить противника без боя, дезорганизовать его, перетащить на свою сторону, обратить в свою веру, передать ему свой язык и иными способами «цивилизовать» — все эти рецепты более двух тысяч лет назад были предложены автором «Трактата о военном искусстве» и при этом они не потеряли своей актуальности в настоящее время, в условиях фактора ядерного сдерживания. С этим связаны и планы китайского военно-политического руководства по развитию собственных культурных стратегий, а также позиция широкой научной общественности Китая, разделяющих этих взгляды. На протяжении большей части китайской истории такой подход назывался «умиротворением варваров».

Анализ китайских источников показывает, что культурная стратегия — это государственная политика, куда входит набор институциональных положений, норм, принципов, планов, действий, принятых в стране для осуществления идеологического, административного и экономического управления в сферах культуры и искусства, печати и издательского дела, радио, кино и телевидения, политики, образования и т.д. Культурные стратегии Китая призваны решать следующие задачи: пропагандировать и распространять достижения китайской культуры в мире, сообщать о ней вовне, продвигать китайскую «мягкую силу», сохранять самобытность национальной культуры. Использование культурных стратегий позволяет решать двуединую задачу — оказывать влияние на другие народы и страны и сохранять собственную культурную идентичность.

Культурные стратегии КНР в пространстве современных международных отношений до настоящего времени не являлись самостоятельным объектом исследования. Данная проблематика начала привлекать внимание российских и зарубежных ученых только в конце XX в., когда заметно усилилась роль Китая в международных политических и экономических процессах. Китайские культурные стратегии — могут быть и

являются предметом внимания со стороны как военной, так и гражданской науки³⁷⁷.

В экспертных кругах идут оживленные дискуссии о целях и задачах, которые ставят суверенные государства в рамках реализации культурных стратегий. Во-первых, это сохранение своей культурной идентичности. Во-вторых, стремление к освоению и синтезу достижений других культур и цивилизаций к межкультурному взаимодействию и диалогу с другими странами (культурами). Из этого следует, что культурные стратегии делятся на два типа: преимущественно охранительный и трансформационный (развивающийся)³⁷⁸. Бывают обстоятельства, когда возможно достичь более или менее конструктивного сочетания обеих форм, но дихотомия устойчивость/изменчивость, проявляется в основании типологии различных культурных стратегий.

Что касается охранительной или развивающейся модели культурной стратегии, осуществляемой государством, то это по большей части связано с уровнем социокультурного развития. Чем больше влияния архаичных особенностей, обрядов, тем более жесткую охранительную политику реализует действующее правительство. И напротив, чем уровень социального развития выше, чем больше социум настроен на модернизацию, тем культура более открыта к трансформациям. Здесь можно привести наглядный сравнительный пример из истории Китая, сопоставив период имперского Китая и эпоху Дэн Сяопина. Имперский период демонстрировал изоляционистский тип культуры, а время Дэн Сяопина дает пример открытой культурной модели.

Если посмотреть с исторической точки зрения, то можем выделить несколько этапов и их особенностей. Охранительный или изоляционный типы культур традиционно присущ первобытному обществу в основном по причине

³⁷⁷ Распергова С.Ю. Аксиологические доминанты современных культурных стратегий Китая // Полигнозис. – 2010. № 4. – С. 64-75.

³⁷⁸ Кузнецова Е. В. Этнос и нация: концепции национальной идентичности // Перспективы Науки и Образования. – 2015. №3. – С. 9-15.

абсолютно неразвитой коммуникации. Позже, с образованием государств и становлением аграрного типа, происходит смягчение жесткости, но охранительная модель культуры остается. В ходе индустриализации появляется новая идея ухода от традиции, так как это не соответствовало целям социального развития, и перехода к модернизации, а значит к развивающемуся типу. В постиндустриальную эпоху существует тенденция непрерывной трансформации. Исходя из этого прослеживается вывод о взаимозависимости социального и культурного развития.

В современном мире, с неравномерностью политического, экономического, социального и культурного развития существует разнообразие культурных стратегий. К примеру, стратегии большинства государств Африки носят исключительно охранительный тип; мусульманские, ряд африканских и азиатских стран придерживаются средне-охранительной культурной стратегии; умеренно модернизационная модель подходит латиноамериканским государствам, Китаю, Индии, России; последний тип – радикально модернизированная культурная стратегия проводится в США, Японии, ЕС, Канаде и т.д.

Существует и так называемый изоляционный тип. В его основе лежит принцип фетишизации собственной культуры. То есть идея о невозможности существования какой-либо другой, в противном случае это не культура, а варварство. При этом отношение к другим участникам социума и их традициям меняется от абсолютного отторжения до состояния терпимости. Представителям изоляционного типа позволялось существовать в рамках какого-либо государства, но с условием жесткого размежевания с подавляющим большинством коренного населения. Для такого пребывания выделялись специальные районы или изолированные кварталы. В качестве примера можно взять еврейские гетто, чайна-тауны и т.д. Этот тип культурной стратегии преимущественно реализуется в рамках аграрного общества и имеет свои преимущества и недостатки. К положительным характеристикам можно отнести низкую вероятность конфликтов между представителями различных

социальных групп. Что касается отрицательных моментов, то этому типу культурной стратегии свойственна ограниченность в межкультурном взаимодействии из-за территориальной изоляции в специально отведенных частях города или района. Но в мировой истории есть и исключения. Например, в Древнем Китае можно наблюдать смешение изоляционистской модели, направленной к отдельным этносам, с еще одним типом культурной стратегии – ассимиляционной.

Ассимиляционный тип культурной стратегии формируется на основе единого принципа с изоляционистской формой: признание преобладания местной культуры над культурой приезжего. Но разница состоит в том, что это преобладание не носит идеологический характер по типу конфронтации «цивилизация-варварство». Само слово «ассимиляция» уже подразумевает необходимость слияния, которое выражается в умении владеть языком и знанием местных культурных традиций.

В научно-исследовательском сообществе мультикультуралистский тип культурной стратегии строится на принципе равноправия всех культур, независимо от социального развития общества-носителя.

В исторических прецедентах был зафиксирован такой тип культурной стратегии. Например, это можно наблюдать в Римской империи, где экзотические обычаи дальних народов вызывали интерес у широкой публики..

Мультикультуралистическая стратегия, характерная для постиндустриальных обществ, стремится обеспечить не только политическое равенство, но и равные социальные возможности для всех. Однако в современной экономической ситуации достичь полного равенства в материальном обеспечении жизни невозможно. Тем не менее, развитие информационных технологий предоставляет новые возможности для создания равенства доступа к информации и культурным проявлениям различных народов, религий и социальных групп.

Однако, для осуществления данной стратегии необходимо преодолеть ряд сложностей, которые ранее не были приняты во внимание идеологами

мультикультурализма. Прежде всего, возникают проблемы, связанные с тем, что мультикультурализм признает равное право на публичные манифестации не только географически выделенных культур (Востока и Запада, Севера и Юга), но и их равноправие с точки зрения исторического признака, независимо от социального развития народов, являющихся носителями этих культур.

Применение мультикультуралистской культурной стратегии безусловно способствует наращиванию неограниченной свободы для самовыражения культурных значений у индивидов различных национальностей и способствует расширению межкультурных контактов и взаимодействий. Однако, превышение границ свободы может приводить к неоднозначным результатам, таким как увеличение числа бытовых конфликтов на основе культурных различий, а также уменьшение степени социального контроля в обществе, особенно в условиях неструктурированного культурного самоуправления.

Изоляционистская культурная стратегия является эффективной в политическом плане, так как снижает вероятность возникновения внутренних национальных конфликтов..

Ассимиляционная культурная стратегия придает больший социальный эффект, так как способствует быстрой социализации. Однако данный подход требует отказа от своей культурной идентичности, что может вызывать конфликты и проблемы адаптации. Иными словами, они стараются полностью поглотить и приспособиться к культуре государства, в котором они находятся, утрачивая свою собственную культурную идентичность.

Мультикультуралистская культурная стратегия позволяет почувствовать себя равноправными гражданами в чужой стране. Она способствует сохранению культурных особенностей и разнообразия. Однако такой подход может привести к возникновению культурных конфликтов. Это объясняется

тем, что сосуществование различных культур в рамках одного общества может приводить к несоответствиям, непониманию и конкуренции между ними³⁷⁹.

Таким образом, каждая из рассмотренных культурных стратегий имеет свои преимущества и недостатки, и для выбора оптимальной стратегии необходимо учитывать различные факторы, такие как политическая и социальная ситуация в стране, характер миграции и национальные особенности приезжих. Выбор определенной культурной стратегии потенциально может привести к различным проблемам в обществе.

Культурная стратегия в современном Китае представляет собой совокупность концепций и идей, берущих свое начало из различных философских школ, классических произведений, социалистической идеологии.

Например, Китай стремится реализовать культурную стратегию на базе термина 道法自然 «управление посредством недеяния», которое берет свое начало из даосской мысли. Его основная идея — подчиняться законам природы, придерживаться стратегии невмешательства, и позволить вещам развиваться по своим собственным законам. Эта концепция была впервые предложена Лао-цзы, основателем даосской школы, и получила развитие в «Дао Дэ Цзин»³⁸⁰.

В одном из четырех классических романов «Троецарствие» также отмечено 攻心为上, 攻城为下, то есть «наивысшим приоритетом является нападение на сердце, а наименьшим — нападение на город». Даже если силу можно использовать, чтобы заставить людей сдаться, чтобы убедить людей, им все равно придется полагаться на силу культуры³⁸¹.

³⁷⁹ Gray C.S. Strategy culture as context: the first generation of the theory strikes back // Review of International Studies. – 1999. Vol. 25. №1. – pp. 49-69.

³⁸⁰ 加藤彻。中国应推行“无为而治”文化战略（Като Тецу. Китаю следует придерживаться культурной стратегии «управление посредством недеяния». Октябрь, 2008.) <https://oversea.huanqiu.com/article/9CaKrnJ11cA> (дата обращения: 10.09.2024)

³⁸¹ 罗贯中。三国演义 // 北京: 人民文学出版社。– 1998。– 990 页。 [Лю Гуаньчжун. Троецарствие // Пекин: Издательство «Народная литература». – 1998. – 990 с.

Работы Конфуция и Лао-цзы широко распространяются в Европе и Соединенных Штатах, переводятся на все языки мира. Однако эти ресурсы еще не полностью использованы для продвижения культуры Китая.

Одни из элементов по обеспечению национальной безопасности и культурной стратегии включает в себя построение современной цивилизации китайской нации — это проект, который содержит экономические и социальные аспекты, дипломатию и национальную оборону посредством взаимодействия мировой внешнеполитической конъюнктуры с внутренними партийными условиями. Ядром любой цивилизации является ее культурная система. Современный Китай является продолжением и развитием исторического Китая³⁸². Не понимая древний Китай, невозможно понять современный Китай и Китай будущего. Социализм с китайской спецификой является результатом наследия и развития пятитысячелетней китайской цивилизации. Важная причина, по которой китайская цивилизация продолжает идти в ногу со временем, заключается в том, что китайская нация имеет все те же духовные стремления, что позволило сформировать уникальную систему ценностей, воплощая наследие и инновации. Согласно традиции в Китае, только посредством защиты можно добиться наследования, и только посредством наследования можно добиться лучшей защиты³⁸³.

Институт Конфуция в настоящее время является основной стратегией международного распространения китайской культуры. Он открывает миру возможность понять культуру и современный Китай и играет важную роль в содействии обменов и взаимному обучению между различными странами.

Наука, в свою очередь, является одним из носителей культуры. Научно-технические инновационные достижения страны могут оказать значительное влияние на международное продвижение языка и культуры. Таким образом,

³⁸² 孙宜学。中华文化国际传播战略：二十个关键问题（孙ь Исюэ。Международная коммуникационная стратегия китайской культуры：двадцать ключевых вопросов。Ноябрь，2017。）URL：<https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnK5Pvi> (дата обращения: 16.09.2024)

³⁸³ 刘仓。建设中华民族现代文明要把握好的几个关系（Лю Цан。При построении современной цивилизации китайской нации необходимо усвоить несколько взаимосвязей。Сентябрь，2024）URL：<http://www.news.cn/politics/20240912/656569b53d0d4ec9bafc26eafae298b7/c.html> (дата обращения: 16.09.2024)

одной из задач в академических и государственных кругах является вопрос о том, как дать возможность все большему количеству ученых использовать китайский язык в своих разработках³⁸⁴, тем самым культивируя китайскую научно-техническую базу, инновационные платформы, продвигать китайский язык как один из универсальных научных языков мира³⁸⁵.

Следующей важной составляющей культурной стратегии Китая является распространение китайской литературы на разных языках по всему миру³⁸⁶ и возвращение талантливых переводчиков³⁸⁷.

Учитывая тот факт, что исследование китайских культурных стратегий делает только первые шаги, следует признать, что их окончательное понимание еще далеко не сформировалось. На сегодняшний момент можно отметить, что общей целью культурных стратегий Китая является формирование такой модели развития человеческих отношений, которая берет за основу не модернизированную, а традиционную культуру³⁸⁸. При этом сами китайские авторы полагают, что в новейших условиях традиционная культура тоже претерпевает определенные изменения, но они не столь радикальны, как это характерно для модернизированной западной культуры. В частности, они обращают внимание на человекообразность и экологичность традиционной культуры³⁸⁹. Такими чертами, например, обладает китайская культура, которая,

³⁸⁴ 马陆亭。面向第二个百年教育的社会功用更强 // 光明日报。— 2021。 [Ма Лутин. Второй век усиления социальной значимости образования. Газета «Гуанмин дэйли». — 2021.] URL: https://news.gmw.cn/2021-07/06/content_34972691.htm (дата обращения: 19.08.2023)

³⁸⁵ 郭金超。让世界读懂中国——以中新社“大变局·中国治”系列报道为例 (Го Цзиньчао. Пусть мир поймет Китай. В качестве примера возьмем серию репортажей Службы новостей Китая «Великие перемены и управление Китаем». Декабрь, 2021.) URL: https://paper.people.com.cn/xwzx/html/2021-12/01/content_26016847.htm (дата обращения: 16.09.2024)

³⁸⁶ Головачева Л.И. Письма о путешествии в Китай // World.lib.ru. — 2009. URL: http://world.lib.ru/g/golowachewa_1_i/pisxmakitaj2009ch2.shtml (дата обращения: 15.04.2024)

³⁸⁷ 董学峰。国家语言战略背景下的汉语国际推广研究 // 东北师范大学。— 2016。— 170 页。 [Дун Сюэфэн. Исследование международного продвижения китайского языка в контексте национальной языковой стратегии // Издательство Северо-Восточного педагогического университета. — 2016. — 170 с.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFDLAST2017&filename=1017003005.nh%20&v=cumjo3%25mmd2BDfEEQ867VYgZVXZ4tUGBdXEwrhs3zuLNFCwirkUrhSGtoKwuygueO0914> (дата обращения: 21.01.2024)

³⁸⁸ 常笑。深刻认识走和平发展道路的中国式现代化 // 中国共产党新闻网。— 2024。 [Чан Сяо. Глубокое понимание модернизации по китайскому образцу, идущей по пути мирного развития // Новости Коммунистической партии Китая. — 2024.] URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2024/0216/c40531-40177885.html> (дата обращения: 13.04.2024)

³⁸⁹ Johnston AI. Cultural realism: strategic culture and grand strategy in Chinese history / Alastair Iain Johnston // Princeton: Princeton University Press. — 1998. — 307 p.

с точки зрения китайских специалистов, могла бы в этом плане оказаться привлекательной для остального человечества, поскольку она позволяет другим народам сохранить свою самобытность.

После политики реформ и открытости Китай сформировал модель культурного развития, основанную на принципе превосходной национальной культуре, активно впитывающей технологичные цивилизационные достижения из-за рубежа. Важной задачей культурной стратегии выступило прочное овладение лидерством и силой дискурса идеологической работы и поддержание культурной безопасности³⁹⁰. В современном Китае активно развиваются разнообразные идеологии и культуры, что не только обеспечивает важные идеологические ресурсы для передовой социалистической культуры, но и подчеркивает важность идеологической работы и поддержания культурной безопасности.

Значение идеологической работы определяется большой ролью идеологии в экономике и политике. История неоднократно показывала, что как только идеологическая линия обороны политической партии или страны рушится, другие линии обороны также быстро приходят в упадок.

Общая идея реализации этой стратегической цели заключается главным образом в укреплении фундамента и совершенствовании «мягкой силы», которая включает реализацию пути к социалистической культуре развития с китайской спецификой; углубление реформы культурной системы, содействие здоровому развитию культурной экологии; процветание и развитие индустрий в области культуры; проникновение передовой социалистической культуры в повседневную жизнь людей, усиление сплоченности³⁹¹. Что касается международного культурного обмена, то он в основном предназначен для демонстрации статуса и влияния культурно мощной страны с высокой степенью культурного доверия, в частности означает распространение

³⁹⁰ Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / Российская акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. – М.: Наука. – 2007. – 324 с.

³⁹¹ Li Mingjiang. Soft power: China's emerging strategy in international politics // Lanham: Lexington Books. – 2009. – 275 p.

современных китайских ценностей; демонстрацию миру проверенного и представительного общества с китайской спецификой³⁹²; усиление влияния передовой культуры; построение образа цивилизованной, ответственной страны; повышение привлекательности китайского государства³⁹³.

³⁹² 刘梦瑜。做好来华留学服务促进教育对外开放 // 中国教育新闻网。– 2019。[Лю Мэньюй. Предоставлять хорошие услуги студентам, обучающимся в Китае, и способствовать открытию образования для внешнего мира // China Education News Network. – 2019.] URL: http://www.jyb.cn/rmtzcg/xwy/wzxw/202102/t20210219_396747.html (дата обращения: 17.01.2023)

³⁹³ 周燕飞。基于国际中文教育视角的“文化走出去战略”探究 // 文化创新比较研究。– 2020。– 第 190-192 页。[Чжоу Яньфэй. Изучение «Глобальной стратегии развития культуры» с точки зрения международного китайского образования // Журнал «Сравнительные исследования культурных инноваций». – 2020。– С. 190-192.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDAUTO&filename=WCBJ202032063&v%20=ow1mR8eKvxZPQgi6DL1eeWqvXRBRg%25mmd2F2Lh953OqVXm3eocG%25mmd2FQ1h5QWtfj2Tp4Xags> (дата обращения: 09.08.2023)

Глава 3. Основные инструменты реализации культурных стратегий КНР

3.1. Доктрина «мягкой силы» и особенности культурной дипломатии Китая

Распространение национальной культуры и знаний занимает особое место в современных культурных стратегиях многих держав. Оно направлено на оказание влияния не через политическое или экономическое давление, а с помощью мягкого воздействия. Культура, вместе с политической идеологией и дипломатией, является одной из трех основных составляющих концепции «мягкой силы»³⁹⁴. Однако реализация такой политики различается в разных странах.

Именно эффективность китайской модели развития стала экономическим базисом для продвижения этой концепции. Следующим этапом в укреплении влияния «мягкой силы» является привлечение интереса к данной модели успешного развития³⁹⁵.

Национальная мягкая сила проявляет себя через политическую и экономическую системы, а также через общественный строй страны. В то же время возможное распространение «мягкой силы» может быть основано на богатстве культуры страны. Однако такой подход обычно ограничен отсутствием существенных экономических достижений в настоящее время, что ограничивает ресурсы объекта³⁹⁶.

Механизм распространения «мягкой силы» можно представить как последовательность действий, которые приводят к увеличению ее влияния. Вначале, успешное экономическое развитие страны привлекает внимание обществ других стран. Появляется потребность в изучении модели развития страны-субъекта, в основе которой лежит ее культура³⁹⁷. Важно отметить, что

³⁹⁴ Nye J.S. Soft power. The means to success in world politics // NY.: Public affairs. – 2004. – P. 76.

³⁹⁵ Ding Sheng. The dragon's hidden wings: how China rises with its soft power // Lanham, MD: Lexington Books. – 2008. – P. 43.

³⁹⁶ Li Mingjiang. Soft power: China's emerging strategy in international politics // Lanham: Lexington Books. – 2009. – 275 p.

³⁹⁷ Mattern J. B. Why “soft power” isn't so soft: representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics // Millennium: Journal of International Studies. – 2005. Vol. 33. №. 3. – pp. 583-612.

влияние и распространение «мягкой силы» являются сложными и многовариантными процессами, которые имеют нелинейный характер.

Глобальная стратегия Соединенных Штатов Америки, известная как «soft power», включает в себя пропаганду американской массовой культуры как основной элемент внешней политики. Этот процесс признается необходимым компонентом глобализации и вызывает интерес у множества исследователей, как в США, так и в других странах³⁹⁸. Распространение американской культуры осуществляется односторонним, массовым подходом, подкрепленным соответствующими институтами, и представляет собой многоуровневый процесс культурной экспансии. Данная стратегия рассматривается государством США как важная составляющая внешней политики и активно исследуется как внутри страны, так и за ее пределами³⁹⁹.

В Китае «мягкая сила» рассматривается как важный элемент внешнеполитической стратегии и неотъемлемая часть прогрессивного развития страны. КНР на данный момент активно использует культурную доктрину «мягкой силы» в достижении своих стратегических целей⁴⁰⁰. Китай вынужден стать одним из центров силы в мире и пытается смягчить процесс унификации культурных стандартов и предпочтений в условиях глобализации. Стратегия «мягкой силы» Китая исходит не только из мировых тенденций, но прежде всего основывается на традиционных китайских ценностях и взглядах на мир⁴⁰¹.

Отличительными чертами китайской философии является «историоцентризм», что подразумевает особое отношение к «древности» как непреложному примеру и источнику мудрых и правильных решений. Однако, необходимо отметить, что это отношение основано на представлении о

³⁹⁸ Nye J. (Jr). The information revolution and American soft power // *Asia-Pacific Review*. – 2001. Vol. 9, No. 1. – pp. 60-76.

³⁹⁹ Mirrlees T. American soft power, or, American cultural imperialism? // *One World Press*. – 2006. – pp. 199-227.

⁴⁰⁰ 阎学通。软实力的核心是政治实力 // *环球时报*。– 2007。– 第 42-43 页。 [Янь Сюэту. Ядро мягкой силы – политическая сила // *Global Times*. – 2007. – С. 42-43.]

⁴⁰¹ Hunter A. Soft power: China on the global stage // *Chinese Journal of International Politics*. – 2009. Vol. 2. №3. – pp. 373-398.

великих правителях, царствах и династиях, которые в противоположность другим, достигали успеха или, наоборот, претерпевали крах. В связи с этим, у китайцев, являющихся адептами своей истории, сложилось особое отношение к национальным культурным ценностям⁴⁰². Их представление о правильности и мудрости основывается на том, что в древности так поступали великие правители, и поэтому их действия следует рассматривать как образец для подражания⁴⁰³.

В 2014 г. правительством Китая была провозглашена программа построения государства сильной культуры⁴⁰⁴. В современном мировом сообществе главным вопросом является соотношение многообразия культур и единения, которое может быть достигнуто только при наличии универсальных культурных ценностей. Понимая глобализацию как единую сложную систему интеграции всего человечества в мировое сообщество, необходимо учитывать диалог культур⁴⁰⁵. Целью Китая является достижение единения без унификации, то есть на основе гармоничного сотрудничества и взаимодействия, что является особенностью политики «мягкой силы» этой страны.

Ведущей организацией, разрабатывающей концепцию «мягкой силы» Китая, стал Государственный центр по исследованиям «мягкой силы» при Институте международных отношений Пекинского университета. Основная задача данного Центра – обобщение опыта и практик применения «мягкой силы» Китая за рубежом. Указанный Центр занимается распространением представлений о китайской культуре и современных китайских ценностях, а также повышением национального имиджа КНР.

⁴⁰² 王沪宁。作为国家实力的文化：软权力 // 复旦大学学报。— 1993。— 第 91-97 页。[Ван Хунин. Культура как национальная мощь: мягкая сила // Журнал Фуданьского университета。— 1993。— С. 91-97.]

⁴⁰³ 赵林栋。传统文化与文化软实力。攀登：哲学社会科学版。— 2014。第 1 期。— 第 122-127 页。[Чжао Линьдун. Традиционная культура и «мягкая сила». Журнал «Новые высоты»: издание философии и социальных наук。— 2014。№ 1。— С. 122-127.]

⁴⁰⁴ 习近平谈建设社会主义文化强国 // 中国共产党新闻。— 2014。[Си Цзиньпин говорит о построении социалистической культурной державы // Новости Коммунистической партии Китая。— 2014。] URL: <http://theory.people.com.cn/big5/n/2014/0807/c40531-25421812.html> (дата обращения: 18.05.2021)

⁴⁰⁵ 门洪华。中国软实力评估报告 // 国际观察。— 2007。— 第 15-26 页。[Мэнь Хунхуа. Доклад об оценке «мягкой силы» Китая // Журнал «Международные наблюдения». — 2007. № 3. — С. 15-26.]

Важность дипломатии в контексте «мягкой силы» Китая отмечается доктором экономических наук и заместителем директора Института Дальнего Востока РАН, В. Я. Портяковым⁴⁰⁶. Он указывает на то, что Китай становится все более активным актором мировой политики. География стратегических интересов этой страны расширяется, а число инициатив по экономическому сотрудничеству и разрешению кризисных ситуаций возрастает. Таким образом, КНР уверенно утверждает себя на международной арене в качестве одной из ведущих мировых наиболее влиятельных держав.

Прогресс культурной дипломатии должен иметь надежный механизм дипломатической координации, подтверждением чему служит китайский опыт. Обогащение и совершенствование механизма дипломатической координации играет важную роль в урегулировании конфликтов и споров между государствами. Все это обеспечивает институциональную гарантию установления «гармоничного мира» и продвижение культурной дипломатии.

Укрепление национальной мощи и международного статуса Китая может заложить прочную основу для создания более сбалансированного и «гармоничного мира». После политики реформ и открытости Китай пережил глобальные изменения, которые оказали глубокое влияние на экономику, политику, культуру и мышление людей. Постепенно расширялась степень открытости Китая внешнему миру, возникли эффективные экономические и культурные институты, которые способствовали культурному и социальному развитию Китая⁴⁰⁷.

Сегодня мощь Китая продолжает расти, благодаря чему он активно участвует в двустороннем и многостороннем сотрудничестве, что обеспечивает благоприятные условия для развития культурной дипломатии.

⁴⁰⁶ Портяков В.Я. Возвышение Китая: что дальше? Перспективы внешней политики КНР в следующие десять лет // Россия в глобальной политике. – 2014. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vozvyshenie-kitaya-cto-dalshe/?ysclid=lv8846w7vk680397046> (дата обращения: 20.05.2021)

⁴⁰⁷ 王景龙。和谐发展论 // 中国环境科学出版社。– 2008。– 146 页。[Ван Цзинлун. Теория гармоничного развития // China Environmental Science Press. – 2008. – 146 с.]

Концепция «гармоничного мира» заявлена основной целью продвижения культурной дипломатии. Она соответствует не только ценностной концепции «гармоничной» культуры китайской нации, но и теории «взаимной терпимости», что является общечеловеческой ценностью, которая соответствует современной тенденции гармоничного развития международных отношений⁴⁰⁸.

Кроме того, Китай постоянно укрепляет культурный обмен и организует диалог с другими участниками международных отношений, стремясь к плодотворному взаимному сотрудничеству. Например, для продвижения своих культурных инициатив в разных странах и регионах мира по инициативе КНР проводятся фестивали китайской культуры, организуются международные конференции с участием китайских делегаций, устраиваются масштабные мероприятия, на которых представлена продукция китайских предприятий, звучит китайская речь и присутствуют представители КНР⁴⁰⁹. Это значительно расширило поле общения между государствами и этническими группами. Точно так же, как «Год культуры Китая и России», «Год культуры Китая и Японии» и «Год культуры Китая и Кореи» являются примерами развития двусторонних отношений, которые способствуют дружескому обмену между различными странами. Концепция китайской культурной дипломатии строится на диалоге, уважении и межкультурных коммуникациях⁴¹⁰.

Тем не менее, Китай, в реализации своих проектов сталкивается с трудностями. Во-первых, китайской модели культурной дипломатии не хватает инноваций, что проявляется в содержании, форме и средствах культурной

⁴⁰⁸ 王岗峰、李建平、何贻纶、陈桂蓉。社会和谐发展论 // 社会科学文献出版社。— 2007。— 413 页。[Ван Ганфэн, Ли Цзяньпин, Хэ Илунь, Чэнь Гуйжун. Теория гармоничного развития в обществе // Социально-научно-литературное издательство. — 2007. — 413 с.]

⁴⁰⁹ 胡弼成、上官晴。教育文化软实力的构成及内部效应探究 // 清华大学教育研究。— 2010。— 第 29-35 页。[Ху Бичэн, Шан Гуаньцин. Исследования сути и содержания образовательной и культурной «мягкой силы» // Журнал «Образовательные исследования» Университета Цинхуа. — 2010. — С. 29-35.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2010&filename=QHJD201003007&v=d%20ntnuUrFK%25mmd2Ba3jHil1yqVRGqIC93QmYZUpX%25mmd2BBFi95PH5%25mmd2FrLIb4RqdRxm9ImwIEe%20Kw7> (дата обращения: 12.01.2024)

⁴¹⁰ 杨悦。中国文化外交理念与实践：基于国别的实证研究 // 世界知识出版社。— 2021。— 300 页。[Ян Юэ. Концепция и практика культурной дипломатии Китая: эмпирические исследования на уровне стран // World Knowledge Press. — 2021. — 300 с.]

дипломатии. Инновации — это инструмент для страны, чтобы сохранить свою культурную жизнеспособность и привлекательность. На протяжении своей тысячелетней истории Китай достиг высокой степени аутентичности традиционной культуры, но любая национальная культура должна чутко улавливать дыхание времени и жизненные силы и динамику современной культуры⁴¹¹. Китай приложил большие усилия и преуспел в деле распространения и развития традиционной культуры, но зачастую пренебрегает развитием современной. Традиционная китайская культура, такая как кунг-фу, каллиграфия и чайная церемония, действительно привлекает внешний мир. Но эти направления и области культуры уже становятся не так популярны среди самих китайцев, а иностранцам еще труднее по-настоящему понять их сущность, символику и духовный смысл. Слишком большая опора на традиционную культуру и скептическое отношение к современной приводит к культурным разрывам и увлечению западными культурными стандартами⁴¹².

Кроме того, необходимо постоянно совершенствовать формы и средства культурной дипломатии⁴¹³. Формы и средства китайского зарубежного культурного обмена относительно просты, в основном сосредоточены на культурных мероприятиях и выставках, что требует поступательного обновления и расширения. Не секрет, что многообразие культурных средств используется для популяризации культуры страны и демонстрации имиджа. Конечно, это большая работа по постоянному обновлению методов и инструментов культурной дипломатии, которая заключается в расширении культурных обменов с зарубежными странами, использовании

⁴¹¹ 刘元希. 浅论新中国文化外交的发展 // 中文科技期刊数据库, 社会科学. — 2022. 第 12 期. — 第 25-28 页. [Лю Юаньси. Краткая дискуссия о развитии культурной дипломатии в Новом Китае // База данных журнала китайской науки и технологий, Общественные науки. — 2022. № 12. — С. 25-28.]

⁴¹² 张国祚、刘存玲. 新时代背景下的文化软实力提升 // 湖南大学社会科学处版. — 2020. — 第 82-90 页. [Чжан Гоцзо и Лю Цунлинь. Совершенствование культурной «мягкой силы» в контексте новой эпохи // Издание Отделения социальных наук Университета Хунань. — 2020. — С. 82-90.] URL: <http://www.mkszyyj.net/UploadFile/Issue/vmwc5ywl.pdf> (дата обращения: 14.03.2023)

⁴¹³ 刘元希. 浅论新中国文化外交的发展 ... С. 25-28.]

многосторонней культурной дипломатии, знакомству с различными направлениями народной культурой и т.д.

Во-вторых, публичная (негосударственная) культурная дипломатия Китая недостаточно развита. На протяжении многих лет она в основном находилась под исключительной ответственностью правительства. Например, Институты Конфуция, созданные китайским правительством, культурные фестивали и т. д. Все эти культурные мероприятия и выставки спонсируются правительством. Государство часто вмешивается в конкретные операции культурного рынка, и ряд мероприятий по культурному обмену с зарубежными странами должен пройти тщательную проверку и одобрение со стороны различных ведомств и учреждений, прежде чем они смогут быть реализован⁴¹⁴. Абсолютные полномочия правительства проводить мероприятия по культурному обмену за рубежом, безусловно, могут в полной мере использовать его политические преимущества для достижения определенных целей, но именно из-за централизованного контроля правительства официальный фон культурных мероприятий слишком силен и влияет на его эффективность.

Негосударственная культурная дипломатия имеет свои преимущества перед официальной культурной дипломатией, спонсируемой государством. Во-первых, негосударственная культурная дипломатия существует во всех уголках общественной жизни, и часто можно с первого раза получить динамику текущих событий и связанную с ними информацию. По сравнению с государственной, она может быстро интегрировать культурные информационные ресурсы через различные каналы, и своевременно может повлиять на общественное мнение при принятии тех или иных решений. Во-вторых, негосударственная культурная дипломатия имеет уникальные преимущества. Многолетняя практика показала, что сила культурной дипломатии неправительственных организаций имеет существенные

⁴¹⁴ 刘元希。浅论新中国文化外交的发展 // 中文科技期刊数据库, 社会科学。 – 2022。第 12 期。 – 第 25-28 页 ... – С. 25-28.]

преимущества, с которым правительство не может сравниться⁴¹⁵. Например, Гете-Институт в Германии построил ряд культурных и языковых учебных институтов, предоставляя заинтересованным местным жителям обширные учебные материалы и приглашая профессиональных преподавателей и сотрудников участвовать в зарубежных культурных обменах.

В-третьих, негосударственная культурная дипломатия легче воспринимается и понимается иностранцами, чем официальная культурная дипломатия⁴¹⁶. Основная цель зарубежных культурных обменов состоит в том, чтобы укрепить консенсус между гражданами с различными ценностями. Из-за сильной официальной окраски государственной культурной дипломатии, иностранные граждане не принимают культурную дипломатию Китая в полном объеме. Таким образом, как преобразовать культурную дипломатию под руководством правительства в иностранные культурные обмены с тесными связями между государством и народом, является серьезной проблемой, которую Китай намерен решить в будущем.

В-четвертых, существует проблема недостаточной защиты китайских культурных ресурсов. Масштабные культурные ресурсы являются ключом и основой для культурных обменов различных стран и народов с зарубежными странами⁴¹⁷. В ходе тысячелетнего развития китайская цивилизация пережила процесс взаимного обучения и поглощения различными народами в сочетании с интеграцией чужой культурной составляющей. Столь богатый опыт коммуникации китайской культуры и цивилизации необходимо адаптировать под особенности современной эпохи.

Однако в течение длительного времени, из-за слабого понимания рыночной экономики в китайском обществе, они не осознавали огромный потенциал культурных ресурсов, поэтому игнорировались обществом. Из-за

⁴¹⁵ 张志洲。推进中国特色民间外交理论的构建 // 人民网。 – 2017。 [Чжан Чжичжоу. Содействие построению теории народной дипломатии с китайской спецификой // Народная газета。 – 2017.] URL: <https://world.people.com.cn/n1/2017/0516/c1002-29279197.html> (дата обращения: 15.05.2023)

⁴¹⁶ Там же. (дата обращения: 15.05.2023)

⁴¹⁷ Там же. (дата обращения: 15.05.2023)

отсутствия правовой защиты интеллектуальной собственности многие ценные культурные достижения и памятники Китая были использованы другими странами, и они стали инструментами для выхода других государств на международный культурный рынок. Например, китайские классические литературные произведения были адаптированы другими странами, они переформатировались в фильмы и телешоу⁴¹⁸.

На фоне экономической и культурной глобализации развитие и использование культуры не имеет границ⁴¹⁹. Тот, кто сможет воспользоваться возможностью использовать культурные ресурсы, будет иметь преимущества. Как передать достижения традиционной китайской культуры и продвигать ее за границами Китая является большой проблемой, которую Китай должен решить в рамках политики культурной дипломатии⁴²⁰. Результат в значительной степени зависит от того, сможет ли Китай успешно использовать свои собственные культурные преимущества.

В-пятых, развитие культурной дипломатии и коммуникации Китая не соответствует тенденциям современной эпохи. В условиях прихода современного информационного века СМИ, в определенной степени это стало основной площадкой культурной коммуникации с внешним миром, а уровень их развития определяет уровень развития культурной коммуникации страны⁴²¹. Использование средств массовой информации для осуществления культурных обменов с зарубежными странами является важным дипломатическим средством страны⁴²². Китай является крупнейшим потребителем газет, где тираж составляет почти 85 миллионов экземпляров в день, но голос китайских

⁴¹⁸ 张利华。中美欧文化软实力研究 // 知识产权出版社。- 2015。- 223 页。[Чжан Лихуа. Исследование культурной «мягкой силы» Китая, США и Европы // Intellectual Property Press. - 2015. - 223 с.]

⁴¹⁹ 汤锋旺。华侨华人与中国软实力: 概念、方法及理论 // 东南亚研究。- 2013。第 1 期。- 第 73-79 页。[Тан Фэнван. Зарубежные китайцы и «мягкая сила» Китая: концепции, методы и теории // Журнал «Исследования Юго-Восточной Азии». - 2013. №1. - С. 73-79.]

⁴²⁰ 单世联。《软实力》论述中的流行文化 // 文化研究。- 2015。№ 4。- 第 17-25 页。[Дань Шилян. «Мягкая сила» массовой культуры // Культурология. - 2015. №4. - С. 17-25.]

⁴²¹ 通过传媒打造软实力有助于提升国家形象 // 人民网。- 2023。[Создание «мягкой силы» через СМИ может помочь улучшить имидж страны // Народная газета. - 2023.] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1770120388619799864&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 18.12.2023)

⁴²² 李家祥。国家软实力问题研究 // 高等教育出版社。- 2016。- 195 页。[Ли Цзясян. Исследование проблем национальной «мягкой силы» // Higher Education Press. - 2016. - 195 с.]

СМИ практически не слышен в мире. СМИ США когда-то использовали инцидент с атипичной пневмонией для создания большого количества нереалистичных негативных сообщений о Китае, напрямую атаковали политическую систему, сформировав в 2019 г. крупнейшую антикитайскую волну. Поэтому Китаю необходимо уделять все внимание средствам массовой информации, таким как Интернет, газеты и периодические издания, и использовать их, а при столкновении с противоречивыми политическими событиями вовремя проверять и раскрывать правду, что может эффективно смягчить неблагоприятные последствия, вызванные искажением фактов западными СМИ⁴²³.

Кроме того, канал межличностного общения является основным инструментом зарубежного культурного обмена. Если не будет взаимодействия между людьми, не будет плавного продвижения культурной дипломатии⁴²⁴. Форма межличностного общения включает в себя два аспекта: первый – общение между людьми лицом к лицу, включая международные конференции, академические обмены, обучение за границей, спортивные мероприятия, театральные представления и т. д. Второй – культурный обмен между людьми с помощью средств связи, таких как сетевые встречи, электронная почта, факсы, письма и т. д. Межличностное общение является не только основной формой культурного обмена между странами, но и важной частью культурной дипломатии страны, играющей ведущую роль в культурной дипломатии правительства⁴²⁵. Например, на встрече АТЭС в 2001 г. Китай, как страна-организатор, подготовил для представителей стран-участниц Танские костюмы с китайской спецификой. Эта идея быстро вызвала интерес

⁴²³ 邓显超。发展文化软实力的国际经验与中国选择 // 北京：中国政法大学出版社。– 2015。– 265 页。[Дэн Сяньчао. Международный опыт развития культурной «мягкой силы» и выбор Китая // Пекин: Китайский университет политических наук и права。– 2015。– 265 с.]

⁴²⁴ Михневич С.В. Фактор «умной силы» в процессах институционализации международных отношений // Вестник международных организаций. – 2015. Т. 10. № 4. – С. 93–114.

⁴²⁵ 蒋英州。基于政治文化视角的中国国家软实力建设研究 // 北京：中国社会科学出版社。– 2014。– 313 页。[Цзян Инчжоу. Исследование построения национальной «мягкой силы» Китая с политической и культурной точки зрения // Пекин: Академия общественных наук КНР。– 2014。– 313 с.]

международного сообщества и бурные дискуссии о китайской традиционной культуре.

В чем заключаются причины, по которым культурная дипломатия Китая сталкивается с трудностями в новую эпоху? Здесь стоит отметить международные факторы: различия в китайской и западной культурах, политических системах. Западная культура ориентирована на индивидуализм, подчеркивая индивидуальные таланты, и считала, что только упорным трудом люди могут добиться успеха и реализовать свои идеалы. Для сравнения, китайская культура уделяет больше внимания взаимному сотрудничеству между группами, подчеркивая, что люди должны создать коллективное сознание и соблюдать нормы и мораль, согласованные всеми⁴²⁶. Например, концепция «китайской мечты» — это целостное сознание, предложенное национальными лидерами для представления идеалов общества; своего рода сознание, объединяющее идеи и цели, где каждый китаец надеется на великое омоложение китайской нации и процветание Китая.

Как мы все знаем, каждое государство проводит определенные церемонии празднования Национального дня. Китай придает большое значение регулярным военным парадам в честь этого праздника. По сравнению с западными странами масштаб китайских военных парадов больше, а представление более грандиозно. Восприятие и понимание этих праздников в Китае и западном мире радикально отличается. Культурные различия между Китаем и Западом могут стать серьезным препятствием для реализации китайской модели культурной дипломатии⁴²⁷.

Что касается различий в политических системах Китая и Запада, то в работе под редакцией профессора Института международных исследований Университета Чжана Лихуа отмечено, что западные страны всегда имели

⁴²⁶ 胡键。中国软实力研究 // 天津：天津人民出版社。— 2018。— 319 页。[Ху Цзянь. Исследования «мягкой силы» Китая // Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство. — 2018. — 319 с.]

⁴²⁷ 门镜。中国与欧盟的相互认知：媒体的视角 // 北京：社会科学文献出版社。— 2017。— 210 页。[Мэнь Цзин. Взаимное восприятие Китая и ЕС: взгляд СМИ // Пекин: Литературная пресса по общественным наукам. — 2017. — 210 с.]

предрассудки в отношении социалистической системы Китая и его социалистического пути. Для западных политических лидеров и ученых единственной «правильной» системой в мире является система «свободы» и «демократии» в их интерпретации. Другие концепции, включая социализм, рассматриваются как неэффективные и чуждые. Идеологические факторы являются фундаментальной проблемой, из-за которой культурная дипломатия Китая сталкивается с активным противодействием и трудностями⁴²⁸.

Следующей причиной выступает непонимание и искажение имиджа Китая иностранным общественным мнением, которое в основном проявляется в западных СМИ. Повышение уровня жизни позволило большему количеству китайцев путешествовать, выезжать за границу, знакомится с внешним миром. В то же время все больше иностранцев приезжают в Китай, чтобы познакомиться с китайской традиционной культурой. В основном они составляют свое представление о Поднебесной через Интернет и сообщения СМИ. Хотя они заявляют, что информация основана на объективных фактах и настаивают на нейтральности, их сообщения о Китае все же содержат негативные коннотации⁴²⁹. Например, в некоторых фильмах иностранные режиссеры изображали Народно-освободительную армию Китая в образе дьявола. Основные западные СМИ также используют проблему Тайваня и Тибета, чтобы негативно освещать китайское государство и общество. Постоянно педалируется образ Китая как угрозы для либерального мира, что наносит большой ущерб положительному имиджу Китая⁴³⁰.

В условиях глобализации и развития информационных технологий, китайские средства массовой информации выступают в качестве важного

⁴²⁸ 张利华。中美欧文化软实力研究 // 知识产权出版社。— 2015。— 223 页。[Чжан Лихуа. Исследование культурной «мягкой силы» Китая, США и Европы // Intellectual Property Press. — 2015. — 223 с.]

⁴²⁹ 孙楠。文化软实力视域下的创意产品 // 长春：东北师范大学出版社。— 2018。— 234 页。[Сунь Нань. Креативные продукты с точки зрения культурной «мягкой силы» // Чанчунь: Издательство Северо-восточного педагогического университета. — 2018. — 234 с.]

⁴³⁰ 门镜。中国与欧盟的相互认知：媒体的视角 // 北京：社会科学文献出版社。— 2017。— 210 页。[Мэнь Цзин. Взаимное восприятие Китая и ЕС: взгляд СМИ // Пекин: Литературная пресса по общественным наукам. — 2017. — 210 с.]

источника распространения культурного влияния на другие⁴³¹. В Китае создана медиа-система для распространения информации за рубежом, состоящая из новостного агентства Синьхуа, Центрального телевидения Китая (ССТV) и Международного радио Китая (CRI). СМИ Китая хотя и охватывают широкий спектр областей, тем не менее не имеют достаточной силы и влияния, чтобы конкурировать с западными глобальными СМИ как лидерами в этой области⁴³². Обобщая, можно отметить три неблагоприятных фактора: во-первых, в Китае отсутствует система свободного дискурса. КНР часто попадает в ловушку проблем, поставленных другими государствами, и занимает пассивную позицию в конкуренции по международным вопросам, что имеет большие ограничения в построении и использовании собственной дискурсивной силы; во-вторых, основные западные СМИ по-прежнему имеют предубеждения по отношению к Китаю. Западные страны монополизировали средства массовой информации благодаря своей сильной экономической мощи и поддержке США. Они не только контролируют связь и коммуникационные технологии, но также поток информации и культуры. В-третьих, собственные средства массовой информации Китая не имеют серьезные позиции в мире. Влияние внешних коммуникаций китайских СМИ слабое, и выйти на международный медиарынок очень сложно. Более того, в СМИ Китая всегда доминировали центральные СМИ, с преобладанием политизированной информации, которую внешней аудитории очень трудно понять⁴³³.

Хотя Китай является крупным культурным производителем в мире, влияние китайской культуры весьма незначительно: например, по сравнению с влиянием иностранной литературы на Китай влияние китайской литературы относительно невелико. Ключом к решению этой задачи может быть владение

⁴³¹ 佟东、韩丽雯。文化产业研究新论 // 北京: 经济管理出版社。 – 2018。 – 247 页。 [Тун Дун, Хан Ливэнь. Новые исследования индустрии культуры // Пекин: Economic Management Press. – 2018. – 247 с.]

⁴³² 胡键。中国文化软实力评估及增进方略研究 // 天津: 天津人民出版社。 – 2020。 – 295 页。 [Ху Цзянь. Исследование по оценке и стратегиям расширения культурной «мягкой силы» Китая // Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство. – 2020. – 295 с.]

⁴³³ Nye J. (Jr). Soft power and great-power competition: shifting sands in the balance of power between the United States and China // Springer. – 2023. – 310 p.

авторскими правами, инновации и креативность продукта. Таким образом, культурные продукты, в которых отсутствуют инновации и хорошие идеи, вообще не конкурентоспособны и не способствуют экспорту культуры⁴³⁴. Культурная индустрия Китая пока не является ключевой частью политики «мягкой силы». Важным аспектом выступает то, может ли культура иметь реальную привлекательность. Серьезная нехватка оригинальных культурных продуктов, низкое качество и слабая привлекательность являются актуальными факторами культурного экспорта.

В настоящее время в деятельности Китая по обмену зарубежными культурами также существует много проблем, наиболее серьезными из которых являются нехватка подготовленных людей талантов для иностранной культурной коммуникации⁴³⁵. Существует серьезная нехватка квалифицированных преподавателей для международного продвижения китайского языка. Ведь изучая китайский язык, ускоряется процесс распространения китайской культуры во внешний мир. Институт Конфуция, как инструмент «мягкой силы» становится все более известным за рубежом. Однако ощущается нехватка профессиональных преподавателей китайского языка как иностранного. Кроме того, отсутствие качественной подготовки переводчиков также приводит к негативным результатам.

Таким образом, по мере того как Китай продолжает вести культурные и идеологические диалоги и обмены с другими странами мира в новую эпоху, все больше людей узнают и понимают современный Китай, где он вносит большой вклад в продвижение ценностей своей культуры. Правительство активно участвует в мероприятиях по культурному обмену с зарубежными странами, привнося новую жизненную силу в культурную дипломатию Китая. Неправительственные организации также выступают в качестве инструмента

⁴³⁴ 佟东、韩丽雯。文化产业研究新论 // 北京：经济管理出版社。— 2018。— 247 页。[Тун Дун, Хан Ливэнь. Новые исследования индустрии культуры // Пекин: Economic Management Press. — 2018. — 247 с.]

⁴³⁵ 吧 v 周庆智。以文化交流增强中华文明传播力 // 中国社会科学报。— 2023。[Чжоу Цинчжи. Усиление коммуникационной мощи китайской цивилизации посредством культурного обмена // China Social Sciences Journal. — 2023.] URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202304/t20230417_5620440.shtml (дата обращения: 13.08.2023)

по продвижению «мягкой силы», но здесь существует ряд проблем и трудностей. Являясь неотъемлемой и важной частью общей дипломатии страны, культурная дипломатия может не только заложить прочную основу для поддержания мирных и дружественных отношений между странами, но и способствовать общему процветанию. Хотя Китай добился определенных успехов в области культурной дипломатии, существуют также и некоторые недостатки в этой сфере, с которыми КНР предстоит справиться.

3.2. Институты Конфуция как инструмент китайской культурной стратегии

Одним из наиболее успешных продуктов китайского культурного влияния за пределами КНР начиная с 2004 г. стала глобальная сеть институтов Конфуция. Первый из них был открыт в Южной Корее, а вслед за тем аналогичные институты появились и в других странах, включая Российскую Федерацию. За последующие двадцать лет численность институтов Конфуция за рубежом постоянно росла, достигнув за первые пять-семь тысячи. При этом общее количество иностранцев, вовлеченных в сеть институтов, в начале 2010-х гг. перевалила за 100 миллионов человек.

Будучи одним из мировых институтов языковой и культурной коммуникации, Институт Конфуция (ИК) играет активную роль в удовлетворении глобального спроса на китайский язык, принимает участие в культурном обмене между Китаем и зарубежными странами и международном сотрудничестве в сфере высшего образования. Функции и ценность исследований ИК также становятся все более заметными. Институты Конфуция были созданы для продвижения интереса к Китаю к китайской культуре за рубежом. Их основными задачами стали популяризация китайского языка и культуры, организация студенческих стажировок в Китае, проведение научных конференций, подготовка к печати китайской литературы, в том числе учебников. Создание международной сети институтов Конфуция – это первый успешный пример китайской культурной стратегии, который

курируется непосредственно китайским государством, в частности Министерством образования КНР.

В своей официальной риторике администрация институтов Конфуция заявляет о готовности сотрудничества с местными университетами и культурными учреждениями. При этом институты Конфуция выступают партнерами китайского бизнеса за рубежом и в рамках организуемых ими культурных мероприятий становятся площадкой для продвижения китайских коммерческих интересов. Наряду с этим институты Конфуция вовлечены в процесс формирования мышления у населения принимающих стран, прежде всего у молодежи. Продвигая китайский язык и поощряя интерес населения других стран к Китаю, институты Конфуция по подобию западных, турецких и иных аналогичных институтов формируют огромную армию лиц, дружелюбно настроенных по отношению к Китаю и потенциально не готовых к конфронтации с Китаем. В строгом соответствии с «искусством войны» Сунь-цзы институты Конфуция добиваются победы над своими потенциальными противниками без боя. Кроме того, можно сказать о том, что посредством культурно-образовательных мероприятий, осуществляемых этими институтами, успешно достигается решение задачи по «умиротворению варваров», которую ставили перед собой китайские власти в прежние времена.

Однако, несмотря на богатую историю и культурное наследие страны, Китай сталкивается с ограничениями в распространении своей культуры за пределы национальных границ. В связи с этим, активное продвижение культурных ценностей на международном уровне приобретает особую важность. Усиление «мягкой силы» и улучшение образа страны представляют собой главные цели, которые могут быть достигнуты в том числе и через культурный диалог⁴³⁶. В этом контексте, ИК выполняет роль первого канала китайского правительства в процессе активного продвижения

⁴³⁶ 舒俊。 中国文化软实力研究的回顾与思考 // 文化软实力。 – 2017。 – 第 32-39 页。 [Шу Цзюнь. Ретроспектива и размышления об изучении «мягкой силы» китайской традиционной культуры // Журнал «Мягкая сила» культуры. – 2017. С. 32-39.]

своей культуры и интересов⁴³⁷. Уникальная возможность представления собственных традиций, истории и искусства за пределами страны открывает новые перспективы и позволяет улучшить образ Китая в глазах международного сообщества⁴³⁸.

Институт Конфуция не является университетом в общем смысле, а выступает в роли учреждения по обмену для продвижения китайского языка и распространения китайской культуры. В целях продвижения китайской культуры китайское правительство в 1987 г. учредило «Канцелярию международного совета китайского языка», сокращенно называемую «Ханьбань»⁴³⁹.

Институт Конфуция был создан на основе опыта культурных учреждений, расположенных за рубежом в других странах мира⁴⁴⁰. Официальное начало лингвополитической деятельности Китая за рубежом приходится на 21 ноября 2004 г., когда был создан первый в мире ИК. Эта инициатива Китая была вдохновлена опытом Великобритании, Франции, Германии и Испании, которые успешно продвигали свои национальные языки за границей. Международное признание Института Конфуция подтверждается его основанием в Южной Корее – первой стране, где было

⁴³⁷ 王岳川、张西平、张梧华。教育：国家软实力提升的助推器 // 中华人民共和国教育部。– 2013。 [Ван Юэчуань, Чжан Сипин, Чжан Ухуа. Образование: стимул для совершенствования национальной «мягкой силы» // Министерство образования Китайской Народной Республики. – 2013.] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/s7093/s7193/s7196/s7197/201303/t20130318_148753.html (дата обращения: 12.09.2023)

⁴³⁸ 叶英。从外媒报道看孔子学院的海外形象 // 四川大学学报 (哲学社会科学版)。– 2015。– 第 48-57。 [Е Ин. Взгляд на имидж институтов Конфуция за рубежом через призму иностранных СМИ // Журнал Сычуаньского университета (философия и социальные науки). – 2015. – С. 48-57.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2015&filename=SCDZ201503006%20&v=FjuSHTIYXrBWIrDJ0nkwinVZYbUYa1DhldrZX%25mmd2B77BlG9s1WYT6m10DqH4nKh6o%25mmd2F9> (дата обращения: 12.01.2024)

⁴³⁹ 秦榆。孔子学院：孔子的忠恕之道。– 北京：中国长安出版社，2006。– 275 页。 [Цинь Ю. Институт Конфуция: Путь Конфуция преданности и великодушия. – Пекин: Издательство Китай Чаньань. – 2006. – 275 с.]

⁴⁴⁰ 林航、邱丹妮、林锴。“一带一路”视域下孔子学院对中国文化软实力的影响——基于中国文化输出的数据 // 福建师范大学协和学院文化贸易研究中心。– 2018。– 第 27-34 页。 [Лин Хан, Цю Данни, Лин Кай. Влияние институтов Конфуция на «мягкую силу» китайской культуры в контексте инициативы «Пояс и путь». Данные экспорта китайской культуры // Издательство Педагогического университета Фуцзянь. – 2018. – С. 27-34.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2018&filename=ZJSR201805007%20&v=HVvukYSeg4nGcETtQXw%25mmd2F8mtwab7IAU16rZbQHZNOkz%25mmd2FLTwtaxRTfbbEoQitF2G> (дата обращения: 09.07.2022)

создано подобное специальное культурно-просветительное и образовательное учреждение⁴⁴¹.

10 октября 2012 года Министерством образования КНР был опубликован «План развития Института Конфуция (2012-2020 годы)». Целью Плана выступает «дальнейшего укрепления строительства Институтов Конфуция, содействие образовательным обменам и сотрудничеству между Китаем и зарубежными странами, полного раскрытия роли Институтов Конфуция как всеобъемлющей платформы культурного обмена и продвижения китайской культуры в мире»⁴⁴².

В Плате указаны статистические материалы и проблемы, которые существуют: «... к концу 2011 года в 105 странах было создано 358 Институтов Конфуция и 500 классов Конфуция в начальных и средних школах, в которых зарегистрировано 500 000 учащихся. В то же время нынешнее развитие Институтов Конфуция не может полностью удовлетворить глобальный спрос на изучение китайского языка. Существует недостаточное количество высококвалифицированных профессиональных преподавателей, нехватка соответствующих учебных материалов»⁴⁴³. Ядром выступает китайский язык, который является инструментом «глобального выхода культуры Китая и вносит должный вклад в развитие дружественных отношений между Китаем и зарубежными странами»⁴⁴⁴.

Согласно документу, КНР наметила следующие цели в рамках продвижения ИК: «... создать систему обучения и управления человеческими ресурсами; усовершенствовать международную систему учебных материалов и учебных ресурсов по китайскому языку; модернизировать систему международных экзаменов по китайскому языку; активно проводить

⁴⁴¹ 洪晓楠. 孔子学院的发展历程与文化意蕴 // 文化学刊. – 2011. 第 5 期. – 第 30-41 页. [Хун Сяонань. История развития и культурное значение Института Конфуция // Культурный журнал. – 2011. № 5. – С. 30-41.]

⁴⁴² 孔子学院发展规划 (2012–2020 年) // 中华人民共和国教育部. – 2012. [План развития Института Конфуция (2012-2020 годы). – Министерством образования КНР. – 2012.] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201302/t20130228_148061.html (дата обращения: 02.09.2024)

⁴⁴³ Там же. (дата обращения: 02.09.2024)

⁴⁴⁴ Там же. (дата обращения: 02.09.2024)

мероприятия по культурному обмену между Китаем и зарубежными странами; выделить приоритеты развития и улучшить качество и уровень работы школ»⁴⁴⁵.

На втором заседании Центральной руководящей группы по всестороннему углублению реформы, состоявшемся 23 января 2018 г., были подняты и одобрены «Руководящие принципы по содействию реформе и развитию Институтов Конфуция». В данном документе указывается на «необходимость акцентировать внимание при развитии ИК на создании социалистической культуры, отвечающей специфике Китая, а также на целях служения дипломатии великой державы, углублении реформ и стимулировании инноваций, усовершенствовании механизма функционирования, оптимизации системы распределения и повышении качества образовательной работы»⁴⁴⁶.

В 2019 г. был опубликован документ «Модернизация образования Китая до 2035 г.» Министерством образования Китая. В нем говорится о необходимости создания высокоуровневого механизма культурного обмена между Китаем и зарубежными странами⁴⁴⁷.

В 2019 г. произошло создание китайского международного образовательного фонда, который включает в себя 27 университетов и организаций, занимающихся функционированием Института Конфуция. Центр обмена и сотрудничества между китайским и иностранным языками теперь функционирует на месте штаб-квартиры Института Конфуция, а название «Ханьбань» ушло в прошлое.

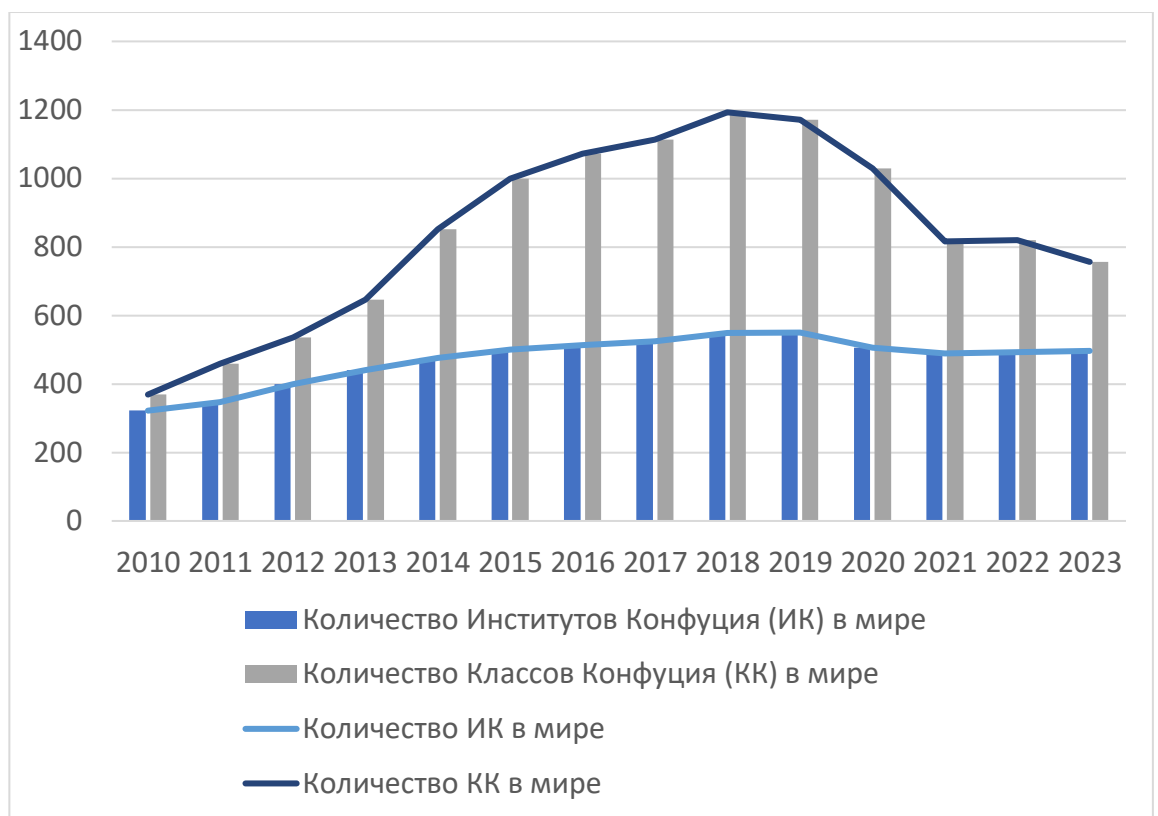
⁴⁴⁵ 孔子学院发展规划（2012–2020年）... (дата обращения: 02.09.2024)

⁴⁴⁶ 习近平。中央全面深化改革领导小组第二次会议上的发言（习 Цзиньпин. Выступление на втором заседании Центральной руководящей группы по всестороннему углублению реформы, 23 января 2018). [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-01/23/content_5259818.htm (дата обращения: 29.09.2021)

⁴⁴⁷ 中国教育现代化 2035 // 新华社。 – 2019。 [Модернизация образования Китая до 2035 г. // Информационное агентство Синьхуа. – 2019.] URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367987.htm (дата обращения: 29.09.2021)

Далее, был проведен анализ годовых отчетов Института Конфуция о развитии за 2020 г.⁴⁴⁸, 2021 г.⁴⁴⁹, 2022 г.⁴⁵⁰, 2023 г.⁴⁵¹ и Министерства образования КНР⁴⁵². Результаты исследования приведены в следующих таблицах:

График 1. Динамика количества Институтов Конфуция и Классов Конфуция (2010 г. – 2023 г.)

⁴⁴⁸ 孔子学院年度发展报告 2020 [Годовой отчет о развитии Института Конфуция за 2020 год] URL: <https://ci.cn/gywm/nb/6ae806ae-448f-47c6-960a-a5884deb8501> (дата обращения: 04.09.2024)

⁴⁴⁹ 孔子学院年度发展报告 2021 [Годовой отчет о развитии Института Конфуция за 2021 год] URL: <https://ci.cn/gywm/nb/db8e7611-8c24-46c7-bc0a-830fa10d5b1c> (дата обращения: 04.09.2024)

⁴⁵⁰ 孔子学院年度发展报告 2022 [Годовой отчет о развитии Института Конфуция за 2022 год] URL: <https://ci.cn/gywm/nb/b3267e90-4b4e-4dc0-8de8-04128c6164e1> (дата обращения: 04.09.2024)

⁴⁵¹ 孔子学院年度发展报告 2023 [Годовой отчет о развитии Института Конфуция за 2023 год] URL: <https://ci.cn/gywm/nb/15ac77fe-0c40-4c32-8f5a-4b3a3f0f149c> (дата обращения: 04.09.2024)

⁴⁵² 中华人民共和国教育部公报 [Коммюнике Министерства образования КНР] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/gk_gbgg/moe_0/2024/ (дата обращения: 04.09.2024)

Таблица 1. Общая информация

	Количество Институтов Конфуция по всему миру	Количество Классов Конфуция	Количество стран и регионов, где имеются Институты Конфуция и Классы Конфуция
2020	506	1030	160
2021	489	817	158
2022	492	819	160
2023	496	757	160

Тенденция из года в год неоднозначная, но в срезе нескольких лет определенная динамика прослеживается достаточно ясно. Зафиксированы следующие результаты: если брать упомянутый выше план развития (на 2012-2020 гг.), то показатели распространения Институтов и Классов Конфуция к 2020 г. значительно превысили значения, имеющиеся на момент утверждения плана. Однако статистика, начиная с 2019 г., показывает убывающие значения. (граф. 1). Так, за последние несколько лет основное снижение пришлось на количество действующих Классов Конфуция, тогда как количество Институтов Конфуция и охват регионов в целом остается на том же уровне, что и в 2020 году (граф.1 и таб. 1).

Если говорить о количестве ИК и КК, приходящихся на конкретные регионы, то стабильные (с незначительной положительной динамикой) показатели относятся к странам Европы, Африки, Азии и Океании, тогда как заметное уменьшение показателей прослеживается на территории Америки (таб. 2). Этот момент заслуживает внимание исследователей китайско-американских отношений и не менее актуален для темы данного исследования.

Таблица 2. Количество Институтов Конфуция по регионам мира

	2021		2022		2023	
	Инстит. Конфуция	Классы Конфуция	Инстит. Конфуция	Классы Конфуция	Инстит. Конфуция	Классы Конфуция
Азия	135	112	137	112	143	111
Африка	63	46	64	46	67	46
Европа	180	332	184	335	183	332
Америка	92	249	88	249	84	193
Океания	19	78	19	77	19	75

На данный момент большой упор китайской стороной делается на проводимые мероприятия. К 2023 г. значительно возросло количество стажировок и лагерей (в рамках культурного обмена) и их участников, а также количество тематических конференций. Что касается постоянной деятельности: хотя число запущенных курсов может значительно варьироваться с каждым учебным годом, контингент достаточно стабилен (таб. 3). Данная статистика показательна в вопросе успешности внешнеполитической стратегии КНР.

Таблица 3. Информация о количестве студентов и проведенных мероприятиях в Институтах Конфуция

	2020	2021	2022	2023
Курсы	50.000	78.000	79.000	40.000
Зарегистрированные студенты	1.200.000	1.050.000	1.500.000	1.250.000
Мероприятия по культурному обмену	18.000	16.747	25.022	24.982
Участники в мероприятиях по культурному обмену	4.700.000	10.268.000	20.884.000	22.600.000
Конференции	1000	1.518	1.367	4.327
Участники в конференциях	190.000	160.000	169.000	170.000

По охватам интернет-ресурсов: заметно возрос общественный интерес к деятельности Института Конфуция, о чем свидетельствует количество просмотров официального сайта ИК. Вместе с этим по отношению к Институту Конфуция замечен всплеск активности в китайской социальной сети WeChat. Можно предположить, что основной приток пользователей приходится именно на иностранных слушателей, т.к. WeChat приобретает все большую популярность у иностранцев. Тем временем как менее известный за пределами Китая Weibo показывает снижение по просмотрам (таб. 4).

Таблица 4. Информация о социальных сетях

	2021	2022	2023
Посетившие официальный сайт ИК	258.400	530.000	860.000
Просмотры на официальном сайте ИК	720.000	2.000.000	3.000.000
Подписчики в сети Weibo	72.700	74.500	70.000
Просмотров в сети Weibo	6.613.000	4.488.900	2.580.000
Подписчики в сети WeChat	22.000	40.900	60.000
Статьи в сети WeChat	515	429	399
Простмотры в сети WeChat	316.000	491.000	490.000

Пожертвования Институту Конфуция также носят стихийный характер, зависящий не столько от планов на развитие, сколько от внешних (в том числе политических) факторов, и заслуживает отдельных исследований о влиянии общественных (локальный и глобальных) процессов на политику мягкой силы (таб. 5).

Таблица 5. Объем пожертвований Институту Конфуция

	2020	2021	2022	2023
Объем финансового пожертвования со стороны китайских и зарубежных партнеров (в юанях)	70.000.000	28.000.000	80.484.500	19.820.000
Объем пожертвования в натуральной форме со стороны китайских и зарубежных партнеров (в юанях)	Нет данных	10.000.000	21.067.700	7.020.000

Помимо преподавания, Институт Конфуция также сотрудничает с местными университетами и культурными учреждениями для совместного осуществления китайско-иностранных культурных обменов и совместных исследований. Эти мероприятия не только способствуют укреплению взаимопонимания между Китаем и зарубежными странами, но и обеспечивают мощную поддержку сотрудничества в области культуры, образования и бизнеса.

Одной из главных целей ИК является увеличение «мягкой силы» Китая за рубежом и расширение его культурного влияния⁴⁵³. Также сеть ИК направлена на повышение присутствия Китая в целевых странах и формирование положительного восприятия политики КНР и ее имиджа международным сообществом и обществами различных государств⁴⁵⁴.

⁴⁵³ 林航、邱丹妮、林锴。“一带一路”视域下孔子学院对中国文化软实力的影响——基于中国文化输出的数据 // 福建师范大学协和学院文化贸易研究中心。— 2018。— 第 27-34 页。 [Лин Хан, Цю Данни, Лин Кай. Влияние институтов Конфуция на «мягкую силу» китайской культуры в контексте инициативы «Пояс и путь». Данные экспорта китайской культуры // Издательство Педагогического университета Фуцзянь. — 2018. — С. 27-34.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2018&filename=ZJSR201805007%20&v=HVvukYS5eg4nGcETtQXw%25mmd2F8mtwab7IAU16rZbQHZNOkz%25mmd2FLTwtaxRTfbbEoQitF2G> (дата обращения: 09.07.2022)

⁴⁵⁴ 连大祥。孔子学院对中国出口贸易及对外直接投资的影响 // 中国人民大学学报。— 2012。— 第 88-98 页。 [Лянь Дасян. Влияние институтов Конфуция на экспортную торговлю Китая и прямые иностранные инвестиции // Журнал Университета Жэньминь Китая. — 2012. — С. 88-98.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2012&filename=ZRD201201014&v=2%20%25mmd2Bc3gbY190%25mmd2FvZ%25mmd2F%25mmd2BVmOJz3J%25mmd2FfXpBlLhA51d9W7riyK6u22W%20Uur3wtHWW9y88y36PB> (дата обращения: 03.07.2022)

Популяризация образа Китая в мире является еще одной стратегической целью ИК. Она также направлена на противодействие конкурентам в соответствующих областях, как на государственном уровне, так и среди зарубежной китайской диаспоры, которая не поддерживает официальные власти КНР. Это позволяет Китаю укрепить свою позицию на мировой арене.

Однако Институты Конфуция не лишены противоречий. Некоторые эксперты считают, что Институт Конфуция — это инструмент, используемый китайским правительством для продвижения своей собственной идеологии и интересов, и задаются вопросом, может ли он действительно достичь целей культурного обмена и взаимопонимания, которые продвигает. Кроме того, некоторые эксперты также подвергли сомнению Институт Конфуция с точки зрения академической свободы, свободы слова и качества преподавания⁴⁵⁵.

Согласно исследованию, проведенному экспертами, анализирующими отчеты об Институтах Конфуция с 2000 по 2013 гг., было выявлено, что 35,3% из них содержали негативные оценки, 31,4% были нейтральными, а 27,5% представлялись положительными. Этот вывод противоречит заявлению профессора А. Крисмы из Болонского университета, который утверждал, что Институты Конфуция проводят свою деятельность с целью исключения спорных и проблемных вопросов из публичного обсуждения, чтобы установить цензуру неприятных для Китая тем⁴⁵⁶.

В качестве инструментов, используемых для обеспечения национальной безопасности КНР, институты Конфуция, безусловно, являются удачным китайским изобретением. Тем не менее воплощаемая в

⁴⁵⁵ 王宾。美要求孔子学院美国中心登记为“外国使团” 外交部：强烈不满坚决反对 // 新华网新闻。— 2020。 [Ван Бинь. Соединенные Штаты требуют, чтобы американский центр Института Конфуция зарегистрировался в качестве «иностранный миссии» Министерства иностранных дел: категорически недоволен и выступает против // Информационное агентство Синьхуа. — 2020.] URL: http://www.xinhuanet.com/2020-08/14/c_1126370069.htm (дата обращения: 01.10.2021)

⁴⁵⁶ Муратшина К.Г., Романова Е.В. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» КНР во взаимоотношениях с Итальянской Республикой на современном этапе // Алтайская школа политических исследований. — 2017. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4275> (дата обращения: 29.09.2022)

их деятельности стратегия «мягкой силы» хорошо угадывается и другими участниками международных отношений. Особенно хорошо в этом качестве институты Конфуция были распознаны в США. На протяжении последних 10-15 лет их деятельность неоднократно подвергалась критике, а сами институты массово закрывались. В условиях растущего экономического и геополитического соперничества между США и Китаем, ставшего особенно очевидным с 2016 г., политика властей США в отношении китайских институтов Конфуция стала еще одной из форм стратегического соперничества между этими глобальными державами.

В Азии Институт Конфуция активно проводит свою деятельность и имеет положительное восприятие, связанное с культурой и именем Конфуция. Основной задачей для ИК в азиатских странах, является обучение языку, в то время как в западных государствах китайское правительство стремится преодолеть недопонимание о Китае, используя для этого сеть ИК.

В Африке активно развиваются Институты Конфуция, привлекая все большее количество желающих африканцев изучать китайский язык. В результате, заинтересованным африканцам предоставляются возможности для получения образования и профессионального роста, что способствует развитию страны в целом⁴⁵⁷. Интеграция китайского языка в африканскую национальную систему образования является важным символом глобального распространения китайского языка. Это также эффективный способ помочь зарубежной молодежи узнать, понять и сблизиться с Китаем.

Сюй Линь, директор «Канцелярии международного совета китайского языка», заявил, что Институт Конфуция стал самым ярким брендом, олицетворяющим «мягкую силу» Китая. Институт Конфуция – это символ стратегии «глобального выхода» современного Китая. Он играет важную

⁴⁵⁷ 李宝贵。汉语正走进非洲——为中非世代友好持续培养新生力量 // 光明日报。 – 2019。 [Ли Баогуй. Китайский язык проникает в Африку – Постоянно возвращаем новые силы для вечной дружбы между Китаем и Африкой // Guangming Daily. – 2019.] URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2019-12/05/33375827.html> (дата обращения: 08.10.2021)

роль в расширении влияния китайской культуры и совершенствования «мягкой силы»⁴⁵⁸.

Власти КНР полностью контролируют создание и деятельность культурных центров. Это позволяет защитить интересы страны и сохранить ее репутацию, создавая институты, соответствующие стандартам и требованиям. Однако, тесные связи с государством и КПК ограничивают их гибкость и приспособляемость к рыночным условиям и вызывают волнение в государствах, где они создаются.

3.3. Экспертно-аналитические центры нового типа как инструмент распространения китайского культурного влияния

До того, как Китай осознал необходимость распространять своё видение мировых событий для достижения успехов во внутренней и международной политике (конец 1980-х — начало 1990-х годов), значительным и преуспевающим примером для заимствования опыта служили Соединенные Штаты. Китай начал с обращения к западным идеологическим концепциям и адаптировал для себя теорию «мягкой силы» Джозефа Ная. В 1990-х существовало убеждение, что победа США в холодной войне была обеспечена именно благодаря их «мягкой силе», в основном за счет привлекательности повседневного американского образа жизни, культуры и привычек.

Важным этапом стал период 2000-х гг., когда благодаря «мягкой силе» Китай достиг больших результатов. В частности, это отражается в стремительном создании сети Институтов Конфуция. Очевидной, хоть и неявно заявленной, целью предпринимаемых действий являлось создание благоприятного образа Китая на международной арене, а также разрешение дипломатических задач без применения давления или принуждения. Различные проекты, финансируемые из китайских государственных средств, продолжают пользоваться высокой популярностью среди зарубежных

⁴⁵⁸ 秦榆。孔子学院：孔子的忠恕之道。—北京：中国长安出版社，2006。—275页。[Цинь Ю. Институт Конфуция: Путь Конфуция преданности и великодушия. — Пекин: Издательство Китай Чанъань. — 2006. — 275 с.]

участников. Однако степень, в которой иностранные стипендиаты осваивают китайские культурные ценности и их готовность поддерживать интересы Китая в будущем, все еще остается дискуссионной темой.

В результате, в 2010-х гг. китайская «мягкая сила» начал подвергаться активному обсуждению. Сомнения в ее эффективности были не беспочвенными. Здесь можно отметить несколько факторов. Во-первых, создание положительного образа Китая и участие его в различных гуманитарных проектах воспринималось в ряде западных СМИ как появление нового соперника. В качестве доказательства можно привести примеры, связанные с появлением в международном новостном пространстве рассуждений на темы «китайская угроза», «столкновение цивилизаций», «сдерживание Китая». Во-вторых, недостаточно адаптированная традиционная китайская культура была сложна для понимания иностранцами базовых концепций. Это осложнялось наличием пропаганды социалистических устоев, которые просто непонятны для современного человека на Западе, а в некоторых случаях вызывали отторжение.

На фоне усиленного информационного давления, исходящего с Запада, Китай продолжает искать новые методы, которые смогли бы эффективно защитить его национальные интересы на глобальном уровне. При этом Китаю приходится необходимостью конкурировать с соперником, обладающим большей информационной, дипломатической и культурной мощью, каковыми являются США и следующие за ними американские сателлиты из числа европейских стран, Японии, Канады, Австралии и т.д. Отдавая себе в этом отчет, китайское руководство признает, что даже процветающий и экономически укрепившийся Китай имеет свои уязвимые стороны. Этот поиск начался, прежде всего, с осознания Китаем того, что он больше не может быть таким, как раньше. При этом следует отметить, что это осознание было вызвано культурными стратегиями самого Запада — антикитайской риторикой в глобальных западных СМИ, политикой санкций и тарифов в отношении китайских товаров, назначением Китая на роль главного геополитического

противника США в рамках американской доктрины национальной безопасности. Таким образом, под этим всесторонним западным давлением Китаю сегодня приходится заниматься осмыслением собственного места в системе международных отношений. По этой же причине Китай стремится рассказать остальному миру о себе и своем месте на международной арене.

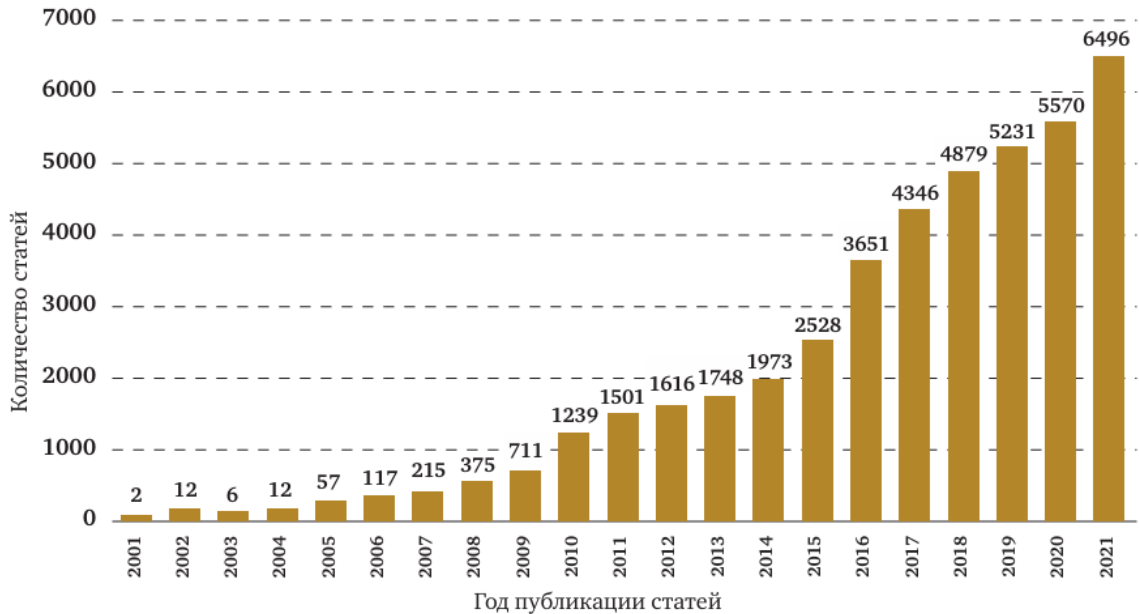
С тех пор как в начале XX века швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр предложил концепцию «дискурса», ученые из разных областей науки провели разные исследования значения дискурса. В китайском экспертном сообществе наибольшую популярность в трактовке дискурса вызвала концепция Мишеля Фуко, который и предложил теорию «дискурсивной силы». Но идеи Фуко не в полной мере брались за основу со стороны китайских исследователей. На самом деле, можно встретить только два термина, которые активно используются – «дискурс» и «дискурсивная сила».

«Дискурсивная сила» относится не только к силе речи, но и к связанным с ней категориям речи, таким как субъект, объект, содержание, средство речи и т.д. В сложной структуре международной политики «дискурсивная сила» также проявляется в достоверности, привлекательности и способности формировать национальный имидж. В публичной дипломатии, международных коммуникациях и других видах деятельности «дискурсивная сила» – это способность распространять национальные ценности и идеологию, выражать позицию по глобальным делам и национальным интересам, тем самым получая признание на международном уровне, направляя и влияя на общественное мнение⁴⁵⁹.

По данным реферативной базы CNKI, первое упоминание «международной дискурсивной силы» относится к 2001 г. Интересно, что частота использования данных терминов с каждым годом растет быстрыми темпами (Рис. 1).

⁴⁵⁹ Bai Tianyi. Assessing China's Discursive Power: The Concept and Its Effect / Proceedings of the 2021 International Conference on Education, Language and Art (ICELA 2021). – Atlantis Press. – 2022. – P. 1095-1098.

Рис. 1. Упоминания «дискурсивной силы» в научных статьях, индексируемых китайской базой CNKI (2001–2021)⁴⁶⁰

В области международного дискурса западный дискурс стал доминирующей силой благодаря своему сильному политическому, экономическому, культурному и социальному капиталу. Китайский дискурс может только корректировать свою собственную текстовую стратегию и стремиться к укреплению диалога и сотрудничества и достижению взаимной выгоды путем поиска общих интересов сторон. Кроме того, чтобы повысить способность к равноправному диалогу, необходимо использовать метод выражения, близкий к когнитивной карте и культурным привычкам другой стороны. Эта близость выражения как раз и является объективным требованием «дискурсивной силы». Здесь можно наблюдать тенденцию переориентации Китая от «мягкой силы» к дискурсивной. Конечно, это не означает полного отказа от использования Китаем инструментов «мягкой силы» для формирования позитивного имиджа страны за рубежом.

Одним из инструментов «дискурсивной силы» в реализации культурных стратегий Китая являются различные экспертно-аналитические центры. В

⁴⁶⁰ Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР / Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Институт международных исследований. — Москва: МГИМО-Университет, 2022. — С 13.

работе будет использоваться термин «аналитический центр» или «экспертно-аналитический центр» как синоним понятия на английском языке «think-tank» или, как еще часто переводят на русский язык, «мозговые центры». Конечно, в китайском языке существует такой же термин «zhìkù» 智库, что дословно означает «хранилище мудрости».

Наряду с практикой культурной дипломатии, использованием СМИ и продвижением по всему миру институтов Конфуция Китай в последнее время занялся апробацией еще одной культурной стратегии. Она связана с продвижением положительной информации о Китае посредством экспертно-аналитических центров нового типа. Обращение китайских властей к тому инструменту обеспечения национальной безопасности является не случайным.

Аналитический центр относится к независимому учреждению или организации, занимающимся исследованиями в области политики, экономики, культуры, вопросами в области социальной жизни, которые обеспечивают исследовательскую поддержку в процессе разработки общественно-политического курса государства. В настоящее время развитие мозговых центров в разных странах вступило в активно развивающийся период, но в то же время они сталкиваются и с некоторыми проблемами. Например, как идти в ногу со временем и как реагировать на все более сложную международную ситуацию в условиях глобализации⁴⁶¹.

За последние десять лет КНР проделала серьезную работу по развитию и созданию системы экспертно-аналитических центров нового типа, задача которых разрабатывать не только объективную аналитику по внутри- и внешнеполитическим вопросам, но и предоставлять различные планы развития и эффективные инструменты для выстраивания политического, экономического, социального и культурного курса государства. Ускорение

⁴⁶¹ 陈明琨。中国特色新型智库建设的理与路 // 中国社会科学报。— 2021。[Чэнь Минкунь. Обоснование и путь создания новых аналитических центров с китайской спецификой // China Social Sciences Journal. — 2021.] URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2021-02/05/34600700.html> (дата обращения: 16.03.2024)

строительства аналитического центра нового типа является важным направлением деятельности партии и страны на ближайшее десятилетие.

В 2010-е гг. было создано большое количество центров, прежде всего открытых, при известных университетах Китая, но какой-то весомой роли в государственных делах они не играли. Подобные аналитические центры встречаются и сейчас в 2020-х гг., и как правило именно они зачастую осуществляют сотрудничество с партнерами из России. Но, следует сказать, что университетские think-tanks обладают уникальными преимуществами, такими как солидный академический состав и богатые интеллектуальные ресурсы. Уже с 2013 г. председатель Си Цзиньпин предложил создать аналитические центры «нового типа с китайской спецификой»⁴⁶². С приходом Си Цзиньпина китайскому правительству было необходимо сформировать экспертно-аналитическое обеспечение, которое соответствовало бы новому курсу председателя Си в характерной для Китая манере.

27 октября 2014 г. на шестом заседании Центральной руководящей группы по всестороннему углублению реформ были рассмотрены «Мнения об усилении строительства новых аналитических центров с китайской спецификой», включающие 6 частей и 26 статей⁴⁶³. Среди основных положений этого документа стоит отметить следующее:

1. Центры являются поддержкой для партии и правительства в принятии решений; выступают в роли инструмента модернизации национальной системы управления; являются важной частью по распространению «мягкой силы» страны (идеология и культура); все

⁴⁶² 南京大学中国智库研究与评价中心课题组。中国特色新型智库建设回顾与展望 // 光明日报。 – 2023。 [Исследовательская группа аналитического центра исследований и оценки Китая Нанкинского университета. Обзор и перспективы строительства новых аналитических центров с китайской спецификой // Guangming Daily. – 2023.] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1785839805013429761&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 16.03.2024)

⁴⁶³ 中国打造新型智库体系重点建设 50 至 100 个高端智库——一文读懂《关于加强中国特色新型智库建设的意见》 // 中央政府门户网站。 – 2015。 [Китай строит новую систему аналитических центров, ориентируясь на создание от 50 до 100 высококлассных аналитических центров - «Мнения по усилению строительства новых аналитических центров с китайской спецификой» // Портал центрального правительства. – 2015.] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-01/20/content_2807186.htm (дата обращения: 12.04.2024)

больше становятся фактором международной конкурентоспособности.

2. Интеллектуальные ресурсы – самые ценные ресурсы страны и нации.
3. Руководящая идеология основана на принципах марксизма-ленинизма, идеях Мао Цзэдуна, теориях Дэн Сяопина.
4. Реформы и инновации – фундамент строительства среднезажиточного общества и обеспечения защиты национальных интересов и интересов народа.
5. Курс на модернизацию системы проверки конфиденциальности раскрытия государственной информации, чтобы гарантировать отсутствие утечки государственной тайны посредством правительственных веб-сайтов и новых платформ распространения информации (WeChat, Weibo).
6. Улучшение механизма управления общественным мнением через средства массовой информации для распространения основных идеологических ценностей⁴⁶⁴.

В «Мнениях», рассмотренных и одобренных на встрече, были выдвинуты руководящая идеология, основные принципы, общие цели и идеи реформы для создания новых аналитических центров с китайской спецификой, а также заключены всеобъемлющие меры по развитию китайских аналитических центров. Фактически, «Мнения» являются базовым источником для создания аналитических центров нового типа. В ходе выступления Си Цзиньпин подчеркнул, что «при управлении страной необходимо сосредоточиться на создании ряда высококлассных аналитических центров с большим и международным влиянием. Содействие модернизации национальной системы управления, укрепление «мягкой силы» страны, Китай должен рассматривать создание новых аналитических центров с китайской спецификой как главную задачу и срочное дело». В документе

⁴⁶⁴ 中国打造新型智库体系重点建设 50 至 100 个高端智库——一文读懂《关于加强中国特色新型智库建设的意见》... (дата обращения: 12.04.2024)

определено, что мозговые центры – это часть «мягкой силы» КНР, а также необходимый элемент по экспорту идеологии и культуры⁴⁶⁵.

На третьем пленуме ЦК КПК восемнадцатого созыва, предлагалось «усилить строительство аналитических центров нового типа с китайской спецификой и создать надежную систему консультаций по принятию решений⁴⁶⁶». В 2015 г. на 18-м заседании Центральной руководящей группы по всестороннему углублению реформ был рассмотрен и утвержден «Пилотный план работы по созданию национального аналитического центра высокого класса»⁴⁶⁷. Высококласные аналитические центры находятся в центре внимания – это аналитические центры, которые непосредственно служат процессу принятия решений партией и правительством, обладают мощными возможностями комплексных исследований, суждений и стратегического планирования, а также имеют большое влияние внутри страны и за рубежом. Си Цзиньпин отметил, что «необходимо отдать приоритет ряду институтов с хорошими базовыми условиями и профессиональными характеристиками для пилотных проектов, а также создать ряд высококласных аналитических центров, в которых остро нуждается страна, обладающих отличительными чертами»⁴⁶⁸. Кроме того, Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал необходимость «усилить международное влияние философии и социальных наук нашей страны. Всевозможные аналитические центры должны более

⁴⁶⁵ 中共中央办公厅、国务院办公厅印发《关于加强中国特色新型智库建设的意见》// 中华人民共和国中央人民政府。– 2015。[Главное управление ЦК КПК и Главное управление Госсовета опубликовали «Заключения об усилении строительства новых аналитических центров с китайской спецификой» // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 2015.] URL: https://www.gov.cn/zhengce/202203/content_3635170.htm (дата обращения: 12.04.2024)

⁴⁶⁶ 中国共产党第十八届中央委员会第三次全体会议公报 // 中华人民共和国中央人民政府。– 2015。[Коммюнике третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 2015.] URL: https://www.gov.cn/ducha/2015-06/09/content_2877546.htm (дата обращения: 13.04.2024)

⁴⁶⁷ 温勇、赵晨伊。为中华民族伟大复兴提供强大智力支持——学习习近平关于加强中国特色新型智库建设的重要论述 // 中共中央党史和文献研究院。– 2018。[Вэнь Юн, Чжао Чэньи. Необходимо оказать мощную интеллектуальную поддержку великому возрождению китайской нации. Изучение важного выступления Си Цзиньпина об усилении строительства новых аналитических центров с китайской спецификой // Институт партийной истории и документации ЦК Коммунистической партии Китая. – 2018.] URL: <https://www.dswxjy.org.cn/n1/2019/0621/c428053-31174218.html> (дата обращения: 13.04.2024)

⁴⁶⁸ Там же.

активно разъяснять китайские теории, объяснять историю Китая и расширять влияние аналитических центров нашей страны на всех уровнях»⁴⁶⁹.

Согласно докладу, «высококласные аналитические центры должны изучить такие аспекты, как ключевые направления исследований, системы и механизмы управления, международные обмены и сотрудничество, а также создание талантливых команд». В декабре 2015 года Национальная рабочая конференция по созданию пилотных исследовательских центров высокого класса определила 25 аналитических центров в качестве первой партии пилотных проектов по созданию национальных исследовательских центров высокого класса. Среди них 10 исследовательских институтов, находящихся в непосредственном подчинении ЦК партии, Государственного совета и Центральной военной комиссии; 12 профессиональных аналитических центров, созданных на основе университетов и научно-исследовательских институтов; 1 корпоративный аналитический центр, опирающийся на крупные государственные предприятия и 2 социальных аналитических центра. Аналитические центры в основном занимаются вопросами экономики, политики, науки и техники, права, военной техники, дипломатии и партийного строительства, охватывая стратегию национального развития, национальное управление, национальную безопасность, государственную политику, макроэкономику, финансовые вопросы, партийное строительство и т. д.⁴⁷⁰

После начала реализации этой программы появились первые публикации на английском языке, которые определяли и расшифровывали основные подходы Китая на такие темы как «идеология», «мягкая сила», «имидж страны» и т.д. В результате этой работы КНР удается встать на путь формирования положительного образа путем участия в различных

⁴⁶⁹ 于丽。为构建中国特色哲学社会科学作出更大贡献 // 人民网。 – 2022。 [Ю Ли. Внести большой вклад в развитие философии и социальных наук с китайской спецификой // People's Daily Online. – 2022.] URL: <http://theory.people.com.cn/GB/n1/2022/1114/c40531-32565522.html> (дата обращения: 13.08.2024)

⁴⁷⁰ 中国共产党第十八届中央委员会第三次全体会议公报 // 中华人民共和国中央人民政府。 – 2015。 [Коммюнике третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 2015.] URL: https://www.gov.cn/ducha/2015-06/09/content_2877546.htm (дата обращения: 13.04.2024)

конференциях, симпозиумах, форумах. Активное развитие пришлось на 2013-2017 гг., когда актуальнее всего обсуждалась инициатива «Один пояс, один путь», с помощью которой Китаю удалось экспортировать нарратив своей политики, сосредоточив внимание на экономической составляющей и уйти от идеологических вопросов, вызывающих непонимание и обвинения со стороны Запада.

Таким образом, мозговой центр нового типа с китайской спецификой — это некоммерческая исследовательская организация, основными объектами исследования которой являются стратегические вопросы и государственная политика, цель которой — служить партии и правительству в принятии научных, правовых решений. Они должны соответствовать следующим основным стандартам: соблюдать национальные законы и правила; отчетливая, долгосрочная ориентация на принятие решений, консультируя области исследований и их результаты; наличие в штате профессиональных представителей и исследователей с определенным влиянием; наличие гарантированного, устойчивого источника финансирования; создание многоуровневых платформ академического обмена и каналов трансформации достижений; формирование полнофункциональных систем сбора и анализа информации; развитие международного сотрудничества и активное осуществление обменов⁴⁷¹.

Использование Китаем для этих целей экспертно-аналитических центров стало еще одним полезным изобретением, призванным обеспечивать национальные интересы Китая. Китай был вынужден реформировать старые экспертно-аналитические центры, функционирующие при университетах, поскольку они оказались непригодны для этих целей. Старые центры были созданы, прежде всего, для того чтобы изучать разнообразную информацию об остальных странах, поступающую извне. Центры нового типа были созданы

⁴⁷¹ 徐晓明。让中国特色新型智库体系更完备更有力 // 光明日报。— 2022。[Сюй Сяомин. Сделать новую систему аналитических центров с китайской спецификой более полной и мощной // Guangming Daily. — 2022.] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1735125833382507319&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.04.2024)

при поддержке государства и получили хорошее государственное финансирование. Их задачей стало не собирать информацию и продуцировать ее вовне. Взяв на вооружение опыт, которыми пользуются многие международные институты, такие, как ООН, ВОЗ, Международный банк, а также многочисленные западные НКО, китайские центры сосредоточили свою работу на подготовке экспертно-аналитических материалов, предлагающих миру китайское видение тех или иных проблем в Китае и за рубежом. Характерным примером такого рода информации стали регулярные отчеты о положении с правами человека в США и других западных странах. Такого рода информация, подаваемая китайской стороной, может быть рассмотрена не только в качестве информационной альтернативы западной точке зрения, но и как средство обеспечения национальной безопасности Китая в условиях, когда информация является не менее разрушительным оружием, чем ядерные заряды.

Параллельно активно шло создание негосударственных экспертно-аналитических центров, которые обычно создавались известными политиками, министрами, покинувшими свои посты, при серьезной поддержке различных частных фондов. Здесь можно привести пример Центра изучения Китая и глобализации (中国与全球化智库 (Center for China and Globalization (CCG)). Он был создан в 2008 г. (основатель Ван Хуэйяо). Предложения центра регулярно выслушиваются государственными органами, многие из которых были учтены центральным руководством Китая и послужили отправной точкой для принятия важных решений соответствующими ведомствами.

Ван Хуэйяо – бывший советник Госсовета, член Пекинского НПКСК, заместитель директора Пекинского исследовательского комитета НПКСК, заместитель председателя Китайской ассоциации международного экономического сотрудничества, был сотрудником Департамента международного экономического сотрудничества Министерства экономики и торговли (ныне Министерство торговли). Имеет богатый исследовательский опыт в области стратегии глобализации, глобального управления,

международных отношений, интернационализации предприятий, исследований аналитических центров, инноваций и предпринимательства⁴⁷².

Еще один пример подобного мозгового центра выступает Институт финансовых исследований «Чуньян» при Китайском народном университете (中国人民大学重阳金融研究院 (Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China (RDCY)), был основан 19 января 2013 года. Как новый тип аналитического центра с китайской спецификой, RDCY нанял десятки бывших политиков, банкиров и известных ученых со всего мира в качестве старших исследователей. В настоящее время RDCY имеет 7 отделов и 4 центра управления (Исследовательский центр финансов, Исследовательский центр глобального управления, Китайско-американский исследовательский центр гуманитарных обменов и Китайско-российский исследовательский центр гуманитарных обменов). В последние годы RDCY получила широкое признание как в Китае, так и за рубежом в области финансового развития, глобального управления, отношений между крупными державами и макроэкономической политики. RDCY также выступает важным консультативным органом по вопросам политики для более чем 10 министерств и комиссий. RDCY создала постоянный механизм сотрудничества с крупными аналитическими центрами в более чем 40 странах и провела соответствующую деятельность в более чем 20 государствах, является одним из новых аналитических центров с китайской спецификой. О нем сотни раз публиковались или брали интервью ведущие мировые издания New York Times, Financial Times и др.

Ван Вэнь – исполнительный президент RDCY, заместитель декана Института Шелкового пути, заслуженный профессор, исполнительный директор Китайско-американского исследовательского центра культурного обмена (Министерство образования), был членом редакционной коллегии и составителем редакционной статьи «Global Times», лауреата «Премии

⁴⁷² 全球化智库概况。[Официальный сайт Центра изучения Китая и глобализации (обзор).] URL: <http://www.ccg.org.cn/overview> (дата обращения: 10.04.2024)

китайской журналистики» в 2011 г. Он опубликовал более 30 книг и 800 статей в отечественных и зарубежных газетах и периодических изданиях. Основными направлениями исследований являются исследования аналитических центров, глобальное управление, макроэкономика и отношения между крупными державами⁴⁷³.

В Китае в 2020 г. сложилась устойчивая система государственных и общественных аналитических центров, интегрированная в процесс принятия решений на различных уровнях – как на государственном, так и на региональном⁴⁷⁴.

Таблица 6. Соотношение китайских и зарубежных экспертно-аналитических центров (2019-2021 гг.)⁴⁷⁵

	2019 г.		2020 г.		2021 г.	
Китайские центры	102	27.13%	108	27.84%	128	31.76%
Зарубежные центры	274	72.87%	280	72.16%	275	68.24%

Согласно таблице доля китайских аналитических центров увеличивается, что демонстрирует динамику развития. Это связано с тем, что за последние годы Китай запустил ряд инициатив по содействию созданию аналитических центров нового типа с китайской спецификой.

⁴⁷³ 中国人民大学重阳金融研究院概况。[Официальный сайт Института финансовых исследований «Чунъян» при Китайском народном университете (обзор).] URL: <http://rdcy.ruc.edu.cn/zw/gywm/RDCYjj/index.htm> (дата обращения: 10.04.2024)

⁴⁷⁴ 中国特色新型智库建设论坛·2024 召开 // 中国共产党新闻网。 – 2024。 [Форум по созданию новых аналитических центров с китайской спецификой, открытие в 2024 г. // Новости Коммунистической партии Китая. – 2024.] URL: http://theory.people.com.cn/n1/2024/0422/c40531-40221013.html?ivk_sa=1024320u (дата обращения: 10.04.2024)

⁴⁷⁵ 全球智库影响力评价报告 2021 [Отчет об оценке влияния глобального аналитического центра за 2021 год] URL: <https://cira.zju.edu.cn/report/report20220629.pdf> (дата обращения: 21.09.2024)

Таблица 7. Исследования китайских и зарубежных экспертно-аналитических центров в различных областях (2019-2021 гг.)⁴⁷⁶

Область исследований	2019 г.		2020 г.		2021 г.	
	Количество центров	Доля из общего числа	Количество о центров	Доля из общего числа	Количество центров	Доля из общего числа
Безопасность	91	24.20%	89	22.94%	98	24.32%
Экономика	156	41.49%	155	39.95%	170	42.18%
Международные отношения	167	44.41%	165	42.53%	174	43.17%
Здоровье	52	13.83%	51	13.14%	54	13.40%
Образование	54	14.36%	56	14.43%	62	15.38%
Наука и техника	161	42.82%	165	42.53%	163	40.45%
Социальная сфера	130	34.57%	128	32.99%	150	37.22%
Государственное управление	67	17.82%	67	17.27%	84	20.84%

Тем не менее, существует и несколько нерешенных проблем по аналитическим центрам нового типа. Во-первых, способность к политическим консультациям и эффективность исследований, как правило, не сильно связаны. То есть, недостаточно внимания уделяется основным практическим вопросам, тесно связанным с поэтапным развертыванием реформ и разработок, мало оперативных предложений по общим стратегическим исследованиям, оценке и разрешению выявленных противоречий. Китайской модели культурной дипломатии не хватает инноваций, что приводит к культурным разрывам и тому, что иностранные потребители делают выбор в пользу западной культурной продукции и повсеместно продолжают доминировать западные культурные стандарты. Методы исследования и инструментарий анализа политики относительно отстают, в выводах больше качественного анализа и меньше количественного, недостаточно эффективное использование современных информационных технологий для изучения тенденций развития и оценки тенденций политики.

⁴⁷⁶ 全球智库影响力评价报告 2021 ... (дата обращения: 21.09.2024)

Во-вторых, существует нехватка исследовательских групп высокого уровня. Большинству высококласных аналитических центров не хватает поддержки профессионального кадрового эшелона в основных центральных стратегиях и ключевых сферах. Есть проблема нехватки специалистов по причине отсутствия нормированного и институционализированного построения обмена и двустороннего трансферта между аналитическими центрами и подразделениями, принимающими решения в соответствующих областях⁴⁷⁷.

Таким образом, трансформация аналитических центров нового типа, которые будут использоваться для разработки новых концепций, в рамках воздействия на международную общественность является неотъемлемой составляющей частью всей внешней и внутренней политики Китая в рамках обеспечения национальной безопасности. В последнее десятилетие возникла проблема недостаточного понимания политики официальных структур Китайской Народной Республики со стороны внешнего мира. Одной из ключевых задач является реконцептуализация официальных идей на экспертном уровне и перевод китайского идеологического языка на язык, широко принятый в экспертной дискуссии⁴⁷⁸.

Таким образом, в современных условиях, несмотря на предпринятые усилия по модернизации «мозговых центров», возникла необходимость повторного обсуждения и анализа их эффективности в контексте новых, более строгих международных стандартов. Появилась критика в адрес этих центров за отсутствие прямой связи с государственной политикой и за путаницу между академическими и стратегическими исследованиями⁴⁷⁹. Важной проблемой

⁴⁷⁷ 周仲高。新型智库建设的发展路径 // 光明日报。– 2022。[Чжоу Чжунгао. Путь развития строительства новых аналитических центров // Guangming Daily. – 2022.] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759851348244162279&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 12.04.2024)

⁴⁷⁸ Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2021. – Т. 14. № 4. – С. 6-22.

⁴⁷⁹ 专家谈加强中国特色新型智库建设 // 中央政府门户网。– 2015。[Эксперты говорят об усилении строительства новых аналитических центров с китайской спецификой // Портал центрального правительства. – 2015.] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-01/23/content_2809237.htm (дата обращения: 16.04.2024)

также является длительность проведения исследований, в результате чего они часто утрачивают свою актуальность.

По этой причине предложена реконцептуализация работы центров. Необходимо было их диверсифицировать и окончательно отделить от традиционных институтов социальных наук, поскольку эффективность последних оценивается крайне низко с аналитической точки зрения. Однако многие центры до сих пор придерживаются старых традиций. Поэтому необходимо провести различие между академическими исследованиями и исследованиями аналитических центров с точки зрения их функций и задач.

Хотя на Западе господствует мнение, что лишь в демократических режимах аналитические структуры могут формировать политический курс, эволюция системы «мозговых центров» в Китае свидетельствует о важном вкладе, который они вносят в текущую политическую повестку. Вовлеченные в работу новых экспертно-аналитических центров коллективы специалистов, работающие в интересах китайского государства, заняты производством концептов и интеллектуальных конструкций, которые затем трансформируются в язык внешней политики Китая, становясь официальным дискурсом страны. По сравнению с институтами Конфуция, которые располагаются за пределами КНР, экспертно-аналитические центры нового типа функционируют на территории Китая и не могут быть закрыты решением властей других государств. В сетевом мире, где информация свободно пересекает национальные границы, конкурентам Китая на международной арене более сложно справиться с этой китайской культурной стратегией⁴⁸⁰.

⁴⁸⁰ Помозова Н.Б. Китайские аналитические центры: от практической рациональности к социальной институциональной рефлексии // ДИСКУРС. – 2021. – Т. 7. – № 5. – С. 71–85.

Заключение

Китайский проект строительства глобальной державы является сравнительно новым, как и все его элементы, что обуславливает возрастающий интерес к изучению КНР. В современном мире культура, экономика и политика интегрированы друг с другом, а их статус и роль в соревновании за всеобъемлющую национальную мощь становятся все более заметными, становясь одним из важных показателей силы, всеобъемлющей национальной мощи страны. Сегодня стратегия национальной безопасности Китая подвергается трансформации. В настоящем мире обеспечение безопасности не может полагаться исключительно на военную мощь. Сложность этого вопроса обусловлена множеством различных факторов, что делает её многогранной и требующей комплексного подхода.

В концепции национальной безопасности Китая отражается смешение как внутренних, так и внешних аспектов, где затрагиваются темы политической устойчивости, обеспечения защиты самого населения и т.д. На первый план выходят элементы обеспечения институциональной и политической стабильности, подчеркивается значимость комплексного подхода. У Китая нет приверженности к вступлению в военные союзы, в то время как последовательность в практике поддержки глобального партнерства неукоснительна. Стремление к защите своих интересов без применения силы, утверждение международных принципов мирного разрешения территориальных и дипломатических споров лежат в основе внешней политики. Китай старается неуклонно соблюдать «пять принципов мирного сосуществования», основанные на уважении между нациями. Это подчеркивает важность данного подхода для обеспечения коллективной безопасности и разрешения разногласий посредством переговоров.

Особого внимания заслуживает парадигма «государства безопасности», которой придерживается КНР: она ориентирована на анализ реальных вызовов, с которыми сталкивается страна. Рассматривая вопросы национальной безопасности, Китай начинает с оценки современной динамики

международных и внутренних отношений и далее выявляет ключевые факторы, оказывающие воздействие на стабильность страны.

Подход КНР к защите суверенитета основывается не на агрессивном доминировании. Он характеризуется склонностью к сдержанности и самообороне. Военная мощь и прочие инструменты политического воздействия Китай предпочитает использовать, только когда его национальное благополучие подвергается серьезным рискам. В этом проявляется его реактивная, оборонительная политика национальной безопасности, в которой превалирует идея неделимости безопасности.

Анализируя положения о стратегиях национальной безопасности трёх держав (КНР, США и РФ) больше пресечений мы обнаруживаем в политике КНР и РФ, и ровно такие же точки конфронтации возникают с политикой США. Официальная позиция России в области безопасности – упреждающий характер действий (включая ядерное сдерживание) и намерение сотрудничать. «Угрозами» выступают конкретные применяемые тактики, иные государства могут приобретать лишь статус «недружественных», но не являются угрозами как таковыми и несут в себе ценность культурной диффузии как «экологичной» глобализации без формирования гегемонии. И хотя США выдвигают тезис, согласно которому Китай использует свою экономическую мощь для принуждения стран и стремится сделать мир более зависимым от него, эта позиция является основной внешнеполитической стратегией непосредственно США, в то время как традиция Китая предусматривает сосуществование, а не противостояние. Сотрудничество, которое допускают Соединённые Штаты, заключается в формате альянсов с целью увеличения военного потенциала. Россия, как и Китай, прибегает к сотрудничеству для обмена опытом и коллективного решения угроз, стоящих перед всеми.

США свойственен индивидуализм и гегемонизм, он проявляется в глобализме и в признании единственно верного и возможного миропорядка – либерального и демократического. Агрессивная (в том числе путём силового давления) пропаганда популяризуется как миссия, интересы США

преподносятся как универсальные. Глобальные представления о безопасности, безусловно, присущи китайской философии, но подразумевают не принудительное «благо», а взаимодействие всех участников глобальных процессов, без намеренного подавления, и регулируются диалогом, а не военным превосходством.

Важным отличием также является приоритеты доктринах безопасности. Пока в «Стратегиях национальной безопасности США» официально закреплено подавляющее внимание к поддержанию и преумножению военной силы и почти не затрагиваются социокультурный аспект, в китайской стратегической культуре центральное место занимает концепция гармонии. На ней построена одна из фундаментальных парадигм – единство человека и природы. В основах китайской традиции (которая становится контекстом для формирования национальных стратегий) заложены представления о морали и нравственности; о добре и зле. Национальная безопасность Российской Федерации также включает в себя акцент на внутренних процессах: не только меж-, но и внутриличностных. Важной частью официальной стратегии РФ является поддержание традиционных ценностей, преемственность поколений.

Таким образом, на протяжении веков три государства сформировали свои уникальные стратегии обеспечения безопасности, которые различаются по характеру и основываются на исторически сложившейся стратегической культуре каждого народа. Китай делает акцент на защитных мерах, при этом подразумевая ответные действия для устранения любой угрозы, касающейся государственности (оборонительный характер). В свою очередь, российская стратегия выделяется способностью к превентивным действиям, стремящихся минимизировать риск еще до его возникновения (упреждающий характер). Соединенные Штаты сосредотачиваются на наступательных инициативах, активно исследуя потенциальные опасности (атакующий характер).

Размывая идентичность, вы можете разрушить своё государство. В этой идее состоит ключевой подход Китая в защите своих национальных интересов

и обеспечении национальной безопасности. Стратегия Китая по поддержке своей идентичности заключается как в сопротивлении внешним воздействиям, так и в продвижении и распространении собственной культуры. Для этого используются такие инструменты, как Институты Конфуция, экспертно-аналитические центры, концепция «мягкой силы». Такой подход не только обеспечивает устойчивость национальной безопасности, но и укрепляет позиции синоцентричной цивилизации. С течением времени эти усилия будут становиться все более значимыми.

Если резюмировать анализ контекста, предшествующего формированию паттернов китайской нации, то на современном этапе китайская культура не вписывается в привычные представления о традиционной культуре. Этот процесс можно охарактеризовать как постепенное переформатирование культурного сознания китайцев от критического пересмотра традиций и поиском кардинально новых подходов до возвращение традиционной культуры, но уже в другом качестве. Уникальность этих изменений состоит в том, что она трансформируется, возрождая культурные традиции и адаптируясь к глобальным изменениям, становясь более доступной и привлекательной для мировой аудитории. Китай делает попытки указать на глобальный статус китайской культуры, представляющей собой «экологичную» альтернативу западной традиции, основанной на идее жесткого доминирования.

Здесь прослеживается трансформация китайской культуры к универсальной, что дает возможность заявить Китаю о более широком продвижении своей «мягкой силы». Речь идет не столько о распространении знаний о китайской философии или конфуцианской морали, сколько о стремлении приобщить китайские ценности к глобальному тренду как равноправный элемент. Государство, обладающее более мощными и притягательными ценностями, способно заслужить полное признание от мирового сообщества, обеспечивая себе тем самым стратегически значимое положение на международной сцене.

Понимание невозможности изоляции в мировой политической системе привело к тому, что китайская политическая элита решительно изменила свои внешнеполитические и внутривнутриполитические стратегии в сфере национальной безопасности. Эта трансформация нацелена на защиту культурной идентичности как ключевого аспекта предотвращения разрушения государственной структуры. Таким образом, заметна логическая связь между концепцией национальной безопасности и культурными инструментами. Сказанное в полной мере подтверждается деятельностью Институтов Конфуция и экспертно-аналитических центров.

Интерес к работе Институтов Конфуция вызван рядом причин. Во-первых, уникальность самого проекта. Она связана с тем, что изначально китайское экспертное сообщество в полном объеме не понимало, каких результатов они достигнут. Во-вторых, проект привлекает внимание с точки зрения того, что происходит с Институтами Конфуция в США. Оказалось, это очень эффективные структуры среди китайской диаспоры, которые, как правило, имеют весьма серьезное влияние и популярность позиции среди образованных людей в США. В результате, из-за требований американских властей Китай был вынужден закрыть Институты Конфуция в США, чтобы не усугублять трудности взаимоотношений и выстраивать легитимные отношения со Штатами, так как эти связи для Китая принципиально важны.

Кроме того, Институты Конфуция – это источник международного распространения китайского языка и культуры, посредством которых происходит распространение ценностей Китая и укрепление «мягкой силы» страны. Распространение китайской культуры в мире может стать внешней гарантией национальной культурной безопасности. Активно продвигая национальную культуру, Китай укрепляет взаимопонимание и взаимное доверие, тем самым создавая мультикультурную экологическую среду, что определенно бросит вызов «западноцентристскому» взгляду. На этом примере мы видим, как работает китайская «мягкая сила», используя инструмент постепенного и последовательного расширения, а не экспансии.

Что касается экспертно-аналитических центров, то в каждой стране они созданы исключительно для одного – обозначить и артикулировать свою позицию, свои национальные интересы. Это ключевой принцип, без которого трудно претендовать на значимый статус в современном мире. Посредством экспертных оценок, докладов, отчетов Китай продвигает свой взгляд по актуальным проблемам мировой политики. Интеллектуальная мысль является неотъемлемой частью «дискурсивной силы» в контексте политики «мягкой силы». Она призвана на дискурсивном уровне закрепить право Китая на свое слово и иметь возможность влиять на формирование повестки. Необходимо понимать, что, невозможно быть эффективным, продвигать интересы глобальной державы, если вы апеллируете только «жесткой силой», поэтому борьба за международный дискурс и международный авторитет – это главные вопросы Китая в настоящий момент.

Таким образом, культурное измерение оказывается неотделимым от национальной мощи и продвижения интересов государства. Стремление Китая к расширению своего влияния подразумевает скоординированное действие в четырех ключевых областях: культурное развитие внутри страны, пропаганда и распространение китайской культуры в мире, повышение эффективности китайской модели «мягкой силы» и обеспечение безопасности национальной культурной сферы.

Задача обеспечения преемственности национальных культур и сохранения их наследия на современном историческом этапе поставила на повестку дня неотложную потребность в разработке культурных стратегий, как части национальной безопасности страны. Эти стратегии олицетворяют собой культурный код государства, включающую в себя не только ценности и традиции нации, но и устойчивые формы мышления, предопределяющие направление развития национальной стратегии и нормы поведения в рамках международных отношений. Следовательно, важность этих стратегий определяется их способностью формировать уникальный стиль, который будет

соответствовать образу страны и содействовать ее позициям в межгосударственном взаимодействии.

Таким образом, если говорить об основных инструментах и подходах в реализации культурных стратегий, то Китай стремится решить эти вопросы с учетом интеграции национального и зарубежного опыта. КНР нацелена на модернизацию, с одной стороны, и сохранности уникального материального и духовного наследия, с другой. Китай акцентирует необходимость взаимодействия с государствами на новых, взаимовыгодных началах. Международное культурное взаимодействие предстает перед Поднебесной в качестве ценности, требующей активной защиты в условиях глобализации. На фоне этого, Пекин призывает к созданию нового всемирного культурного уклада. Представители китайской идеологической школы поддерживают идею «общности судеб народов мира», что воплощает принцип автономии и культурного суверенитета в противовес западному доминированию.

Список источников и литературы

Источники

1. Источники официального происхождения

1.1. Официальные документы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 17.12.2024)
2. Jack L. Snyder. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations // Rand Corporation. – 1977. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (дата обращения: 02.03.2023)
3. The 2022 National Defense Strategy. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 12.12.2024)
4. The 2022 National Security Strategy. URL: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf> (дата обращения: 12.12.2024)
5. The 2017 National Security Strategy URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 15.12.2024)
6. The 2015 National Security Strategy URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 17.12.2023)
7. “上海合作组织”成立宣言 [Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества»]. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_60959.htm (дата обращения: 19.04.2023)

8. 《中国的和平发展》白皮书 [Белая книга «Мирное развитие Китая», 6 сентября 2011.] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2011nzt_675363/zgdhpfzbps_675409/201109/t20110906_9284881.shtml (дата обращения: 09.04.2023)
9. 《新时代的中国国防》白皮书全文 [Полный текст официального документа «Национальная оборона Китая в новую эпоху», июль 2019.] URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2019-07/24/content_4846424_2.htm (дата обращения: 20.06.2023)
10. 中华人民共和国反恐怖主义法 (Закон Китайской Народной Республики о борьбе с терроризмом, 27 декабря 2015). URL: <https://www.cyqh.com.cn/Uploads/file/4b45276ed4e9e3cd3aa5ce58f3d40450.pdf> (дата обращения: 20.06.2023)
11. 中华人民共和国反间谍法 (Закон Китайской Народной Республики о контрразведке, 1 ноября 2014). URL: http://jcjxb.jxcfs.com/_local/9/D2/06/A902B73CF77D34521F7E3DEB5C4_D8A1E83D_2C83.pdf?e=.pdf (дата обращения: 10.11.2023)
12. 中华人民共和国和美利坚合众国联合公报 (“上海公报”) (1972年2月28日) [Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки («Шанхайское коммюнике») (28 февраля 1972 г.)] URL: https://www.gov.cn/ztl/zmdh/content_624341.htm (дата обращения: 19.02.2023)
13. 中华人民共和国国家安全法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности, 22 февраля 1993). URL: https://www.ggj.gov.cn/ztl/aqpf/flfg/202004/t20200413_29913.htm (дата обращения: 25.06.2023)
14. 中华人民共和国国家安全法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности, 1 июля 2015). URL:

- https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (дата обращения: 16.02.2023)
15. 中华人民共和国国家情报法 (Закон Китайской Народной Республики о национальной разведке, 27 июня 2017). URL: <https://bwc.jdzu.edu.cn/uploadfile/53/Attachment/2af8ab0281.pdf> (дата обращения: 10.11.2023)
16. 中华人民共和国国防交通法 (Закон Китайской Народной Республики о транспортной коммуникации в сфере государственной обороны, 3 сентября 2016). URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2016-09/03/content_1996764.htm (дата обращения: 23.06.2023)
17. 中华人民共和国境外非政府组织境内活动管理法 (Закон Китайской Народной Республики об управлении внутренней деятельностью зарубежных неправительственных организаций, 28 апреля 2016). URL: <https://oiec.bnu.edu.cn/docs/2021-10/b9ecf741ee6e40b58699743b26ba3422.pdf> (дата обращения: 20.06.2023)
18. 中华人民共和国宪法 [Конституция Китайской Народной Республики, 4 декабря 1982 г.] URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 20.01.2024)
19. 中华人民共和国教育部公报 [Коммюнике Министерства образования КНР] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xhgg/gk_gbgg/moe_0/2024/ (дата обращения: 04.09.2024)
20. 中华人民共和国核安全法 (Закон Китайской Народной Республики о ядерной безопасности, 1 сентября 2017). URL: <http://www.fcgnp.com.cn/fcgnp/c1904031113/201904/ff9c10a8dd9544ce9e12ca9203041930/files/e5bfeffbcf6d4790979824fbc36ab1f0.pdf> (дата обращения: 10.11.2023)
21. 中华人民共和国网络安全法 (Закон Китайской Народной Республики о кибербезопасности в сети «Интернет», 7 ноября 2016). URL: <https://rwjj.nwpu.edu.cn/info/1388/10388.htm> (дата обращения: 25.06.2023)

22. 全球智库影响力评价报告 2021 [Отчет об оценке влияния глобального аналитического центра за 2021 год] URL: <https://ciraa.zju.edu.cn/report/report20220629.pdf> (дата обращения: 21.09.2024)
23. 孔子学院发展规划 (2012–2020 年) // 中华人民共和国教育部。 – 2012。 [План развития Института Конфуция (2012-2020 годы). – Министерством образования КНР. – 2012.] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201302/t20130228_148061.html (дата обращения: 02.09.2024)
24. 孔子学院年度发展报告 2020 [Годовой отчет о развитии Института Конфуция за 2020 год] URL: <https://ci.cn/gywm/nb/6ae806ae-448f-47c6-960a-a5884deb8501> (дата обращения: 04.09.2024)
25. 孔子学院年度发展报告 2021 [Годовой отчет о развитии Института Конфуция за 2021 год] URL: <https://ci.cn/gywm/nb/db8e7611-8c24-46c7-bc0a-830fa10d5b1c> (дата обращения: 04.09.2024)
26. 孔子学院年度发展报告 2022 [Годовой отчет о развитии Института Конфуция за 2022 год] URL: <https://ci.cn/gywm/nb/b3267e90-4b4e-4dc0-8de8-04128c6164e1> (дата обращения: 04.09.2024)
27. 孔子学院年度发展报告 2023 [Годовой отчет о развитии Института Конфуция за 2023 год] URL: <https://ci.cn/gywm/nb/15ac77fe-0c40-4c32-8f5a-4b3a3f0f149c> (дата обращения: 04.09.2024)

1.2. Выступления официальных лиц и доклады органов власти:

28. Выступление Си Цзиньпина на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва, 13 марта 2023 // [Russian.people.com.cn](http://russian.people.com.cn). URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0315/c31521-10222411.html> (дата обращения: 07.03.2023)
29. Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая, 25 Октября 2022 // [Gov.cn](http://gov.cn). – 2022. URL:

https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html

(дата обращения: 02.03.2023)

30. 中国同瑞典的关系 // 中华人民共和国外交部。 – 2024 年。 [Китайско-шведские отношения // Министерство иностранных дел КНР. – 2024.] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679594/sbgx_679598/ (дата обращения: 15.02.2023)
31. Си Цзиньпин. О государственном управлении / Си Цзиньпин. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках. – 2014. – 624 с.
32. 胡锦涛在党的十七次全国代表大会上作报告 [Доклад Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 15 октября 2007.] URL: https://www.gov.cn/ldhd/2007-10/15/content_776431.htm (дата обращения: 18.08.2024)
33. 中共中央宣传部、中央国家安全委员会办公室。总体国家安全观学习纲要 // 北京: 人民出版社。 – 2022。 – 128 页。 [Отдел пропаганды ЦК КПК, Совет национальной безопасности ЦК КПК. Основные положения исследования концепции национальной безопасности // Пекин: Народное Издательство. – 2022. – 128 с.]
34. 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 17 ноября, 2012] URL: https://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm (дата обращения: 02.09.2024)
35. 江泽民在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 8 января 2002.] URL: https://www.gov.cn/test/2008-08/01/content_1061490.htm (дата обращения: 11.08.2023)
36. 江泽民在中国共产党第十四次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзян Цзэминя на XIV Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая,

- 12 октября 1992.] URL: https://www.gov.cn/test/2008-07/04/content_1035850.htm (дата обращения: 18.07.2023)
37. 江泽民在中国共产党第十五次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзянь Цзэминя на XV Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 12 сентября 1997.] URL: https://www.gov.cn/test/2008-07/11/content_1042080.htm?eqid=f471bf530008b1f400000002647c3328 (дата обращения: 12.08.2023)
38. 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Доклад Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 28 октября, 2017] URL: <https://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html> (дата обращения: 10.09.2024)
39. 王建国。关于《中国革命战争的战略问题》的几个问题 // 中国共产党新闻。— 2015。 [Ван Цзяньго. Несколько вопросов о «Стратегических проблемах революционной войны Китая» // Коммунистическая партия Китая. — 2015.] URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0824/c69120-27507809.html> (дата обращения: 17.01.2023)
40. 习近平。中央全面深化改革领导小组第二次会议上的发言 (Си Цзиньпин. Выступление на втором заседании Центральной руководящей группы по всестороннему углублению реформы, 23 января 2018). [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-01/23/content_5259818.htm (дата обращения: 29.09.2021)
41. 习近平：全党必须完整、准确、全面贯彻新发展理念 // 中华人民共和国中央人民政府。— 2022。 [Си Цзиньпин: Вся партия должна полностью, точно и всесторонне реализовать новую концепцию развития // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. — 2022.] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-08/15/content_5705436.htm?token=6d37b264-ba74-4007-9c2c-023bbbbcc40b (дата обращения: 07.03.2023)

42. 中国同缅甸的关系// 中华人民共和国外交部。 – 2024 年。 [Отношения между Китаем и Мьянмой // Министерство иностранных дел КНР. – 2024 год.] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676788/sbgx_676792/ (дата обращения: 15.02.2023)
43. 习近平谈建设社会主义文化强国 // 中国共产党新闻。 – 2014。 [Си Цзиньпин говорит о построении социалистической культурной державы // Новости Коммунистической партии Китая. – 2014.] URL: <http://theory.people.com.cn/big5/n/2014/0807/c40531-25421812.html> (дата обращения: 18.05.2021)
44. 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Доклад Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 30 октября 2017 г.] URL: <https://www.neac.gov.cn/seac/c100472/201710/1083685.shtml> (дата обращения: 18.09.2023)
45. 高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Держите высоко великое знамя социализма с китайской спецификой и вместе работайте над всесторонним строительством современной социалистической страны – Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 25 октября, 2022] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 10.09.2024)
46. 习近平主持召开国家安全工作座谈会 // 中华人民共和国中央人民政府。 – 2017。 [Си Цзиньпин возглавил рабочий симпозиум по национальной безопасности // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 2017.] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-02/17/content_5168833.htm (дата обращения: 10.08.2023)

47. 中共中央办公厅、国务院办公厅印发《关于加强中国特色新型智库建设的意见》// 中华人民共和国中央人民政府。– 2015。 [Главное управление ЦК КПК и Главное управление Госсовета опубликовали «Заключения об усилении строительства новых аналитических центров с китайской спецификой» // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 2015.] URL: https://www.gov.cn/zhengce/202203/content_3635170.htm (дата обращения: 12.04.2024)
48. 中国打造新型智库体系 重点建设 50 至 100 个高端智库——一文读懂《关于加强中国特色新型智库建设的意见》// 中央政府门户网站。– 2015。 [Китай строит новую систему аналитических центров, ориентируясь на создание от 50 до 100 высококлассных аналитических центров – «Мнения по усилению строительства новых аналитических центров с китайской спецификой» // Портал центрального правительства. – 2015.] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-01/20/content_2807186.htm (дата обращения: 12.04.2024)
49. 中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 8 сентября 2012.] URL: https://www.moa.gov.cn/ztl/sbdhd/zyjs/201211/t20121127_3074189.htm (дата обращения: 18.09.2023)
50. 中国共产党第十八届中央委员会第三次全体会议公报 // 中华人民共和国中央人民政府。– 2015。 [Коммюнике третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 2015.] URL: https://www.gov.cn/ducha/2015-06/09/content_2877546.htm (дата обращения: 13.04.2024)
51. 中华人民共和国和印度建交公报 [Коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Индией] URL:

https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/1207_677232/200011/t20001107_8008731.shtml (дата обращения: 15.02.2023)

52. 新时代维护和塑造国家安全的根本遵循 [Основополагающие принципы обеспечения национальной безопасности в новую эпоху, 2014] URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2022/0426/c1003-32408671.html> (дата обращения: 20.08.2024)

2. Источники личного происхождения

2.1. Мемуары, сочинения, архивные материалы:

53. Бюлов А.Г.Д. Дух новейшей военной системы / Под редакцией А. Свечина – М.: Госвоениздат. – 1926. – 772 с.
54. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. – М.: Восточный Дом. – 2002. – 432 с.
55. Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль. – 2001. – 478 с.
56. Голль Ш. де. Военные мемуары / Пер. с фр. Б. С. Вайсмана, Н. М. Жарковой, Н. И. Немчиновой, А. Б. Осеневой. — М.: АСТ, 2003. — 814 с.
57. Головачева Л.И. Письма о путешествии в Китай // World.lib.ru. – 2009. URL: http://world.lib.ru/g/golowachewa_1_i/pisxmakitaj2009ch2.shtml (дата обращения: 15.04.2022)
58. Дуэ Дж. Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны. Военная доктрина генерала Дуэ. – М.: АСТ. – 2003. – 603 с.
59. Жомини А. Очерки военного искусства / Пер. с франц. [изд. 1855 г.] / Г. Жомини. – М.: Воениздат. – 1939. – 224 с.
60. Липсет С. Политический человек: социальные основания политики. – М.: Мысль. – 2016. – 612 с.
61. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 1. — М.: Издательство иностранной литературы. – 1952. — С. 305-430.
62. Суворов А.В. Наука побеждать. – М.: АСТ. – 2023. – 384 с.

- 63.Ф. 10. Дневники занятий профессора Ковалевского О.М. во время пребывания его с миссией в Пекине в 1830-1832 гг. (подлинник). Представлен исторический очерк буддизма в Тибете. НА РТ, оп. 5, д. 843, 185 л.; д. 843 а, 161 л.
- 64.Ф. 10. Путевой журнал о следовании духовной свиты и учеников Танцинского государства в г. Пекин. Материал предоставлен VIII Российской духовной миссией в Пекине. 1794 г. НА РТ, оп. 5, д. 844, 52 л.
- 65.Ф. 10. Рукописи «История Китая». Дата не указана. Автор неизвестен. Рукопись на французском языке. НА РТ, оп. 5, д. 834 а, 99 л.; д. 836 а, 399 л.; д. 836 б, 326 л.; д. 836 в, 326 л.
- 66.Ф. 10. Рукопись Н. И. Вознесенского «Замечания о Китае». 1828 г. НА РТ, оп. 5, д. 832, 198 л.
- 67.Ф. 969. Дневники путешествий по Китаю Н. Ф. Катанова (подлинник). 1892 г. НА РТ, оп. 1, д. 76, 448 л.
- 68.Фронтин С.Ю. Стратегемы. – М.: Белые альвы. – 2003. – 158 с.
- 69.Mahan A.T. The influence of sea power upon history, 1660-1783 // CreateSpace Independent Publishing Platform. – 2017. – 340 p.

2.2. Трактаты на английском языке:

- 70.Clausewitz C. On war / translated by M.L. Howard // Princeton University Press. – 2008. – 754 p.
- 71.Grotius H. On the law of war and peace / H. Grotius; edited by Stephen C. Neff // Cambridge: Cambridge University Press; Student edition. – 2012. – 548 p.
- 72.Kant I. Perpetual peace // BoD – Books on Demand. – 2019. – 207 p.
- 73.Machiavelli N. Art of war / translated by C. Lynch // University of Chicago Press. – 2009. – 312 p.
- 74.Maurice. Maurice's strategikon: handbook of Byzantine military strategy // University of Pennsylvania Press. – 1984. – 178 p.

75. Spinoza B. A theologico-political treatise / translated by R.H.M. Elwes // CreateSpace Independent Publishing Platform. – 2014. – 344 p.

76. Vegetius F. De Re Militari (Concerning Military Affairs) // Leonaur. – 2017. – 191 p.

2.3. Трактаты на китайском языке:

77. 孙武。孙子兵法 // 北京：军事科学出版社。– 1993。– 125 页。 [Сунь У. Искусство войны Сунь Цзы // Пекин: Военно-научная пресса. – 1993. – 125 с.]

3. Публицистика

78. 柏杨。丑陋的中国人 // 人民文学出版社。– 2008。– 250 页。 [Бо Ян. Омерзительные китайцы // Издательство «Народная литература». – 2008. – 250 с.]

79. 韩少功。马桥词典 // 作家出版社。– 1997。– 401 页。 [Хань Шаогун. Мацяоский словарь // Издательский дом писателей. – 1997. – 401 с.]

80. 贾平娃。古炉 // 浙江文艺出版社。– 2021。– 816 页。 [Цзя Пинва. Деревня Древний очаг // Чжэцзянское издательство литературы и искусства. – 2021. – 816 с.]

81. 鲁迅。故事新编 // 文物出版社发行部。– 2006。– 117 页。 [Лу Синь. Рассказа // Издательство «Вэнью». – 2006. – 117 с.]

4. Художественные произведения

82. Резерфорд Э. Китай. – М.: Азбука. – 2022 г. – 832 с.

83. Юй Хуа. Жить. – М.: Текст. – 2014. – 192 с.

84. 吴承恩。西游记（上下） // 北京：人民文学出版社。– 1955。– 1232 页。
[У Ченьэнь. Путешествие на Запад (Ч. 1 и Ч. 2) // Пекин: Издательство «Народная литература». – 1955. – 1232 с.]

85. 施耐庵。水浒传 // 北京：人民文学出版社。– 1997。– 1314 页。 [Ши Найань. Речные заводы // Пекин: Издательство «Народная литература». – 1997. – 1314 с.]
86. 曹雪芹、高鹗。红楼梦 // 北京：人民文学出版社。– 1996。– 1606 页。 [Цао Сюэцинь, Гао Э. Сон в красном тереме // Пекин: Издательство «Народная литература». – 1996. – 1606 с.]
87. 罗贯中。三国演义 // 北京：人民文学出版社。– 1998。– 990 页。 [Лю Гуаньчжун. Троецарствие // Пекин: Издательство «Народная литература». – 1998. – 990 с.]

5. Материалы СМИ

88. Муратшина К.Г., Романова Е.В. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» КНР во взаимоотношениях с Итальянской Республикой на современном этапе // Алтайская школа политических исследований. – 2017. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4275> (дата обращения: 29.09.2022)
89. 专家谈加强中国特色新型智库建设 // 中央政府门户网。– 2015。 [Эксперты говорят об усилении строительства новых аналитических центров с китайской спецификой // Портал центрального правительства. – 2015.] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-01/23/content_2809237.htm (дата обращения: 16.04.2024)
90. 中华人民共和国大事记（1949年10月—2019年9月）// 新华社。– 2019。 [Основные события Китайской Народной Республики (октябрь 1949 г. – сентябрь 2019 г.) // Информационное агентство Синьхуа. – 2019.] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-09/27/content_5434223.htm (дата обращения: 15.07.2023)
91. 中国共产党第十八届中央委员会第三次全体会议 // 共产党员网 (Третий пленум ЦК КПК 18-го созыва // Сеть членов Коммунистической партии.) URL: <https://www.12371.cn/special/sbjyszqh/> (дата обращения: 11.09.2023)

92. 中国教育现代化 2035 // 新华社。 – 2019。 [Модернизация образования Китая до 2035 г. // Информационное агентство Синьхуа. – 2019.] URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367987.htm (дата обращения: 29.09.2021)
93. 中国特色新型智库建设论坛·2024 召开 // 中国共产党新闻网。 – 2024。 [Форум по созданию новых аналитических центров с китайской спецификой, открытие в 2024 г. // Новости Коммунистической партии Китая. – 2024.] URL: http://theory.people.com.cn/n1/2024/0422/c40531-40221013.html?ivk_sa=1024320ц (дата обращения: 10.04.2024)
94. 关于加强中国特色新型智库建设的意见 // 新华社。 – 2015。 [Мнения об усилении строительства новых аналитических центров с китайской спецификой // Информационное агентство Синьхуа. – 2015.] URL: https://www.gov.cn/zhengce/202203/content_3635170.htm (дата обращения: 09.09.2021)
95. 刘梦瑜。做好来华留学服务促进教育对外开放 // 中国教育新闻网。 – 2019。 [Лю Мэньюй. Предоставлять хорошие услуги студентам, обучающимся в Китае, и способствовать открытию образования для внешнего мира // China Education News Network. – 2019.] URL: http://www.jyb.cn/rmtzcg/xwy/wzxw/202102/t20210219_396747.html (дата обращения: 17.01.2023)
96. 刘跃进。国家安全的简化、异化、误解与回归 // 中国社会科学出版社。 – 2023。 [Лю Юэциньюй. Упрощение, отчуждение, непонимание и регресс национальной безопасности // Академия общественных наук КНР. – 2023.] URL: https://www.cssn.cn/gjaqx/202208/t20220831_5482870.shtml (дата обращения: 12.05.2023)
97. 南京大学中国智库研究与评价中心课题组。中国特色新型智库建设回顾与展望 // 光明日报。 – 2023。 [Исследовательская группа аналитического центра исследований и оценки Китая Нанкинского университета. Обзор и перспективы строительства новых

- аналитических центров с китайской спецификой // Guangming Daily. – 2023.] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1785839805013429761&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 16.03.2024)
98. 历史选择了邓小平 // 人民网。 – 2018。 [История выбрала Дэн Сяопина // Народная газета. – 2018.] URL: <https://cpc.people.com.cn/n1/2018/1023/c69113-30356831.html> (дата обращения: 10.06.2023)
99. 周仲高。新型智库建设的发展路径 // 光明日报。 – 2022。 [Чжоу Чжунгао. Путь развития строительства новых аналитических центров // Guangming Daily. – 2022.] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759851348244162279&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 12.04.2024)
100. 常笑。深刻认识走和平发展道路的中国式现代化 // 中国共产党新闻网。 – 2024。 [Чан Сяо. Глубокое понимание модернизации по китайскому образцу, идущей по пути мирного развития // Новости Коммунистической партии Китая. – 2024.] URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2024/0216/c40531-40177885.html> (дата обращения: 13.04.2024)
101. 张志洲。推进中国特色民间外交理论的构建 // 人民网。 – 2017。 [Чжан Чжичжоу. Содействие построению теории народной дипломатии с китайской спецификой // Народная газета. – 2017.] URL: <https://world.people.com.cn/n1/2017/0516/c1002-29279197.html> (дата обращения: 15.05.2023)
102. 徐晓明。让中国特色新型智库体系更完备更有力 // 光明日报。 – 2022。 [Сюй Сяомин. Сделать новую систему аналитических центров с китайской спецификой более полной и мощной // Guangming Daily. – 2022.] URL:

- <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1735125833382507319&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.04.2024)
103. 徐永军。邓小平关于改革的论述及其思想探源 // 人民网。 – 2013。 [Сюй Юнцзюнь. Дискуссия Дэн Сяопина о реформе и исследование ее идеологических истоков // Народная газета. – 2017.] URL: https://cpc.people.com.cn/n/2013/1128/c69113-23685810-3.html?ivk_sa=1024609v&wd=&eqid=e6ce531900061cd800000003657704dd (дата обращения: 12.08.2023)
104. 有关国家安全的基本概念 // 江汉大学：党委保卫部、保卫处。 – 2010。 [Основные понятия национальной безопасности // Цзянханьский университет: Отдел безопасности парткома, Управление безопасности. – 2010.] URL: <http://bwc.jhun.edu.cn/66/a8/c1951a26280/page.htm> (дата обращения: 15.04.2022)
105. 李宝贵。汉语正走进非洲——为中非世代友好持续培养新生力量 // 光明日报。 – 2019。 [Ли Баогуй. Китайский язык проникает в Африку – Постоянно возвращаем новые силы для вечной дружбы между Китаем и Африкой // Guangming Daily. – 2019.] URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2019-12/05/33375827.html> (дата обращения: 08.10.2021)
106. 武娟。中国的对外政策是独立自主的，是真正的不结盟 // 人民网。 – 2017。 [У Цзюань. Внешняя политика Китая независима и придерживается политики неприсоединения // Народная газета. – 2017.] URL: <https://cpc.people.com.cn/n1/2017/0912/c69113-29529025.html?eqid=861614c900000f8c0000000564806ca9> (дата обращения: 15.07.2023)
107. 王宾。美要求孔子学院美国中心登记为“外国使团” 外交部：强烈不满坚决反对 // 新华网新闻。 – 2020。 [Ван Бинь. Соединенные Штаты требуют, чтобы американский центр Института Конфуция зарегистрировался в качестве «иностранный миссии» Министерства

- иностранных дел: категорически недоволен и выступает против // Информационное агентство Синьхуа. – 2020.] URL: http://www.xinhuanet.com/2020-08/14/c_1126370069.htm (дата обращения: 01.10.2021)
108. 通过传媒打造软实力有助于提升国家形象 // 人民网。 – 2023。 [Создание «мягкой силы» через СМИ может помочь улучшить имидж страны // Народная газета. – 2023.] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1770120388619799864&wfr=spider&for=pr> (дата обращения: 18.12.2023)
109. 陈明琨。中国特色新型智库建设的理与路 // 中国社会科学报。 – 2021。 [Чэнь Минкунь. Обоснование и путь создания новых аналитических центров с китайской спецификой // China Social Sciences Journal. – 2021.] URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2021-02/05/34600700.html> (дата обращения: 16.03.2024)
110. 马陆亭。面向第二个百年教育的社会功用更强 // 光明日报。 – 2021。 [Ма Лутин. Второй век усиления социальной значимости образования. Газета «Гуанмин дэйли». – 2021.] URL: https://news.gmw.cn/2021-07/06/content_34972691.htm (дата обращения: 19.08.2023)
111. 郭金超。让世界读懂中国——以中新社“大变局·中国治”系列报道为例 [Го Цзиньчао. Пусть мир поймет Китай. В качестве примера возьмем серию репортажей Службы новостей Китая «Великие перемены и управление Китаем». Декабрь, 2021.] URL: https://paper.people.com.cn/xwzx/html/2021-12/01/content_26016847.htm (дата обращения: 16.09.2024)
112. 加藤彻。中国应推行“无为而治”文化战略[Като Тецу. Китаю следует придерживаться культурной стратегии «управление посредством недеяния». Октябрь, 2008]

- <https://oversea.huanqiu.com/article/9CaKrnJl1cA> (дата обращения: 10.09.2024)
113. 刘仓。建设中华民族现代文明要把握好的几个关系 [Лю Цан. При построении современной цивилизации китайской нации необходимо усвоить несколько взаимосвязей. Сентябрь, 2024] URL: <http://www.news.cn/politics/20240912/656569b53d0d4ec9bafc26eafae298b7/c.html> (дата обращения: 16.09.2024)
114. 孙宜学。中华文化国际传播战略：二十个关键问题 [Сунь Исюэ. Международная коммуникационная стратегия китайской культуры: двадцать ключевых вопросов. Ноябрь, 2017.] URL: <https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnK5Pvi> (дата обращения: 16.09.2024)
115. 全球化智库概况。[Официальный сайт Центра изучения Китая и глобализации (обзор).] URL: <http://www.ccg.org.cn/overview> (дата обращения: 10.04.2024)
116. 中国人民大学重阳金融研究院概况。[Официальный сайт Института финансовых исследований «Чуньян» при Китайском народном университете (обзор).] URL: <http://rdcy.ruc.edu.cn/zw/gywm/RDCYjj/index.htm> (дата обращения: 10.04.2024)

Литература

1. Монографии

117. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс. – 1989. – 616 с.
118. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Моск. филос. Фонд. – 1995. – 322 с.

119. Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степутина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. – М.: Восточная литература. – 2010. – 600 с.
120. Болятко А.В. Дальний Восток: В поисках стратегической стабильности. – М.: Институт Дальнего Востока РАН. – 2003. – 196 с.
121. Буяров Д.В., Кузнецов Д.В. Современный Китай: страницы истории / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – М.: Ленанд. – 2016. – 368 с.
122. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / пер. с англ. К.А. Фурсова // науч. ред. и пред. А.И. Фурсова // Изд. 2-е, испр. М.: URSS: ЛЕНАНД. – 2018. – 298 с.
123. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс. – 1990. – 808 с.
124. Воскресенский А.Д. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». – М.: Стратегические изыскания. – 2019. – 736 с.
125. Выборнов С.В. Исследования по безопасности / под ред. С. П. Никанорова. – М.: Концепт. – 1998. – 623 с.
126. Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая / Ю.М. Галенович. – М.: Русская панорама. – 2016. – 1176 с.
127. Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей / Е.Н. Грачиков. – М.: Русайнс. – 2017. – 233 с.
128. Григорьев Б.В., Чумакова В.И. Intercultural Communication. Межкультурные коммуникации. – СПб: ИД «Петрополис». – 2008. – 404 с.

129. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс. – 2000. – 396 с.
130. Дацышен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи / В. Г. Дацышен. – М.: Проспект. – 2017. – 192 с.
131. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881-1914 / В. И. Журавлева; Российский гос. гуманитарный ун-т. – М.: Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2012. – 1136 с.
132. Иншаков С.М. Политологические основы теории национальной безопасности / С.М. Иншаков. – М.: Русайнс. – 2012. – 288 с.
133. Казаков В.Н. Теоретико-методологические проблемы исследования феномена «государственная безопасность» / В.Н. Казаков, Ю.Н. Туганов. – М.: Граница. – 2019. – 159 с.
134. Казанин М.В. Национальная безопасность КНР: теоретическая основа и практика обеспечения. – М.: Макс Пресс. – 2014. – 167 с.
135. Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности. – М.: Восточная литература. – 2010. – 479 с.
136. Клаузевиц К. Принципы ведения войны / Карл фон Клаузевиц; [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. – М.: Центрполиграф. – 2012. – 219 с.
137. Клири Т. Китайское искусство войны: постижение стратегии / под ред. Т. Клири; [пер. с англ. Р. В. Котенко]. – М.: АСТ. – 2018. – 398 с.
138. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / Рос. акад. наук. Отделение ист.-филол. наук. – 2 изд., доп. – М.: Наука. – 2003. – 485 с.
139. Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. – М.: Институт Дальнего Востока РАН. – 2006. – 320 с.
140. Конрад Н.И. Избранные труды: синология. – М.: Главная редакция восточной литературы. – 1977. – 622 с.
141. Куликов В.С. Китайцы о себе. – М.: Политиздат. – 1989. – 256 с.

142. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; [Пер. с фр. под ред. и с примеч. В.В. Иванова]. – М.: Наука. – 1985. – 535 с.
143. Малявин В.В. Китайская военная стратегия. – М.: «Издательство АСТ». – 2002. – 432 с.
144. Малявин В.В. Сумерки Дао: Культура Китая на пороге Нового времени / Владимир Малявин. – М.: Издательство АСТ. – 2019. – 560 с.
145. Непомнин О.Е. История Китая. XX век / О.Е. Непомнин. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. – 736 с.
146. Непомнин О.Е. История Китая. XX век / О.Е. Непомнин; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН: Крафт+. – 2011. – 727 с.
147. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство. – 2004. – 336 с.
148. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. – М.: Наука. – 1993. – 213 с.
149. Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: Издательство ЛКИ. – 2007. – 256 с.
150. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / отв. ред. В.Е. Петровский. – М.: Институт Дальнего Востока РАН. – 2015. – 280 с.
151. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Язык мимики и жестов. – М., 1998. – 216 с.
152. Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина / Е.Н. Румянцев. – М.: Синосфера. – 2016. – 589 с.
153. Саид В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир. – 2006. – 636 с.
154. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. - М.: Феникс, 1998. - 688 с.
155. Соколовский В.Д. Военная стратегия / под ред. В.Д. Соколовского. – М.: Воениздат. – 1962. – 458 с.

156. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию // Фердинанд де Соссюр; Пер. с фр. яз. под ред. А.А. Холодовича. – М: «Прогресс». – 1977. – 695 с.
157. Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н.А. Спешнев. – СПб: Каро. – 2011. – 331 с.
158. Сунь Цзы. Трактат о военном искусстве [пер. с китайского Е.И. Сидоренко]. – М: Воениздат Министерства обороны СССР. – 1955. – 124 с.
159. Сунь-цзы. У-цзы. Искусство стратегии / Перевод с китайского, предисловие и комментарии Н.И. Конрада. – М.: Эксмо. – СПб.: Мидгард. – 2008. – 528 с.
160. Тертицкий К.М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. Часть 1. – М.: ИСАА МГУ. – 1994. – 248 с.
161. Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. – М.: Республика. – 1999. – 256 с.
162. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр. – 2008. – 336 с.
163. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманист. наук: пер. с фр. / Мишель Фуко; вступ. статья канд. филос. наук Н.С. Автономовой // М.: Прогресс. – 1977. – 488 с.
164. Фуллер Дж. Танки в великой войне 1914-1918 гг. / Дж. Фуллер Пер. с англ. под ред. проф. В. Ф. Новицкого. – М.: Высш. воен. ред. совет. – 1923. – 264 с.
165. Чудодеев Ю.В. На глазах меняющийся Китай. – М.: Институт востоковедения РАН. – 2008. – 160 с.
166. Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / Российская акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. – М.: Наука. – 2007. – 324 с.

167. Шилов А.П. Конец древности: о духовном кризисе современного китайского общества и поиске новых ценностей. – М.: Институт Дальнего Востока РАН. – 2009. – 236 с.
168. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: опыт теоретико-экспериментального исследования. М.: Прометей. – 2004. – 334 с.
169. Эриксон Э. Детство и общество / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева. // 2. изд., перераб. и доп. СПб.: Летний сад. – 2000. – 415 с.
170. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс. – 1996. – 340 с.
171. Barnett M., Duval R. Power in global governance // Cambridge: Cambridge University Press. – 2005. – 368 p.
172. Booth K., Trood R. Strategic Cultures in the Asia-Pacific Region. // NY: St. Martin's Press. – 1999. – 378 p.
173. Brodie B. Strategy in the missile age // RAND Corporation. – 2007. – 440 p.
174. Brzezinski Z. The grand chessboard // Basic Books. – 1997. – 223 p.
175. Buckley E.P. The Cambridge Illustrated History of China // Cambridge: Cambridge University Press. – 2010. – 359 p.
176. Chandler A.D., Jr. Strategy and Structure: Chapters in the History of industrial enterprise // Cambridge: MIT Press. – 1962. – 480 p.
177. Creel H.G. Chinese thought, from Confucius to Mao Zedong // University of Chicago Press. – 1953. – 292 p.
178. Ding Sheng. The dragon's hidden wings: how China rises with its soft power // Lanham, MD: Lexington Books. – 2008. – 199 p.
179. Fairbank J.K., Goldman M. China: a new history // Harvard University Press. – 2006. 2nd ed. – 640 p.
180. Ferguson N. Colossus: the rise and fall of the American empire // London: Penguin books. – 2004. – 400 p.

181. Gallarotti G. *Cosmopolitan power in international relations: a synthesis of realism, neoliberalism, and constructivism* // Cambridge: Cambridge University Press. – 2010. – 307 p.
182. Gilpin R. *War and Change in World Politics* // Cambridge: Cambridge University Press. – 1981. – 272 p.
183. Granet M. *Chinese civilization* // Routledge. – 2013. – 488 p.
184. Herder J.G. *Ideas for the philosophy of the history of mankind* // Princeton University Press. – 2024. – 792 p.
185. Huntington S.P. *The clash of civilisations and the remaking of world order* / Samuel P. Huntington // London: Touchstone books. – 1998. – 367 p.
186. Jacques M. *When China rules the world: the end of the Western world and the birth of a new global order* // Penguin Books. – 2009. – 576 p.
187. John M. Koller. *Asian Philosophies* // Pearson Prentice Hall. – 2007. – 364 p.
188. Johnston AI. *Cultural realism: strategic culture and grand strategy in Chinese history* / Alastair Iain Johnston // Princeton: Princeton University Press. – 1998. – 307 p.
189. Kellner H. *Language and Historical Representation: Getting the Story Crooked* // University of Wisconsin Press. – 1989. – 339 p.
190. Kissinger H. *American foreign policy* / Henry Kissinger // NY.: Norton. – 1977. – 445 c.
191. Kissinger H. *Nuclear weapons and foreign policy* // W.W. Norton and Company. – 1969. – 276 p.
192. Kissinger H. *On China* // NY.: Penguin. – 2012. – 624 p.
193. Kluckhohn F., Strodtbeck F. *Variations in value orientations* // NY.: Row, Peterson and Company. – 1961. – 437 p.
194. Kroeber A.L. *Culture: a critical review of concepts and definitions* // NY: Vintage Books. – 1952. – 434 p.
195. Li Mingjiang. *Soft power: China's emerging strategy in international politics* // Lanham: Lexington Books. – 2009. – 275 p.

196. Loewe M. Dong Zhongshu. A “Confucian” heritage and the Chunqiu Fanlu // BRILL. – 2011. – 369 p.
197. Mark L., Stead C., Smewing C. Public diplomacy // London: The Foreign Policy Centre. – 2002. – 183 p.
198. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace // NY.: Random House. – 1985. – 688 p.
199. Nye J. (Jr). Soft power and great-power competition: shifting sands in the balance of power between the United States and China // Springer. – 2023. – 310 p.
200. Nye J.S. Soft power. The means to success in world politics // NY.: Public affairs. – 2004. – 208 p.
201. Nye J.S. The Future of Power // NY: Public Affairs. – 2011. – 300 p.
202. Onuf N. World of our making. Rules and rule in social theory and international relations // University of South Carolina Press. – 1989. – 341 p.
203. Pye L.W. Asian power and politics: the cultural dimensions of authority // Harvard University Press. – 1985. – 414 p.
204. Qian Sima. Historical records / translated by R. Dawson // Oxford University Press. – 1994. – 176 p.
205. Roberts J.A.G. A concise history of China // Harvard University Press. – 1999. – 341 p.
206. Sawyer R.D. The seven military classics of ancient China // NY: Basic Books. – 2007. – 568 p.
207. Tylor E.B. Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, art and custom // Cambridge: Cambridge University Press. – 2010. – 468 p.
208. Wendt A. Social theory of international politics // Cambridge: Cambridge University Press. – 1999. – 429 p.
209. Wu Huaiqi. An historical sketch of Chinese historiography // Springer. – 2018. – 503 p.

210. Zehfuss M. Constructivism in international relations: the politics of reality // Cambridge: Cambridge University Press. – 2002. – 289 p.
211. 中共中央党史研究室。中国共产党历史（第 2 卷）(1949-1978)（套装上下册）// 社中共党史出版社。– 2011。– 1074 页。 [Отделение партийно-исторических исследований ЦК Коммунистической партии Китая. История Коммунистической партии Китая (Том 2) (1949-1978) (комплект из двух томов) // Издательство истории Коммунистической партии Китая. – 2011. – 1074 с.]
212. 何炳松。通史新义 // 商务印书馆。– 2017。– 227 页。 [Хэ Бинсун. Всеобщая история в новом смысле // Коммерческая пресса. – 2017. – 227 с.]
213. 佟东、韩丽雯。文化产业研究新论 // 北京：经济管理出版社。– 2018。– 247 页。 [Тун Дун, Хан Ливэнь. Новые исследования индустрии культуры // Пекин: Economic Management Press. – 2018. – 247 с.]
214. 俞琳。经世奇谋 // 郑州：中州古籍出版社。– 1999。– 831 页。 [Юй Линь. Чудесные стратагемы управления миром // Чжэнчжоу: Издательство древних книг Чжунчжоу. – 1999. – 831 с.]
215. 冯梦龙。智囊全集 // 郑州：中州古籍出版社。– 2000。– 1277 页。 [Фэн Мэнлун. Полное собрание сочинений аналитического центра // Чжэнчжоу: Издательство древних книг Чжунчжоу. – 2000. – 1277 с.]
216. 北斗北。中国武备志·典籍里的旗帜之美 // 中信出版集团出版。– 2021。– 236 页。 [Бэй Доубэй. Вооруженные силы Китая: красота флагов в классике // Издательство CITIC Publishing Group. – 2021. – 236 с.]
217. 唐文彰、姜红明。当代中国国家安全问题 // 北京：中国社会科学出版社。– 2010。– 383 页。 [Тан Вэньчжан, Цзян Хунмин. Проблемы национальной безопасности в современном Китае // Пекин: Академия общественных наук КНР. – 2010. – 383 с.]

218. 孙建民。黄石公三略新说：中国古代兵法经典鉴赏丛书 // 北京：解放军出版社。 – 2011。 – 261 页。 [Сунь Цзяньминь. Три стратегии Хуан Ши-гуна: серия признанных классиков древнекитайского военного искусства // Пекин: Издательство Народно-освободительной армии. – 2011. – 261 с.]
219. 孙楠。文化软实力视域下的创意产品 // 长春：东北师范大学出版社。 – 2018。 – 234 页。 [Сунь Нань. Креативные продукты с точки зрения культурной «мягкой силы» // Чанчунь: Издательство Северо-восточного педагогического университета. – 2018. – 234 с.]
220. 张一飞。中国战略文化中的“战”与“和”：“自修”文化的两种战略选项 // 北京：中国社会科学出版社。 – 2020。 – 177 页。 [Чжан Ифэй. «Война» и «гармония» в стратегической культуре Китая: два стратегических варианта культуры «самосовершенствования» // Пекин: China Social Sciences Press. – 2020. – 177 с.]
221. 张伊宁。中国现代军事思想研究 // 北京：国防大学出版社。 – 2006。 – 676 页。 [Чжан Инин. Исследование современной китайской военной мысли // Пекин: Издательство Национального университета обороны. – 2006. – 676 с.]
222. 张利华。中美欧文化软实力研究 // 知识产权出版社。 – 2015。 – 223 页。 [Чжан Лихуа. Исследование культурной «мягкой силы» Китая, США и Европы // Intellectual Property Press. – 2015. – 223 с.]
223. 张荫麟。中国史纲 // 中国友谊出版公司。 – 2022。 – 224 页。 [Чжан Иньлинь. Очерк китайской истории // Издательство «Китайская дружба». – 2022. – 224 с.]
224. 彭光谦。中国军事战略问题研究 // 北京：解放军出版社。 – 2006。 – 368 页。 [Пэн Гуанцянь. Исследования военно-стратегических проблем Китая // Пекин: Издательство Народно-освободительной армии. – 2006. – 368 с.]

225. 徐根初。中华战略文化的传承与发展 // 北京：时事出版社。 – 2008。 – 287 页。 [Сюй Гэньчу. Наследие и развитие стратегической культуры Китая // Пекин: Current Issues Press. – 2008. – 287 с.]
226. 曲慧敏。中华文化走出去战略 // 北京：清华大学出版社。 – 2017。 – 279 页。 [Цюй Хуэйминь. Стратегия выхода китайской культуры // Пекин: Издательство Университета Цинхуа. – 2017. – 279 с.]
227. 朱希祖。中国史学通论 // 江西教育出版社。 – 2018。 – 432 页。 [Чжу Сицзу. Общая теория китайской истории // Jiangxi Education Press. – 2018. – 432 с.]
228. 李大钊。史学要论 // 商务印书馆。 – 2010。 – 190 页。 [Ли Дачжао. Основы истории // Коммерческая пресса. – 2010. – 190 с.]
229. 李家祥。国家软实力问题研究 // 高等教育出版社。 – 2016。 – 195 页。 [Ли Цзясян. Исследование проблем национальной «мягкой силы» // Higher Education Press. – 2016. – 195 с.]
230. 李而炳。21 世纪前期中国对外战略的选择 // 北京：时事出版社。 – 2004。 – 449 页。 [Ли Эрбинг. Внешнестратегический выбор Китая в начале XXI века // Пекин: Current Issues Press. – 2004. – 449 с.]
231. 李际均。中国军事战略思维论。 – 北京：北京人民出版社，2017 年。 – 488 页。 [Ли Цицзюнь. Теория китайского военно-стратегического мышления. – Пекин: Народное издательство Пекина. – 2017. – 488 с.]
232. 李际均。军事战略思维。 – 北京：军事科学出版社，1998。 – 371 页。 [Ли Цицзюнь. Военно-стратегическое мышление. – Пекин: Военно-научная пресса. – 1998. – 371 с.]
233. 李际均。论战略。 – 北京：解放军出版社，2002 年。 – 375 页。 [Ли Цицзюнь. О стратегии. – Пекин: Издательство Народно-освободительной армии. – 2002. – 375 с.]

234. 杨悦。中国文化外交理念与实践：基于国别的实证研究 // 世界知识出版社。 – 2021。 – 300 页。 [Ян Юэ. Концепция и практика культурной дипломатии Китая: эмпирические исследования на уровне стран // World Knowledge Press. – 2021. – 300 с.]
235. 杨毅。中国国家安全战略构想 // 北京：时事出版社。 – 2009。 – 408 页。 [Ян И. Стратегическая концепция национальной безопасности Китая // Пекин: Current Issues Press. – 2009. – 408 с.]
236. 江西元。中国和平崛起 // 北京：中国社会科学出版社。 – 2004。 – 381 页。 [Цзян Сиюань. Мирный подъем Китая // Пекин: China Social Sciences Press. – 2004. – 381 с.]
237. 沈夏珠。中国道路：历史、理论与战略 // 上海：上海人民出版社。 – 2019。 – 433 页。 [Шэнь Сячжу. Путь Китая: история, теория и стратегия // Шанхай: Шанхайское народное издательство. – 2019. – 433 с.]
238. 王佐书。中国文化战略与安全研究 // 北京：人民出版社。 – 2006。 – 274 页。 [Ван Цзошу. Исследование стратегий и безопасности в сфере культуры Китая // Пекин: Народное издательство. – 2006. – 274 с.]
239. 王岗峰、李建平、何贻纶、陈桂蓉。社会和谐发展论 // 社会科学文献出版社。 – 2007。 – 413 页。 [Ван Ганфэн, Ли Цзяньпин, Хэ Илунь, Чэнь Гуйжун. Теория гармоничного развития в обществе // Социально-научно-литературное издательство. – 2007. – 413 с.]
240. 王景龙。和谐发展论 // 中国环境科学出版社。 – 2008。 – 146 页。 [Ван Цзинлун. Теория гармоничного развития // China Environmental Science Press. – 2008. – 146 с.]
241. 王能宪。文化建设论 // 人民出版社。 – 2006。 – 358 页。 [Ван Нэнсянь. Теория культурного строительства // Народное издательство. – 2006. – 358 с.]

242. 秦榆。孔子学院：孔子的忠恕之道。—北京：中国长安出版社，2006。—275页。 [Цинь Ю. Институт Конфуция: Путь Конфуция преданности и великодушия. — Пекин: Издательство Китай Чаньань. — 2006. — 275 с.]
243. 肖贵清。中国战略 // 沈阳：辽宁人民出版社。—2019。—219页。 [Сяо Гуйцин. Стратегия Китая // Шэньян: Народное издательство Ляонин. — 2019. — 219 с.]
244. 胡键。中国文化软实力评估及增进方略研究 // 天津：天津人民出版社。—2020。—295页。 [Ху Цзянь. Исследование по оценке и стратегиям расширения культурной «мягкой силы» Китая // Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство. — 2020. — 295 с.]
245. 胡键。中国软实力研究 // 天津：天津人民出版社。—2018。—319页。 [Ху Цзянь. Исследования «мягкой силы» Китая // Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство. — 2018. — 319 с.]
246. 范文澜。中国通史简编 // 天津人民出版社。—2020。—464页。 [Фан Вэньлань. Сборник всеобщей истории Китая // Тяньцзиньское народное издательство. — 2020. — 464 с.]
247. 蒋英州。基于政治文化视角的中国国家软实力建设研究 // 北京：中国社会科学出版社。—2014。—313页。 [Цзян Инчжоу. Исследование построения национальной «мягкой силы» Китая с политической и культурной точки зрения // Пекин: Академия общественных наук КНР. — 2014. — 313 с.]
248. 赵集成。公共外交与跨文化交流 // 中国人民大学出版社。—2011。—222页。 [Чжао Цзичэн. Публичная дипломатия и межкультурная коммуникация // Издательство Китайского университета Жэньминь. — 2011. — 222 с.]
249. 邓显超。发展文化软实力的国际经验与中国选择 // 北京：中国政法大学出版社。—2015。—265页。 [Дэн Сяньчао. Международный опыт

- развития культурной «мягкой силы» и выбор Китая // Пекин: Китайский университет политических наук и права. – 2015. – 265 с.]
250. 邓晓宝。强国之略：战略史鉴卷 // 北京：解放军出版社。– 2014。– 377 页。 [Дэн Сяобао. Стратегии сильной страны: работа об истории стратегии // Пекин: Издательство Народно-освободительной армии. – 2014. – 377 с.]
251. 释清仁。中国共产党国家安全战略思想研究 // 北京：人民出版社。– 2020。– 246 页。 [Ши Цинжэнь. Исследование стратегической мысли национальной безопасности Коммунистической партии Китая // Пекин: Народное издательство. – 2020. – 246 с.]
252. 钱穆。国史大纲 // 商务印书馆。– 2010。– 946 页。 [Цянь Му. Очерк национальной истории // Коммерческая пресса. – 2010. – 946 с.]
253. 门镜。中国与欧盟的相互认知：媒体的视角 // 北京：社会科学文献出版社。– 2017。– 210 页。 [Мэнь Цзин. Взаимное восприятие Китая и ЕС: взгляд СМИ // Пекин: Литературная пресса по общественным наукам. – 2017. – 210 с.]
254. 陈登原。中国文化史 // 商务印书馆。– 2017。– 972 页。 [Чэнь Дэньюань. История китайской культуры // Коммерческая пресса. – 2017. – 972 с.]
255. 于丽。为构建中国特色哲学社会科学作出更大贡献 // 人民网。– 2022。 [Ю Ли. Внести большой вклад в развитие философии и социальных наук с китайской спецификой // People's Daily. – 2022.] URL: <http://theory.people.com.cn/GB/n1/2022/1114/c40531-32565522.html> (дата обращения: 13.08.2024)
256. 韩民青。文化论 // 南宁：广西人民出版社。– 1989。– 438 页。 [Хань Миньцин. Теория культуры // Наньнин: Народное издательство Гуанси. – 1989. – 438 с.]

257. 高占祥。文化力 // 北京大学出版社。 – 2007。 – 318 页。 [Гао Чжаньсян. Сила культуры // Издательство Пекинского университета. – 2007. – 318 с.]

2. Диссертации и авторефераты диссертаций

258. Коллинз Дж. М. Большая стратегия: Принципы и практика / Перевод с англ. – М.: Прогресс. – 1975. – 387 с.
259. Помозова Н.Б. Внешнеполитический дискурс КНР в XXI в.: опыт социологической рефлексии: дис. ... канд. соц. наук. – М., 2023. – 377 с.
URL: <https://www.dissercat.com/content/vneshnepoliticheskii-diskurs-knr-v-xxi-v-opyt-sotsiologicheskoi-refleksii>
260. Paul A. Cohen. A path twice traveled: my journey as a historian of China // Fairbank Center for Chinese Studies at Harvard University. – 2019. – 303 p.
261. 郑学刚。 中国文化软实力提升研究 // 中共中央党校。 – 2018。 – 192 页。 [Чжэн Сюэган. Исследования по совершенствованию культурной «мягкой силы» Китая // Партийная школа ЦК Коммунистической партии Китая. – 2018. – 192 с.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFD LAST2019&filename=1019007070.nh%20&v=UEGLvpF7KnTJwBeh7w%25mmd2FzrjFhDWbXLoRq8u2BN8%25mmd2FQwQaTTVhEONJJPT1cLJD94Ya9> (дата обращения: 12.04.2022)

3. Статьи

262. Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции. – Полис. Политические исследования. – 2012. № 5. – С. 130-147. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2624&jn=polis&jn=polis&jid=4625&printmode&ysclid=lv7tkcr8ed774621917 (дата обращения: 18.01.2024)

263. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс. – 1989. – 616 с.
264. Бартенев В. «Стратегия национальной безопасности США» 2015 года: от всеобъемлющего к селективному вовлечению и сдерживанию // Пути к миру и безопасности. – 2015. № 1. – С. 48-66.
265. Белозеров В. К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. – 2015. № 4. С. 19–24.
266. Беляева Г.С., Беляев В.П. Современные зарубежные концепции национальной безопасности: правовое измерение // Вопросы безопасности. – 2016. № 5. – С.11-23.
267. Бергер Я.М. «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром / Российская акад. наук, Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Дальнего Востока Российской акад. наук; [отв. ред.-сост.: А. В. Ломанов, Е. В. Кобелев]. – М.: ИДВ РАН. – 2015. – С. 112-145.
268. Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей / Я.М. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. №1. – С.34-51.
269. Бирюкова Е.А. О значении понятия «культура» //Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. № 12(4). – С. 131–134.
270. Богданов А.Н. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. – 2014. № 3. – С. 8-22.
271. Виноградов А.О. Асимметричный ответ, или Стратегия Китая в глобальном мире // Философские науки. – 2015. № 1. – С. 116-134.
272. Гордиенко Д.В. Взгляды Китая на систему международных отношений в XXI веке: концепция сообщества единой судьбы человечества // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. Т. 1. № 3. – С. 135-147.

273. Горян Э.В. Концепция национальной безопасности Китая в «новую эпоху»: предварительные итоги XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая // Национальная безопасность / nota bene: сетевое изд. – 2022. № 6. – С. 49-61.
274. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР / Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Институт международных исследований. — Москва: МГИМО-Университет, 2022. — 24 с.
275. Журбей Е.В. Стратегия национальной безопасности США В 90-Е гг. XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. № 2. – С. 75-108.
276. Завьялова Т.Г. Формирование терминологических средств стратегематики в китайской культуре // Восток-Запад: Историко-культурный альманах: 2003-2004. К 85-летию С.Л. Тихвинского / Под ред. акад. В.С. Мясникова. – М.: Вост. лит. – 2005. – С. 255-274.
277. Каменнов П.Б. Военная дипломатия КНР // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). – М.: РАН, Институт Дальнего Востока. – 2003. – С. 97-102.
278. Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – Т. 18. – № 2. – С. 178-192.
279. Соболева Е.Д., Кривохиж С.В. Китайский стратегический нарратив о международной системе и его адаптация для разных иностранных аудиторий // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68. – № 6. – С. 119-128.
280. Кривохиж С.В., Теленьга М.П. Трансформация цифровой дипломатии в условиях новых вызовов: взгляд из Вашингтона и Пекина

- // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2024. – Т. 17. – № 2. – С. 143-163.
281. Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 42–52.
282. Бусыгина И.М., Григорьев И.С., Декальчук А.А., Кабанов Ю.А., Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. Модели регионального лидерства в Евразии: к новой исследовательской повестке // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 11. – С. 114-123.
283. Кривохиж С.В., Соболева Е.Д., Мельникова Е.С. ШОС через призму китайских СМИ: анализ публикаций в «Жэньминь жибао» и «Хуаньцю шибао» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23. – № 1. – С. 105-115.
284. Соболева Е.Д., Кривохиж С.В. Внешнеполитическая повестка в СМИ стран Восточной Азии: перспективные направления для исследований // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 5. – С. 45-56.
285. Кислицын С.В. Современные проблемы «большой стратегии» во внешней политике США // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. № 4. – С.27-39.
286. Кобзев А.И. Категория и основные понятия китайской философии и культуры // Народы Азии и Африки. – М.: Восточная литература. – 2006. № 3. – С. 66-81.
287. Кокошин А.А. О наследии Сунь Цзы // Социологические исследования. – 2016. № 11. – С. 114-123.
288. Кузнецова Е. В. Этнос и нация: концепции национальной идентичности // Перспективы Науки и Образования. – 2015. №3. – С. 9-15.
289. Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // Контуры глобальных

- трансформаций: политика, экономика, право, 2021. – Т. 14. № 4. – С. 6-22.
290. Матвеев В.В. Анализ доктринальных документов США и угроз в современном мире // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. № 1. – С. 5-26.
291. Меркулов К.К. Эксперты КНР о некоторых актуальных вопросах формирования нового международного порядка // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. – М., 2018. – С. 253-265.
292. Михневич С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций. – 2015. Т. 10. № 1. – С. 80-117.
293. Михневич С.В. Фактор «умной силы» в процессах институционализации международных отношений // Вестник международных организаций. – 2015. Т. 10. № 4. – С. 93–114.
294. Мясников В.С. Квадратура китайского круга: избранные статьи: в 2 кн. / Ин-т востоковедения РАН. – М.: Восточная литература. – 2006. – 624 с.
295. Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований. – М.: Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2012. – С. 91-102.
296. Печатнов В. Феномен Трампа и американская демократия // Международные процессы. – 2017. Т. 15, № 1. – С. 13-34.
297. Помозова Н. Б. Китайские аналитические центры: от практической рациональности к социальной институциональной рефлексии // ДИСКУРС. – 2021. – Т. 7. – № 5. – С. 71–85.
298. Портяков В.Я. Возвышение Китая: что дальше? Перспективы внешней политики КНР в следующие десять лет // Россия в глобальной

- политике. – 2014. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vozvyshenie-kitaya-chto-dalshe/?ysclid=lv8846w7vk680397046>
299. Распертова С.Ю. Аксиологические доминанции современных культурных стратегий Китая // Полигнозис. – 2010. № 4. – С. 64-75.
300. Распертова С.Ю. К вопросу об исследовании китайской «Стратегической культуры» // Познание стран мира: история, культура, достижения. – 2013. – С. 102-107.
301. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. – 2003. № 5. – С. 36-52.
302. Салтыков Г.Ф. Традиция, механизм ее действия и некоторые ее особенности в Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая. – М.: Наука. – 1972. – 376 с.
303. Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности / А.А. Свешников // Китай в мировой политике: сб. ст. – М.: РОССПЭН. – 2001. – С. 93-143.
304. Сидоров С.А. Концепция национальной безопасности КНР в контексте международной и национальной безопасности России // Национальная безопасность. – 2012. № 1. – С. 77-91.
305. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике / Под ред. В.А.Звегинцева. – М.: Издательство иностранной литературы. – 1960. Вып. 1. – С. 157-201.
306. Фененко А.В. Современные военно-политические концепции США // Международные процессы. – 2009. Т. 7. № 1. – С. 66-83.
307. Флиер А.Я. Три культурные стратегии межнациональных коммуникаций в полиэтническом обществе // Горизонты гуманитарного знания. – 2014. №4. – С. 5-9.
308. Хуан Сочжу. Эволюция концепции безопасности Китая и ее практика в Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. – 2023. № 2. – С. 158–168.

309. Bai Tianyi. Assessing China's Discursive Power: The Concept and Its Effect / Proceedings of the 2021 International Conference on Education, Language and Art (ICELA 2021). – Atlantis Press. – 2022. – pp. 1095-1098.
310. Bohas A. The paradox of anti-Americanism: reflection on the shallow concept of soft power // Global Society. – 2006. Vol. 20, №. 4. – pp. 395-414.
311. Booth K. Strategic culture: validity and validation // The Oxford Journal on Good Governance. – 2005. Vol. 2. № 1. – pp. 25-28.
312. Dahl R.A. The concept of power // Behavioral Science. – 1957. – pp. 201-215.
313. Fan Yi. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. – 2008. – pp. 147-158.
314. Fukuyama F. The Future of History. Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? // Foreign Affairs. – 2012. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/future-history> (дата обращения: 27.04.2023)
315. Gray C.S. Strategy culture as context: the first generation o the theory strikes back // Review of International Studies. – 1999. Vol. 25. №1. – pp. 49-69.
316. Hall T. An unclear attraction: a critical examination of soft power as an analytical category // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. № 3. – pp. 189-211.
317. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations // International Security. – 1998. Vol. 23. № 1. – pp. 171-200.
318. Hu Weixing. Xi Jinping's "big power diplomacy" and China's Central National Security Commission // China's National Security Commission. – 2016. – 163-177 p.
319. Hunter A. Soft power: China on the global stage // Chinese Journal of International Politics. – 2009. Vol. 2. №3. – pp. 373-398.
320. Johnston AI. Thinking about strategic culture International Security // The MIT Press. – 1995. Vol. 19, No. 4. – pp. 32-64.

321. Joshua J. Mark. Ancient Chinese Philosophy // World History. – 2020. URL: https://www.worldhistory.org/Chinese_Philosophy/ (дата обращения: 05.11.2022)
322. Keohane R., Nye J. (Jr) Power and interdependence in the information age // Foreign Affairs. – 1998. Vol. 77. № 5. – pp. 81-94.
323. Klein Y.A. Theory of strategic culture // Comparative Strategy. – 1991. Vol. 10. – pp. 3-23.
324. Lantis J.S. Strategic culture: from Clausewitz to constructivism // Strategic Insights. – 2005. Vol. 1. № 10. – pp. 5-23.
325. Lock E. Strategic culture theory: what, why, and how // Oxford Research Encyclopedia of Politics. – 2017. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.320> (дата обращения: 02.12.2023)
326. Lukes S. Power and the battle for hearts and minds: on the bluntness of soft power. Millennium // Journal of International Studies. – 2005. Vol. 33. №3. – pp. 477–493.
327. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. – 2004. Vol. 170. №. 4. – pp. 298–321.
328. Mak B. The influence of political ideology on the outbound tourism in China // Journal of China Tourism Research. – 2013. Vol. 9. – pp. 1-26. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19388160.2013.756764> (дата обращения: 19.03.2023)
329. Mattern J. B. Why “soft power” isn’t so soft: representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics // Millennium: Journal of International Studies. – 2005. Vol. 33. №. 3. – pp. 583-612.
330. Mirrlees T. American soft power, or, American cultural imperialism? // One World Press. – 2006. – pp. 199-227.
331. Neumann I.B., Heikka H. Grand Strategy, Strategic Culture, Practice. The Social Roots of Nordic Defence // Cooperation and Conflict. – 2005. Vol. 40. №. 1. – pp. 5-23.

332. Nye J. (Jr). The information revolution and American soft power // *Asia-Pacific Review*. – 2001. Vol. 9, No. 1. – pp. 60-76.
333. Ronfeldt D., Arquilla J. Noopolitik: A new paradigm for public diplomacy / N. Snow, P.M. Taylor // *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. NY: Routledge. – 2009. – pp. 352-362.
334. Vuving A.L. The logic of attraction: outline of a theory of soft power // *SSRN Electronic Journal*. – 2020. – 50 p.
335. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. – 1992. Vol. 46. № 2. – pp. 129–177.
336. Wuthnow J. The concept of soft power in China’s strategic discourse // *Issues and Studies*. – 2008. Vol. 44 №. 2. – pp. 1-28.
337. Xin Liu. China’s Cultural Diplomacy: A Great Leap Outward with Chinese Characteristics? Multiple Comparative Case Studies of the Confucius Institutes // *Journal of Contemporary China*. – 2018. Vol.28. – pp. 646-661.
338. Zhang Xupeng. “In and out of the west: On the past, present, and future of Chinese historical theory.” // *History and Theory*. – 2015. – pp. 46-63.
339. 刘元希。浅论新中国文化外交的发展 // 中文科技期刊数据库, 社会科学。 – 2022。第 12 期。 – 第 25-28 页。 [Лю Юаньси. Краткая дискуссия о развитии культурной дипломатии в Новом Китае // База данных журнала китайской науки и технологий, Общественные науки. – 2022. № 12. – С. 25-28.]
340. 单世联。《软实力》论述中的流行文化 // 文化研究。 – 2015。 № 4。 – 第 17-25 页。 [Дань Шилян. «Мягкая сила» массовой культуры // *Культурология*. – 2015. №4. – С. 17–25.]
341. 叶英。从外媒报道看孔子学院的海外形象 // 四川大学学报 (哲学社会科学版)。 – 2015。 – 第 48-57。 [Е Ин. Взгляд на имидж институтов Конфуция за рубежом через призму иностранных СМИ // *Журнал Сычуаньского университета (философия и социальные науки)*. – 2015. –

- C. 48-57.] URL:
[https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDL
 AST2015&filename=SCDZ201503006%20&v=FjuSHTIYXrBWIrDJ0nkwi
 nVZYbUYa1DhldrZX%25mmd2B77BlG9s1WYT6m10DqH4nKh6o%25m
 md2F9](https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDL

 AST2015&filename=SCDZ201503006%20&v=FjuSHTIYXrBWIrDJ0nkwi

 nVZYbUYa1DhldrZX%25mmd2B77BlG9s1WYT6m10DqH4nKh6o%25m

 md2F9) (дата обращения: 12.01.2024)
342. 周庆智。以文化交流增强中华文明传播力 // 中国社会科学报。 – 2023。 [Чжоу Цинчжи. Усиление коммуникационной мощи китайской цивилизации посредством культурного обмена // China Social Sciences Journal. – 2023.] URL:
https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202304/t20230417_5620440.shtml (дата обращения: 13.08.2023)
343. 周燕飞。基于国际中文教育视角的“文化走出去战略”探究 // 文化创新比较研究。 – 2020。 – 第 190-192 页。 [Чжоу Яньфэй. Изучение «Глобальной стратегии развития культуры» с точки зрения международного китайского образования // Журнал «Сравнительные исследования культурных инноваций». – 2020. – С. 190-192.] URL:
[https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD
 AUTO&filename=WCBJ202032063&v%20=ow1mR8eKvxZPQgi6DL1ee
 WqvXRBRg%25mmd2F2Lh953OqVXm3eocG%25mmd2FQ1h5QWtfj2Tp
 4Xags](https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD

 AUTO&filename=WCBJ202032063&v%20=ow1mR8eKvxZPQgi6DL1ee

 WqvXRBRg%25mmd2F2Lh953OqVXm3eocG%25mmd2FQ1h5QWtfj2Tp

 4Xags) (дата обращения: 09.08.2023)
344. 张国祚、刘存玲。新时代背景下的文化软实力提升 // 湖南大学社会科学处版。 – 2020。 – 第 82-90 页。 [Чжан Гоцзо и Лю Цуньлин. Совершенствование культурной «мягкой силы» в контексте новой эпохи // Издание Отделения социальных наук Университета Хунань. – 2020. – С. 82-90.] URL: <http://www.mkszyyj.net/UploadFile/Issue/vmwc5ywl.pdf> (дата обращения: 14.03.2023)
345. 张睿、金磊、丁培毅。“一带一路”背景下的丝路文化软实力建设——国际旅游发展新动力 // 旅游学刊。 – 2017。 – 第 1-3 页。 [Чжан Жуй, Цзинь Лэй, Дин Пэйи. Международный туризм как новая движущая сила

- «мягкой силы» Шелкового пути на примере инициативы «Пояс и путь» // Журнал «Туристический обозреватель». – 2017. – С. 1-3.]
346. 李静。中国旅游外交政策的历史演进 // 天中学看。 – 2020。 – 第 8-14 页。 [Ли Цзин. Историческая эволюция туристической внешней политики Китая // Издательство Тяньчжун. – 2020. – С. 8–14.] URL: [https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDAUTO&filename=TZXK202004002&%20uid=WEEvREcwSIJHSldSdmVqM1BLUWdMWjVWYwDbrkFNbDIJUjlBYTZ3TFVIST0=\\$9A4hF_YAuvQ5ob%20gVAqNKPCYcEjKensW4IQMowvHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTMzNjJDVVI3cWZidWR2RnlEZ1Y3M1BNV%20GZUWmJHNEhOSE1xNDIGWm9SOGVYMUx1eFITN0RoMVQzcVRyV00xRnl=](https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDAUTO&filename=TZXK202004002&%20uid=WEEvREcwSIJHSldSdmVqM1BLUWdMWjVWYwDbrkFNbDIJUjlBYTZ3TFVIST0=$9A4hF_YAuvQ5ob%20gVAqNKPCYcEjKensW4IQMowvHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTMzNjJDVVI3cWZidWR2RnlEZ1Y3M1BNV%20GZUWmJHNEhOSE1xNDIGWm9SOGVYMUx1eFITN0RoMVQzcVRyV00xRnl=) (дата обращения: 08.09.2023)
347. 林航、邱丹妮、林锴。“一带一路”视域下孔子学院对中国文化软实力的影响——基于中国文化输出的数据 // 福建师范大学协和学院文化贸易研究中心。 – 2018。 – 第 27-34 页。 [Лин Хан, Цю Данни, Лин Кай. Влияние институтов Конфуция на «мягкую силу» китайской культуры в контексте инициативы «Пояс и путь». Данные экспорта китайской культуры // Издательство Педагогического университета Фуцзянь. – 2018. – С. 27-34.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDL AST2018&filename=ZJSR201805007%20&v=HVvukYS5eg4nGcETtQXw%25mmd2F8mtwab7IAU16rZbQHZNokz%25mmd2FLTwtaxRTrfbhEoQitF2G> (дата обращения: 09.07.2022)
348. 汤锋旺。华侨华人与中国软实力: 概念、方法及理论 // 东南亚研究。 – 2013。 第 1 期。 – 第 73-79 页。 [Тан Фэнван. Зарубежные китайцы и «мягкая сила» Китая: концепции, методы и теории // Журнал «Исследования Юго-Восточной Азии». - 2013. №1. – С. 73-79.]
349. 洪晓楠。孔子学院的发展历程与文化意蕴 // 文化学刊。 – 2011。 第 5 期。 – 第 30-41 页。 [Хун Сяонань. История развития и культурное

- значение Института Конфуция // Культурный журнал. – 2011. № 5. – С. 30-41.]
350. 温勇、赵晨伊。为中华民族伟大复兴提供强大智力支持——学习习近平关于加强中国特色新型智库建设的重要论述 // 中共中央党史和文献研究院。 – 2018。 [Вэнь Юн, Чжао Чэньи. Необходимо оказать мощную интеллектуальную поддержку великому возрождению китайской нации. Изучение важного выступления Си Цзиньпина об усилении строительства новых аналитических центров с китайской спецификой // Институт партийной истории и документации ЦК Коммунистической партии Китая. – 2018.] URL: <https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0621/c428053-31174218.html> (дата обращения: 13.04.2024)
351. 王亚军。“两个和谐”思想是理论创新的重大成果 // 中华人民共和国中央人民政府。 – 2006。 [Ван Яджун. Идея «двух гармоний» — крупное достижение теоретического новаторства // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 2006.] URL: https://www.gov.cn/zwhd/2006-09/08/content_382217.htm (дата обращения: 09.04.2023)
352. 王岳川、张西平、张梧华。教育：国家软实力提升的助推器 // 中华人民共和国教育部。 – 2013。 [Ван Юэчуань, Чжан Сипин, Чжан Ухуа. Образование: стимул для совершенствования национальной «мягкой силы» // Министерство образования Китайской Народной Республики. – 2013.] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/s7093/s7193/s7196/s7197/201303/t20130318_148753.html (дата обращения: 12.09.2023)
353. 王沪宁。作为国家实力的文化：软权力 // 复旦大学学报。 – 1993。 – 第 91-97 页。 [Ван Хунин. Культура как национальная мощь: мягкая сила // Журнал Фуданьского университета. – 1993. – С. 91-97.]

354. 胡弼成、上官晴。教育文化软实力的构成及内部效应探究 // 清华大学教育研究。 – 2010。 – 第 29-35 页。 [Ху Бичэн, Шан Гуаньцин. Исследования сути и содержания образовательной и культурной «мягкой силы» // Журнал «Образовательные исследования» Университета Цинхуа. – 2010. – С. 29-35.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2010&filename=QHJDJ201003007&v=d%20ntnuUrFK%25mmd2Ba3jHi1yqVRGqIC93QmYZUpX%25mmd2BBFi95PH5%25mmd2FrLIb4RqdRxm9ImwlEe%20Kw7> (дата обращения: 12.01.2024)
355. 舒俊。中国文化软实力研究的回顾与思考 // 文化软实力。 – 2017。 – 第 32-39 页。 [Шу Цзюнь. Ретроспектива и размышления об изучении «мягкой силы» китайской традиционной культуры // Журнал «Мягкая сила» культуры. – 2017. С. 32-39.]
356. 董学峰。国家语言战略背景下的汉语国际推广研究 // 东北师范大学。 – 2016。 – 170 页。 [Дун Сюэфэн. Исследование международного продвижения китайского языка в контексте национальной языковой стратегии // Издательство Северо-Восточного педагогического университета. – 2016. – 170 с.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFD LAST2017&filename=1017003005.nh%20&v=cumjo3%25mmd2BDfEEQ867VYgZVXZ4tUGBdXEwrhs3zuLNFCwirkUrhSGtoKwuygueO0914> (дата обращения: 21.01.2024)
357. 赵林栋。传统文化与文化软实力。攀登：哲学社会科学版。 – 2014。 第 1 期。 – 第 122-127 页。 [Чжао Линьдун. Традиционная культура и «мягкая сила». Журнал «Новые высоты»: издание философии и социальных наук. – 2014. № 1. – С. 122-127.]
358. 连大祥。孔子学院对中国出口贸易及对外直接投资的影响 // 中国人民大学学报。 – 2012。 – 第 88-98 页。 [Лянь Дасян. Влияние

- институтов Конфуция на экспортную торговлю Китая и прямые иностранные инвестиции // Журнал Университета Жэньминь Китая. – 2012. – С. 88-98.] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2012&filename=ZRDX201201014&v=2%20%25mmd2Bc3gbY190%25mmd2FvZ%25mmd2F%25mmd2BVmOJz3J%25mmd2FfXpBlLhA51d9W7riyK6u22W%20Uur3wtHWW9y88y36PB> (дата обращения: 03.07.2022)
359. 门洪华. 中国软实力评估报告 // 国际观察. – 2007. – 第 15-26 页。 [Мэнь Хунхуа. Доклад об оценке «мягкой силы» Китая // Журнал «Международные наблюдения». – 2007. № 3. – С. 15-26.]
360. 阎学通. 软实力的核心是政治实力 // 环球时报. – 2007. – 第 42-43 页。 [Янь Сюэтун. Ядро мягкой силы – политическая сила // Global Times. – 2007. – С. 42-43.]

4. Учебные пособия и справочные издания

361. Бартош А.А. Стратегическая культура. – М.: Издательство Юрайт. – 2023. – 302 с.
362. Большакова В.П., Иконниковой С.Н. История культуры повседневности. – М.: Проспект, 2016. – 497 с.
363. Большая китайская энциклопедия. Том 3. Военное дело. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс». – 2021. – 933 с.
364. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 1: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. – 1995. – 379 с.
365. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 2: Период Чуньцю (VIII-V вв. до н.э.). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. – 2000. – 623 с.

366. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 3: Период Чжаньго (V—III вв. до н.э.). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. – 2006. – 679 с.
367. Давыдов М.А. Китайское искусство стратегии: Теория 36 стратагем по И Цзин; Особые стратагемы терапии; Антистратагемы. – М.: Золотое сечение. – 2011. – 384 с.
368. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский; отв. ред. А.П. Деревянко; Ин-т археологии и этнографии Сибир. отд. РАН. – М.: Наука: Вост. лит. – 2013.
369. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры / М. С. Каган. 2-е изд. СПб.: Петрополис. – 2003. – 368 с.
370. Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности. – М.: Юрайт. – 2023. – 334 с.
371. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории в 2 ч. Часть 1. Теория исторического знания / А. С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 239 с.
372. Медушевская О.М. Методология истории: учебное пособие для студентов специальностей и направлений. – М.: Университет. – 1997. – 71 с.
373. Пирумов В.С. Стратегия выживания социума: Систем. подход в исслед. проблем геополитики и безопасности / В. С. Пирумов; Рос. акад. наук, Акад. проблем геополитики и безопасности. – М.: Дружба народов. – 2003. – 538 с.
374. Теплов Б.М. Ум полководца. Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. – М., 1982. – 400 с.
375. Титаренко М.Л., Кобзев А.И., Лукьянов А.Е. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 томах. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – М.: Восточная литература. – 2009. – 1087 с.

376. Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебное пособие. – М.: Гардарики. – 2005. – 590 с.
377. DOD dictionary of military and associated terms // Federation of American Scientists. – 2021. URL: <https://irp.fas.org/doddir/dod/dictionary.pdf> (дата обращения: 11.11.2023)